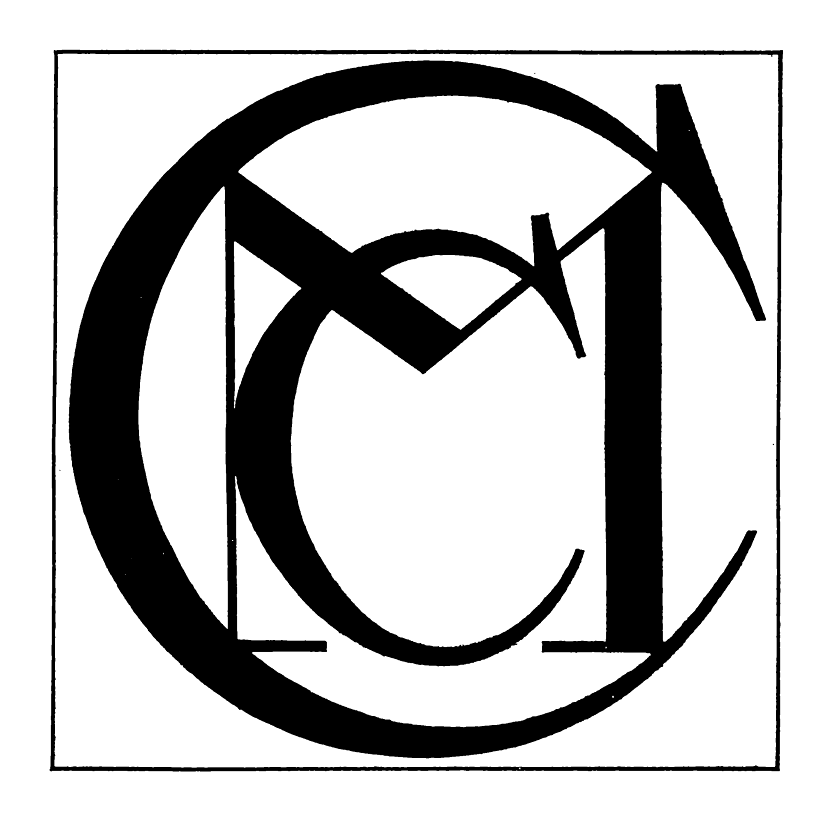
С. Белов



Марка издательства
М. и С. Сабашниковых



Книгоиздатели
братья Сабашниковы



М. В. Сабашников.



С. В. Сабашников.

002
Б 43

Белов С. В.

Б 43 Книгоиздатели Сабашниковы. М., «Моск. рабочий», 1974.

176 с.

Книга рассказывает о жизни и деятельности замечательных русских издателей москвичей Михаила Васильевича и Сергея Васильевича Сабашниковых. Издательство Сабашниковых, в течение 40 лет выпуская нужные народу книги, внесло большой вклад в развитие русской культуры.

002

Б $\frac{61002-023}{М172(03)-74}$ 187—73

С. Белов

КНИГОИЗДАТЕЛИ САБАШНИКОВЫ

Далекое прошлое

Издатели-студенты

Пропаганда дарвинизма

Созвездие имен

Вечные книги

Шанявцы

Страницы биографии

Второе рождение

О прошлом — для будущего

В памяти потомства



МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ · 1974

Это необычная книга. Это книга о книгах, а точнее, о тех, кто их выпускает. Она посвящена жизни и деятельности замечательных русских книгоиздателей Михаила и Сергея Сабашниковых, внесших большой вклад в историю русской прогрессивной культуры.

Братья Сабашниковы были издателями по призванию, талантливо и бескорыстно ведущими свое культурное дело, и работа их оставила значительный след в истории русской книги.

Издательство Сабашниковых — одно из интереснейших предприятий в русском культурном мире. С маркой «М. и С. Сабашниковы» вышло множество известных естественнонаучных, историко-литературных, беллетристических книг. Сколько труда, сколько энергии, сколько незаметной для посторонних работы и какая интуиция стоит за каждой изданной Сабашниковыми книгой, за каждым их издательским начинанием! Сабашниковы создали ряд замечательных литературных и исторических серий: «Памятники мировой литературы», «Страны, века и народы», «Пушкинская библиотека», «Записи Прошлого», ценнейшие сборники «Русские Пропилеи». Многие из изданий с маркой «М. и С. Сабашниковы» предвосхитили, я бы даже сказал, предопределили современные серии и сборники, например знакомые советским читателям серии «Литературные мемуары», «Литературные памятники», сборники «Литературного наследства».

Издательскую марку Сабашниковых невозможно спутать с марками других русских издательств. Когда будет создан «Музей истории русской книги», там в

разделе русских книжных предприятий книги издательства Сабашниковых займут одно из самых значительных мест.

Между тем литература о знаменитых в прошлом московских издателях весьма немногочисленна. Можно назвать лишь несколько статей и заметок в периодической печати. Столь выдающееся явление русской книжной культуры заслуживает, конечно, большего. Поэтому можно только приветствовать появление первой книги о жизни братьев Сабашниковых и о работе руководимого ими издательства.

Весьма знаменательно, что М. В. Сабашников продолжал свою издательскую деятельность и после Великой Октябрьской социалистической революции. Люди моего поколения хорошо помнят советские издания М. В. Сабашникова: и серию «Записи Прошлого», и «Руководства по физике» под редакцией советского физика А. Ф. Иоффе, и первые труды Я. И. Френкеля, и первые произведения выдающегося советского писателя Л. М. Леонова.

Можно с уверенностью сказать, что издательство Сабашниковых внесло значительный вклад также и в создание советского издательского дела, а Михаил Васильевич Сабашников был одним из тех передовых деятелей русской культуры, кто отдал все свои знания и весь свой богатый издательский опыт молодой Советской стране.

Писать книги об издателях трудно. Внешне жизнь этих скромных тружеников не богата событиями. Но автор справился со своей задачей. Лежащая перед читателем книга «Книгоиздатели Сабашниковы» не обычная научная монография, а работа, хотя и исследовательская, но написанная для широкого читателя, и материал в ней изложен доходчиво и интересно.

Академик Д. С. ЛИХАЧЕВ.

Дорогой матери посвящаю эту книжку.

Автор

С 1891 по 1930 год в Москве существовало известное русское издательство М. и С. Сабашниковых (или издательство Сабашниковых, как его чаще называли). По свидетельству А. В. Луначарского, В. И. Ленин назвал его одним из наиболее культурных русских частных издательств.

Во главе издательства в начальный период его деятельности стояли студенты Московского университета братья М. и С. Сабашниковы. Сергей был юристом и химиком, Михаил — биологом.

Научные склонности братьев определили характер изданий, их капитальность и академичность. В издательстве М. и С. Сабашниковых увидели свет рукописи блестящей плеяды русских и зарубежных ученых: «Жизнь растения» К. Тимирязева, «Лекции по эволюционной теории» А. Вейсмана, «Строение вещества» А. Иоффе, «Теория относительности Эйнштейна и новое миропонимание» О. Хвольсона, «Белковые вещества» Д. Прянишникова. Воспитанный на естественнонаучных изданиях Сабашниковых, академик В. А. Энгельгардт, директор Института молекулярной биологии Академии наук СССР, вспоминает: «Кто из нашего поколения не знал этого прекрасного издательства!»

С 1909 года издательство возглавлял один Михаил Васильевич, его брат умер после тяжелой болезни.

Просматривая генеральные каталоги двух крупнейших книгохранилищ нашей страны — Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина и Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, можно обнаружить, что многие кни-

ги, изданные братьями Сабашниковыми впервые 50, 60 или 70 лет назад небольшим тиражом, затем неоднократно переиздавались уже большими тиражами. Сабашниковы приучили своих читателей к чтению серьезных книг, а само издательство, как отмечается в академическом труде «400 лет русского книгопечатания», приобрело «заслуженную репутацию одного из наиболее культурных во всей стране».

В 1910 году М. В. Сабашников начал издавать серию «Памятники мировой литературы». Именно ему русский читатель обязан прекрасными изданиями лучших произведений античной литературы (Софокл, Еврипид), памятников народного творчества («Калевала», «Эдда», «Былины»), литературных памятников древнего Востока (Калидаса, Асвагоша). Эта серия явилась фактическим родоначальником современной серии «Литературные памятники», которую выпускает издательство «Наука».

В издательстве Сабашниковых вышли многотомные сборники по истории русской литературы «Русские Пропилеи», серии книг «Страны, века и народы», «Пушкинская библиотека», «Ломоносовская библиотека».

После Великой Октябрьской социалистической революции М. В. Сабашников отдает все силы советскому издательскому делу, а издательство М. и С. Сабашниковых с честью продолжает свою культурную миссию. В советские годы М. В. Сабашников выпускает серии: «Итоги работ русских опытных учреждений» под редакцией профессора А. Г. Дояренко, «Богатства России» — труды Комиссии по изучению естественных и производительных сил России при Академии наук, первые произведения выдающегося советского писателя Л. М. Леонова, «Труды психиатрической клиники МГУ» под редакцией видного совет-

ского психиатра П. Б. Ганнушкина, монографии крупных советских физиков А. Ф. Иоффе и Я. И. Френкеля.

Наибольшую известность из советских изданий М. В. Сабашникова приобрела серия мемуаров, дневников и историко-литературных материалов «Записи Прошлого». В этой серии были изданы «Дневники» В. Брюсова, «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей» П. Бартенева, «Дневники» С. А. Толстой, «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне» Т. Кузминской и многие другие ценные книги. Выходящая в наши дни в издательстве «Художественная литература» серия «Литературные мемуары» продолжает это прекрасное начинание М. В. Сабашникова.

В 1930 году издательство М. и С. Сабашниковых было преобразовано в кооперативное московское издательство «Север».

...Иван Дмитриевич Сытин умер в 1934 году, Петр Петрович Сойкин — в 1938-м. Михаил Васильевич Сабашников, последний из могикан русского дореволюционного издательского дела, скончался в 1943 году. Как и его брат, он родился, всю жизнь прожил и умер в Москве. Смерть М. В. Сабашникова прошла незаметно для широкой читательской общественности из-за условий военного времени, но имена братьев Сабашниковых, замечательных издателей-просветителей, осуществлявших, как отмечало в 1926 году Русское общество друзей книги, «программу того, что может быть названо русским гуманизмом», навсегда вошли в историю русской и советской книги.

О жизни и деятельности И. Д. Сытина рассказывает книга «Русский самородок», П. П. Сойкина — «Рыцарь книги». О братьях Сабашниковых книг нет, хотя, по словам крупнейшего советского историка академика В. П. Волгина, «своей деятельностью издательство М. и С. Сабашниковы заслужило, бесспорно.

одно из самых почетных мест в истории русского издательского дела», а великий советский режиссер К. С. Станиславский назвал издательство Сабашниковых «замечательным в культурном отношении».

При имени Сабашниковых вспоминаются удивительные слова А. И. Герцена о книге: «Книга — это духовное завещание одного поколения другому, совет умирающего старца юноше, начинающему жить; приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему его место. Вся жизнь человечества последовательно оседала в книге; племена, люди, государства исчезали, а книга оставалась. Она росла вместе с человечеством, в нее кристаллизовались все учения, потрясавшие умы, и все страсти, потрясавшие сердца... Но в книге не одно прошедшее; она составляет документ, по которому мы вводимся во владение настоящего, во владение всей суммы истин и усилий, найденных страданиями, облитых иногда кровавым потом; она — программа будущего».

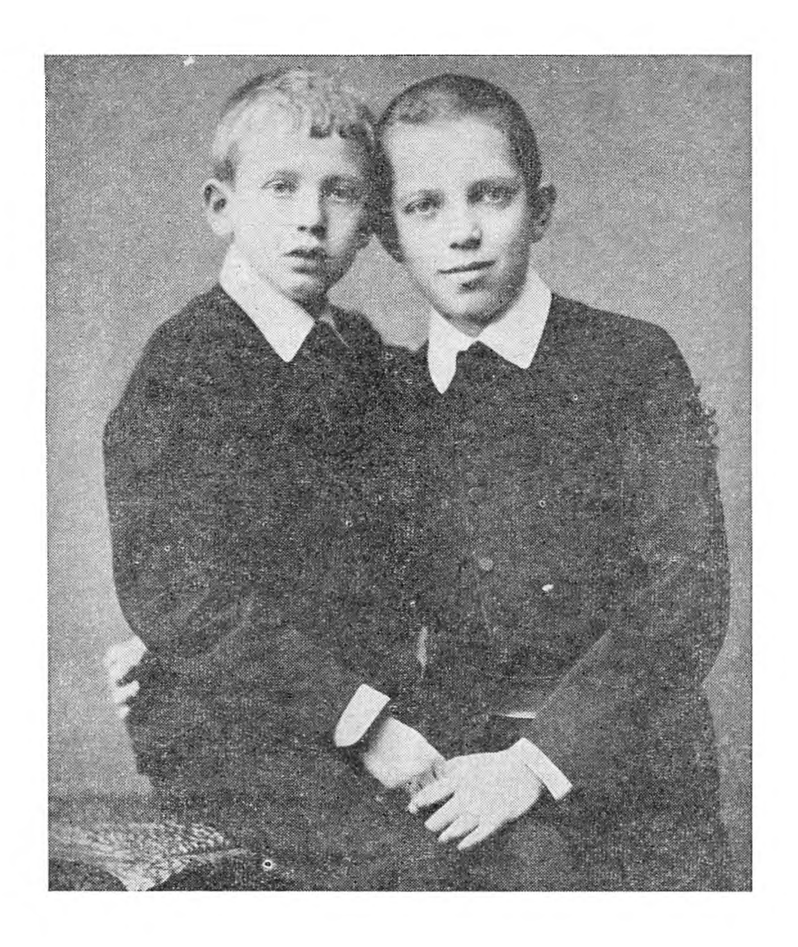
Предлагаемые вниманию читателей очерки являются первой книгой о жизни и деятельности прогрессивных русских издателей — Михаила Васильевича и Сергея Васильевича Сабашниковых.

Автор считает своим долгом принести благодарность всем, кто помогал ему в работе, и прежде всего Н. М. Артюховой (урожденной Сабашниковой), З. П. Измайловой, В. Г. Уткову, А. Л. Паниной, Л. М. Леонову, Т. М. Леоновой (урожденной Сабашниковой), М. В. Сабашниковой-Волошиной, Е. Б. Белодубровскому, В. А. Мануйлову.

В мае 1973 года исполнилось 100 лет со дня рождения Сергея Васильевича Сабашникова.

В свое время Н. Рубакин отмечал, что издательская деятельность Сабашниковых это целая страница в истории русской книги. Откроем эту страницу...

Братья Сабашниковы в детстве.



Далекое прошлое

В 1913 году, составляя автобиографию для юбилейного сборника газеты «Русские ведомости», М. В. Сабашников писал: «Сабашников Михаил Васильевич. Сын хорошо известных в свое время в Москве и в Сибири Василия Никитича и Серафимы Савватьевны Сабашниковых, в конце 60-х годов переселившихся в Москву из Кяхты».

Кяхта. Этот маленький городок в Восточной Сибири, своеобразный центр сибирского купечества, прочно вошел в историю культуры России. Знаменитый американский путешественник Джордж Кеннан, посетивший в 1885 году Кяхту, вспоминает в своем двухтомном дневнике «Сибирь»: «Кяхта сначала производит на наблюдателей впечатление большой зажиточной деревни. Хотя там больше двухэтажных, имеющих комфортабельный вид деревянных домов, чем обычно бывает в деревнях Восточной Сибири, и есть две стоящие внимания церкви, в греко-русском стиле, с белыми стенами, с пестрыми и золочеными куполами, но никому бы не пришло в голову, что этот город — важнейший торговый пункт Восточной Сибири. И однако, через Кяхту провозят в Монголию и обратно русских и китайских продуктов ежегодно на 20—30 миллионов рублей. Известный, столь любимый в России караванный чай везется в Русскую империю из Северного Китая именно через Кяхту; здесь он тщательно упаковывается, зашивается в звериные кожи и отправляется за 4000 верст в Петербург, Москву или на ежегодную Нижегородскую ярмарку. Через Кяхту же идет ввоз китайского шелку, крепна и большого количества прессов — «кир-

пич» — чаю для бедных классов русского населения, бурят, киргизов и других туземных племен».

Связанная крупной торговлей с Китаем, Кяхта, по отзыву другого наблюдательного современника, «по своему богатству умна, образованна, много читает, много выписывает газет, журналов, любит вместе с прейскурантами и политику... делает приговоры знаменитым людям, литераторам и другим».

В значительной мере на культурный уровень кяхтинцев повлиял тот факт, что в 40—50-е годы в поселке Селенгинск, расположенном на половине более чем 200-километрового тракта Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ) — Кяхта, жили сосланные в Сибирь на поселение декабристы. Позже и сама Кяхта стала местом ссылки русских революционеров. В 1885 году туда был сослан известный народоволец И. И. Попов. Через много лет в своих воспоминаниях «Минувшее и пережитое» Попов самые теплые страницы посвятил кяхтинцам, упоминая фамилии Боткиных, Сабашниковых, Токмаковых и других: «Вообще, Кяхта... оставила глубокий след в науке, литературе, искусстве и книжном деле».

Добавим к этому, что дочь кяхтинского купца Токмакова, Мария Ивановна Водовозова, основала в конце XIX века прогрессивное издательство, выпустившее книгу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России».

Когда И. И. Попов писал мемуары, он не знал, что в 1865 году в Кяхте родился еще один человек, который стал впоследствии знаменитым,— крупнейший советский селекционер академик Дмитрий Николаевич Прянишников. В 1957 году вышла его последняя книга — «Мои воспоминания», а одну из самых популярных книг всемирно известного ученого «Белковые вещества» выпустило издательство М. и С. Сабашниковых в 1926 году. В своих воспоминаниях Прянишников высказывает предположение, что в заселении Сибири

видную роль сыграла «новгородская вольница», а разбирая характер наиболее типичных кяхтинских фамилий, он пишет: «Кроме говора, самый характер фамилий (Прянишниковы, Лушниковы, Оловяшниковы, Козишниковы) и тот факт, что мои однофамильцы встречаются в Ярославской области, указывают на севернорусское происхождение, как в данном случае, так и для большинства коренных сибиряков».

Исходя из этого, можно предположить, что корни московских издателей — братьев Сабашниковых уходят в далекое прошлое. Но первые сведения об этом роде связаны с именем Никиты Филипповича Сабашникова, доверенного лица «Российско-американской компании» в Кяхте, потомственного почетного гражданина. Всю жизнь он и его супруга, Аграфена Степановна Сабашникова, прожили в Сибири. Возможно, от них Сабашниковы унаследовали передававшуюся из поколения в поколение тягу к культуре, просвещению, науке, печатному слову.

Один из сыновей Никиты Филипповича и Аграфены Степановны — Иннокентий — активно сотрудничал в местной газете «Кяхтинский листок», выходившей еженедельно по четвергам и печатавшей в основном коммерческие сведения, например составленные по официальным данным «Сведения о ходе заграничной торговли России с Китаем через Кяхту за 1861 г.».

Коммерческие дела приводили Иннокентия Сабашникова и в Лондон, где он навещал Герцена. И. Сабашников сыграл большую роль в деле распространения герценовского «Колокола» в Восточной Сибири.

Дочь Никиты Филипповича и Аграфены Степановны Агния вышла замуж за купца Д. Д. Старцева, в доме которого в Селенгинске жили декабристы Бестужевы. К декабристам была близка и другая их дочь —

Марфа (в замужестве Кандинская). Портреты Агнии и Марфы в свое время рисовал Н. А. Бестужев.

Однако из всех девяти детей Никиты Филипповича и Аграфены Степановны нас больше всего интересует судьба их сына Василия Никитича — отца будущих издателей. Он родился в Кяхте в 1820 году и уже с малых лет принимал участие в купеческих «путешествиях» Н. Ф. Сабашникова. В конце 40-х годов Василий Никитич становится сам крупным коммерсантом и золотопромышленником, ведет оптовую импортную торговлю чаем. Имя В. Н. Сабашникова получает широкую известность не только в Восточной Сибири, но и за ее пределами.

Мать будущих издателей, Серафима Савватьевна Сабашникова (урожденная Скорнякова), была на 19 лет моложе Василия Никитича. Она окончила институт в Петербурге, была развитой, эмансипированной женщиной и приветливой хозяйкой.

Вот как передает атмосферу кяхтинского дома Василия Никитича и Серафимы Савватьевны отрывок из неизданных воспоминаний М. В. Сабашникова:

«Бессмертный отзыв Пушкина: «Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь» — был бы совершенно неприменим к характеристике нашего ученья. Времена сильно переменились; люди и взгляды были совсем другие. Наши родители и все взрослые, окружавшие нас, с детства были проникнуты величайшим уважением к просвещению.

По рассказам старших, дом родителей наших в Кяхте одно время был средоточением кяхтинской интеллигенции, среди которой были и политические ссыльные, в том числе декабристы. Мать получала из Москвы и Парижа книжные новости и охотно делилась ими со знакомыми. Она любила у себя устраивать чтение вслух наиболее занимавших общество статей и ли-

тературных произведений. Вероятно, через китайскую границу отец получал «Колокол» Герцена, и читать его приходили не одни только политические ссыльные».

Далеко не безобидным был кяхтинский салон родителей будущих издателей. В 1861 году М. А. Бакунин писал А. И. Герцену из Америки о возможных путях доставки в Сибирь «Колокола» и «Полярной звезды». Три русских купца в Шанхае, Японии и Николаевске-на-Амуре, по специальной договоренности с Бакуниным, были готовы продавать все присланные из Лондона издания Герцена. Известный писатель-краевед Е. Д. Петряев вполне резонно предполагает, что это были В. Н. Сабашников, Б. В. Белозеров, А. Я. Немчинов.

Связь Бакунина с Сабашниковыми подтверждается и самой историей его побега из сибирской ссылки. Известно, что кяхтинский купец Сабашников согласился дать Бакунину поручение выяснить на месте условия для построения по Амуру торговых и промышленных предприятий. Имея на руках соответствующие документы и деньги, полученные от Сабашникова, Бакунин 5 июня 1861 года навсегда покинул Иркутск. Принимая во внимание высказывание Петряева о дальнейших связях В. Н. Сабашникова с Бакуниным, можно предположить, что именно отец будущих издателей и был тем самым Сабашниковым, который сознательно способствовал побегу Бакунина из ссылки [1].

В доме Серафимы Савватьевны и Василия Никитича Сабашниковых часто бывали декабристы И. И. Горбачевский, М. А. и Н. А. Бестужевы, путешественник и писатель М. И. Венюков, художник

---

[1] Отметим, кстати, что в 1915 году в издательстве М. и С. Сабашниковых вышла монография известного русского историка А. А. Корнилова «Молодые годы Михаила Бакунина».

Х. Я. Рейхель — близкий приятель Герцена по новгородской ссылке, музыкант Редров, писатель С. В. Максимов, художники Игорев, Мазер и другие видные деятели культуры того времени. Здесь свободно обсуждали главные вопросы современности, читали Герцена, Добролюбова и Чернышевского, слушали рассказы друзей, вернувшихся из-за границы. Как раз в это время молодые кяхтинцы — деверь хозяйки салона Ф. Н. Сабашников и В. С. Кандинский — посетили лондонскую выставку русских товаров и, как документально установлено, побывали у Герцена.

По словам М. А. Бестужева, называвшего своих кяхтинских друзей «возлюбленной, младой и вольной братией», именно в салоне Серафимы Савватьевны ему «впервые удалось слышать смелые суждения и жаркие споры».

В 1962 году Кяхтинский краеведческий музей торжественно отметил 100-летие со дня выхода первой забайкальской газеты «Кяхтинский листок». А родилась эта газета в салоне С. С. Сабашниковой. На одном из литературных вечеров было одобрено предложение об издании местной газеты и подготовлен проект программы «Кяхтинского листка». В доме Серафимы Савватьевны возникла также идея открыть в Кяхте женскую гимназию, а сама она стала ее попечительницей и основательницей ценной гимназической библиотеки, которую затем на протяжении многих лет аккуратно комплектовали ее сыновья — издатели, присылая не только книги с маркой «М. и С. Сабашниковы», но и лучшие книги других издательств.

Одной из учениц кяхтинской гимназии была дочь декабриста Михаила Бестужева — Елена, которая жила в доме Серафимы Савватьевны. В мае 1861 года он пишет сестре: «Ты спрашиваешь, где же она (дочь.— *С. Б.*) будет жить? Да, этот вопрос я сам уже

задавал несколько раз с замиранием сердца, а он так просто разрешился. Кроткая, добрая попечительница гимназии, знакомая тебе С. С. Сабашникова вызвалась на эту трудную, тяжелую обязанность второй матери. Она так деликатно, так обязательно-просто сделала предложение, что, право, можно было подумать: уж не я ли делаю ей одолжение?» А через год, в письме к издателю журнала «Русская старина» М. И. Семевскому от 9 августа 1862 года, М. А. Бестужев дополняет эту характеристику Серафимы Савватьевны: «M-me Сабашникова, принявшая на себя священную обязанность быть для Лели второй матерью, образованная женщина и говорит очень хорошо по-французски, имеет детей, и следовательно, это лучшая школа для Лели».

* * *

После открытия в 1869 году Суэцкого канала сошло на нет значение многовековой сухопутной дороги, по которой сибирские купцы вывозили чай из Китая, и в конце 60-х годов братья Василий Никитич и Михаил Никитич Сабашниковы вместе с семьями переселились в Москву, где в доме по Большому Левшинскому переулку (ныне улица Щукина) и родились герои этой книги — замечательные русские издатели Михаил (4 октября 1871 года) и Сергей (31 мая 1873 года) Сабашниковы. Через много лет жена известного русского поэта К. Бальмонта, Екатерина Алексеевна Бальмонт, состоявшая в родстве с Сабашниковыми [1], вспоминала: «Семья Сабашниковых только недавно переселилась из Сибири в Москву... Оба брата поселились в своих домах со своими семьями. У Васи-

---

[1] Сестра Е. А. Бальмонт — Маргарита — была замужем за сыном М. Н. Сабашникова Василием.

лия Никитича было две дочери и три сына [1], у Михаила Никитича — четыре сына и одна дочь.

Мои старшие сестры познакомились случайно в Крыму с детьми Василия Никитича. Это знакомство продолжалось в Москве и вскоре перешло в горячую дружбу. Связь, образовавшаяся между их и нашей семьей, длилась без перерыва всю жизнь, и лично в моей жизни семья Сабашниковых имела огромное значение».

Примечательно, что все пять детей Василия Никитича и Серафимы Савватьевны так или иначе связали свою судьбу с книгой. В конце XIX века был популярен один из русских литературно-научных и политических журналов «Северный вестник». Именно в него перешли основные сотрудники закрытых в 1884 году «Отечественных записок»: Н. К. Михайловский, Г. И. Успенский, А. Н. Плещеев, С. Н. Южаков, С. Н. Кривенко — и другие писатели и публицисты, близкие к народническим кругам. До конца 80-х годов журнал редактировали Н. К. Михайловский, В. Г. Короленко и А. Н. Плещеев, привлекший к сотрудничеству в «Северном вестнике» А. П. Чехова. В литературно-художественном отделе журнала выступали также Д. Н. Мамин-Сибиряк, Вл. И. Немирович-Данченко, Н. С. Лесков, Л. Н. Толстой, А. М. Горький.

Однако сейчас мало кто помнит, что «Северный вестник» иногда называли «Сабашниковский вестник», так как издательницей журнала с 1885 по 1890 год была дочь Василия Никитича и Серафимы Савватьевны — Антонина Васильевна Сабашникова. Чехов писал однажды в шутку редактору беллетристического отдела «Северный вестник» Плещееву: «Боже, какие Вы неловкие люди, зачем Вы отдали Сабашникову за это-

---

[1] Еще два сына умерли в детстве.

С. С. Сабашникова.

М. В. Волошина-Сабашникова. Автопортрет. *Астраханская картинная галерея.*





го монстра Евреинова? Зачем Вы не подождали меня? В интересах литературы я охотно женился бы на ней. У меня «Северный вестник» тогда имел бы 10—15 тысяч подписчиков. Я половину приданого ухлопал бы на рекламу. И Сабашникова не была бы в обиде».

Добавим также, что Антонина Васильевна Сабашникова была прекрасной пианисткой и сам Николай Григорьевич Рубинштейн высоко отзывался об ее игре.

Начало издательской деятельности братьев Михаила и Сергея связано с именем сестры Екатерины, так как первые книги, подготовленные ими к печати, вы-

ходили сначала с обозначением на обложке: «Издание Е. В. Барановской».

Необычной была судьба Федора Васильевича Сабашникова. Он учился в Петербургском университете, но в связи с участием в студенческих волнениях вынужден был закончить образование за границей. Одним из первых в России Ф. В. Сабашников решил поставить добычу золота в Сибири на научную основу. Интересная заметка в связи с этим появилась 9 июля 1898 года в газете «Русские ведомости». В заметке сообщалось о «результатах весьма любопытного исследования о золотопромышленности в Восточной Сибири, появившегося в прошлом году на французском языке в виде двухтомного сочинения «Золото в Восточной Сибири». Исследование произведено французским инженером Эд. Д. Лева по инициативе, на средства и при деятельном личном участии Ф. В. Сабашникова, одного из значительнейших пайщиков в золотопромышленных компаниях в Забайкалье, в Нерчинском округе, а также в Приамурском крае на реке Зее, приток Амура, и в других местностях... Исследование инженера Лева и Ф. В. Сабашникова имеет целью выяснить причины неудовлетворительного состояния нашей восточносибирской промышленности путем основательного изучения ряда приисков».

Но Ф В. Сабашников вошел в историю не как золотопромышленник, а как издатель трудов Леонардо да Винчи.

Ученый Либри, изучавший в 1830 году в Париже в подлинниках труды Леонардо да Винчи, похитил из одного манускрипта маленькую тетрадь в пергаментной обложке, 18 страниц которой были заполнены загадочным зеркальным письмом и силуэтами летящих и парящих птиц. Эта тетрадка вошла в историю под названием «Кодекс о полете птиц». Похищенная тет-

радка попала к итальянскому библиофилу графу Джакомо Манцони, а после его смерти была куплена на аукционе у наследников графа Федором Сабашниковым. Было бы ошибкой считать в данном случае потомка кяхтинских купцов обыкновенным меценатом-дилетантом. Нет, Федор Сабашников уже давно, вместе со своим другом итальянцем Джиованни Пиумати, тщательно изучал искусство эпохи Возрождения и являлся страстным почитателем гениального Леонардо да Винчи.

Заплатив в апреле 1892 года большие деньги за манускрипт «Кодекс о полете птиц», Федор Сабашников сразу же приступает к изданию этого замечательного труда. Он приглашает для расшифровки рукописи хранителя Луврского музея Шарля Равессона, а для изготовления факсимиле нанимает венских мастеров-полиграфистов. Удалось изготовить такой пергамент, каким обычно пользовался Леонардо. Джиованни Пиумати написал большую статью и сделал перевод с древнеитальянского языка на современный, а Шарль Равессон перевел текст на французский.

В 1893 году Федор Сабашников печатает в Париже 300 нумерованных экземпляров «Кодекса» и к каждому прилагает копию манускрипта, а оригинал возвращает итальянскому народу. Это издание Сабашникова — библиографическая редкость и до сих пор непревзойденный образец факсимильного копирования манускриптов конца XV — начала XVI века.

Текст постановления муниципального совета города Винчи от 30 мая 1894 года гласил: «Совет, обсудив то обстоятельство, что известный Федор Сабашников, как истинный меценат в своей любви к искусству и науке, занялся в последнее время изысканиями и изданиями неопубликованных трудов Леонардо да Винчи и, между прочим, напечатал в роскошном томе драго-

ценный «Кодекс о полете птиц», один экземпляр которого любезно подарил нашей общине, а самый оригинал, эту редкостную жемчужину, поднес королевской итальянской библиотеке; обсудив то обстоятельство, что благородная инициатива щедрого и известного Федора Сабашникова является верным залогом дальнейших публикаций других произведений Леонардо, которые в течение четырех веков ждут часа, когда они станут предметом удивления для целого мира, к вящей славе нашего великого согражданина; обсудив то обстоятельство, что всем этим знаменитый Федор Сабашников сделался как бы заслуженным членом нашей общины, постановил поднести Федору Сабашникову почетное гражданство города Винчи».

Позднее Федор Васильевич приобрел еще один манускрипт Леонардо да Винчи — «Трактат по анатомии» и опубликовал его в 1900 году.

Почти все представители рода Сабашниковых внесли тот или иной вклад в историю русской культуры, литературы, науки и искусства. Например, одним из самых способных учеников И. П. Павлова был сын Михаила Никитича Сабашникова — Иван Михайлович Сабашников, защитивший в 1892 году в Петербурге диссертацию на степень доктора медицины и ставший затем одним из лучших психиатров Варшавы. Но И. М. Сабашников оказался также и прекрасным переводчиком: именно ему принадлежит перевод двух поэм известного английского поэта Эдвина Арнолда «Свет Азии, или Великое отречение» (Спб., 1895) и «Свет мира, или Великое утешение» (М., 1917), а также сборника стихотворений Рабиндраната Тагора (М., 1919), причем поэма «Свет мира» и стихи Тагора вышли в издательстве М. и С. Сабашниковых.

В 20-е и 30-е годы нашего столетия в Сибири был достаточно широко известен агроном Владимир Вла-

димирович Сабашников — внук Михаила Никитича Сабашникова. Преданный своему делу человек, он, будучи директором Красноярской областной сельскохозяйственной опытной станции, много сделал для развития сельского хозяйства в советской Сибири. В 1926 и 1930 годах Владимир Владимирович выпустил полезные в свое время монографии «Посевные кормовые травы Средней Сибири» и «Сельскохозяйственные районы Минусинского округа».

Многие читатели знают детскую писательницу Нину Михайловну Артюхову. Это дочь издателя М. В. Сабашникова.

Несколько лет назад нам случайно попалась вышедшая на немецком языке в Штутгарте мемуарная книга «Die grüne Schlange». Ее автор — Маргарита Васильевна Волошина-Сабашникова, первая жена поэта Максимилиана Волошина, дочь Василия Михайловича Сабашникова, двоюродного брата издателей Михаила и Сергея Сабашниковых. Именно Маргарита Васильевна Сабашникова привлекла к сотрудничеству в их издательстве М. Волошина. В переводе и с предисловием Волошина Сабашниковы выпустили в серии «Страны, века и народы» книгу блестящего французского эссеиста Поля Сен-Виктора «Боги и люди».

Однако Маргарита Васильевна и сама оставила значительный след в истории русской культуры. Талантливая ученица И. Е. Репина, она нарисовала портреты многих выдающихся современников, например Л. Толстого, В. Брюсова, актера М. Чехова, а также выпустила маленькую книжку о Серафиме Саровском (М., 1913). В своих мемуарах М. В. Сабашникова рассказывает о встречах с Л. Толстым, А. Белым, М. Волошиным, К. Бальмонтом. Естественно, что нас больше всего заинтересовали строчки, посвященные роду Са-

башниковых и прежде всего издателям Сергею и Михаилу. «Сергей поражал меня резкостью своих суждений,— пишет Маргарита Васильевна,— что, как я позднее узнала, скрывало очень нежную душу. Я попыталась однажды описать Сергею мои переживания. Но его материалистическое воспитание не допускало подобные ощущения...»

Далее Маргарита Васильевна пишет о враче И. М. Сабашникове: «Дядя Иван был одною из тех симпатичных личностей, которые мне встретились на пути. Он был главным врачом лечебницы для душевнобольных в Варшаве. Много рассказывали о том большом влиянии, которое он оказывал на своих больных. Дядя Иван имел в своем характере нечто трогательное и непосредственное. Помимо своей профессии он сочинял и опубликовал тогда прекрасный перевод поэмы Арнолда. Мои сибирские родственники все имели художественную жилку и были просты и естественны».

Последнее замечание М. В. Волошиной-Сабашниковой, так же как и ее слова о материализме Сергея Сабашникова, совсем не случайны. В немалой степени развитию материалистического мировоззрения и «художественной жилки» будущих издателей способствовало их домашнее воспитание в детские и юношеские годы.

Может быть, Маргарита Васильевна жива и сможет дополнить свою книгу? Управление по розыску иностранных граждан Исполнительного комитета Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца прислало нам точные координаты М. В. Волошиной-Сабашниковой: Штутгарт, дом престарелых на Hasenhergsteige. Вот что написала в 1972 году Маргарита Васильевна Волошина-Сабашникова о других представителях рода Сабашниковых:

«К сожалению, я не могу сама написать Вам, потому что плохо вижу и у меня нет никого, кому я могла бы продиктовать по-русски. Я благодарна моей любимой подруге, которая взяла на себя труд написать Вам мой ответ под диктовку по-немецки. Я охотно выполню Вашу просьбу рассказать Вам все об издателях Сабашниковых, все, что я о них знаю. Что касается фотографий, то я помнила, что у меня есть портрет молодого Сергея, но, перерыв весь свой чемоданчик, к сожалению, до сих пор не нашла ничего в нем...

Был еще третий брат, Федор, который ничего общего не имел с издательством Михаила и Сергея. Он жил в Париже и стал известен благодаря изданию факсимиле Леонардо да Винчи, а именно его технических и анатомических рисунков. Город Винчи избрал его почетным гражданином... (В Ватикане, где я просила разрешить мне рисовать, меня также спрашивали, не родственница ли я этому знаменитому издателю этого факсимиле.)

У этих братьев было две старшие сестры. Одна была изумительно музыкально одарена. Она давала много домашних концертов [1].

Издательство выпускало сначала только естественнонаучные книги... Что потом стало с издательством, Вы знаете лучше меня, так как я покинула Россию. Тогда Михаил, который был еще в издательстве, заказал мне альбом портретов известных поэтов, писателей, врачей, актеров и философов».

* * *

Они рано осиротели: Серафима Савватьевна умерла, когда Михаилу было пять лет, а через три года умер Василий Никитич. Была учреждена опека. Но ру-

---

[1] Речь идет об Антонине Васильевне Сабашниковой.

ководила всем хозяйством и занималась воспитанием братьев в основном старшая сестра, Екатерина Васильевна, умная и энергичная девушка, которой в год смерти отца исполнилось 20 лет.

«За эту зиму,— вспоминал Михаил Васильевич,— сложилась у нас та исключительная дружба, длившаяся и крепчавшая затем всю нашу жизнь, которая бывала так часто источником тревог и волнений, но зато и давала нам такую полноту душевной жизни».

Надо сказать, что, несмотря на то что Михаил Васильевич и его брат росли в состоятельной семье, их воспитание было демократическим.

На московском дворе они играли, в сущности, без всякого надзора. Михаил Васильевич с юмором рассказывал, как он однажды едва не погиб, нырнув головой вниз в кадку с дождевой водой. Его спас кто-то из старших мальчиков. Во дворе был склад и стояли пустые бочки. Парнишка, работавший на складе, восхищал малышей своим умением кататься стоя на такой бочке, быстро перебирая ногами. Михаил Васильевич, которому тогда было пять лет, зазевавшись, не успел отбежать, бочка переехала через него, и он потерял сознание. Мальчика посадили на тумбу, где он и просидел, пока не пришел в сознание. Никто из взрослых об этом не узнал.

Младшие братья, Михаил и Сергей, с детства были очень дружны. Их так и называли в семье через тире: Миша — Сережа. В гимназии они учились только в первых классах. На семейном совете решили, что лучше организовать домашнее учение, чтобы впоследствии держать экзамен на аттестат зрелости экстерном. Благодаря старшей сестре, Екатерине Васильевне, мальчикам было дано прекрасное по тому времени домашнее образование. Среди их учителей были такие талантливые ученые, как математик и психолог

С. А. Белкин, историк С. Ф. Фортунатов, литературовед А. Е. Грузинский, математик Ф. И. Егоров, географ С. П. Меч, физик Д. П. Езучевский, историки М. К. Любавский и Е. Е. Якушкин, ботаник П. Ф. Маевский, филологи Н. С. Тихонравов и Ф. Е. Корш. «Совершенно исключительный интерес представляли мои занятия с Ф. Е. Коршем, с которым мы читали в подлиннике Гомера и Овидия,— вспоминал Михаил Васильевич.— Его эрудиция изумляла всех, кому приходилось вступать с ним в общение, и даваемые им комментарии блистали широкими обобщениями и глубоким знанием текста. Не стану дальше распространяться о приглашенных к нам преподавателях. Все они были хорошо известны в Москве по своим выдающимся дарованиям или ими впоследствии ярко выделились».

Общее руководство домашним образованием Миши и Сережи взял на себя педагог Николай Васильевич Сперанский. Каждый предмет изучался углубленно, и домашние занятия скорее напоминали университетские лекции, чем обычные уроки в школе. Достаточно отметить, что преподававший литературу профессор Николай Саввич Тихонравов, впоследствии академик, на примере редактируемого им полного собрания сочинений Н. В. Гоголя знакомил будущих издателей с приемами научного редактирования текстов. Впоследствии эти уроки чрезвычайно пригодились Михаилу Васильевичу при выпуске многих книг, в том числе серии «Памятники мировой литературы», а также посмертного собрания сочинений его учителя Н. С. Тихонравова. Забегая вперед, скажем, что издательская деятельность Сабашниковых началась с печатания трудов их домашних учителей. Это была благодарность учеников за отличное образование. В свою очередь, многие из учителей стали до конца своих дней постоянными сотрудниками издательства М. и С. Сабашниковых.

«Для занятий по химии,— вспоминал Михаил Васильевич,— нам приспособили особую комнату, в которой был устроен вытяжной шкаф, газ и прочие необходимые приспособления. Они впоследствии были широко использованы, равно как и коллекция окаменелостей и собранный нами с Маевским гербарий, так называемыми «коллективными уроками», этим суррогатом Высших женских курсов, организованными после закрытия курсов Герье и в течение нескольких лет ютившимися у нас в доме, пока не удалось добиться разрешения на возобновление Высших женских курсов».

Через Н. В. Сперанского значительно расширился круг знакомых братьев Сабашниковых. У Сперанского часто бывали его университетские товарищи, его братья и друзья. «Это были все люди недюжинные, с повышенными умственными запросами, впечатлительные, отзывчивые...— отмечал Михаил Васильевич,— чисто по-русски беспечные в отношении материальных благ жизни. Работая каждый в своей специальности, они, сходясь вместе, всегда имели что сообщить друг другу нового и занимательного. Для многих из них свободолюбивые традиции являлись славным наследием ряда поколений. В архиве Якушкиных хранились письма и бумаги декабристов».

Многие замечательные люди бывали в московском доме Сабашниковых: статистик и экономист профессор Александр Иванович Чупров, известный судебный деятель Анатолий Федорович Кони, знаменитый путешественник Николай Николаевич Миклухо-Маклай. «После обеда,— пишет Михаил Васильевич,— все общество размещалось в кабинете пить кофе и слушать рассказы Миклухо-Маклая. Он сам, взяв в руки чашку и помешивая ложечкой, располагался на корточках на старом отцовском ковре из тигровой шкуры около

кресла сестры Нины. В таком необычайном положении он вел свои повествования глухим, гортанным, едва слышным голосом, останавливаясь иногда, как бы не находя подходящих выражений. Неоднократно запросто бывал и играл у нас Антон Григорьевич Рубинштейн».

В доме Сабашниковых играли в будущем известные московские музыканты: Д. Шор, Д. Крейн и Р. Эрлих. 4-е трио Бетховена они впоследствии даже называли между собой «Сабашниковское трио».

Учителя не подавляли учеников своим авторитетом. Михаил Васильевич вспоминал, что некоторые любители музыки в те годы не признавали Чайковского. Н. В. Сперанский и Е. Е. Якушкин слушали на концертах Бетховена, а перед началом исполнения произведений Чайковского иногда уходили из зала курить. Миша и Сережа любили не только Бетховена, но и Чайковского и с удовольствием его слушали, несмотря на снисходительные улыбки старших друзей.

Домашние занятия под руководством талантливой плеяды ученых и послужили той базой, на которой сформировались научные интересы будущих издателей, их материалистическое мировоззрение. Именно в это время Михаил и Сергей начинают серьезно и глубоко заниматься естествознанием, и эти занятия, несомненно, предопределили естественнонаучный профиль издательства М. и С. Сабашниковых.

Сдав экстерном экзамены на аттестат зрелости, Михаил в 1892 году, а Сергей в 1894 году поступают на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, который и заканчивают соответственно в 1896 и 1898 годах.

Но еще до поступления в университет они издают первую книгу...

Издатели-студенты

Когда братья Сабашниковы задумали издать первую книгу, Михаилу Васильевичу было 17 лет, а его брату — 16. Факт беспрецедентный в истории русского издательского дела, хотя и другие крупные представители русского книжного дела начинали издательскую деятельность в молодости: М. О. Вольфу был 31 год, А. Ф. Марксу — 31, И. Д. Сытину — 25, К. Л. Риккеру — 29, Ф. Ф. Павленкову — 26, П. П. Сойкину — 23.

Деятельность братьев Сабашниковых началась в 90-е годы XIX века, когда экономическое развитие России шло быстрыми темпами. Как и в других отраслях капиталистической промышленности, в полиграфии происходил рост крупных предприятий, концентрация производства, возникновение акционерных обществ, увеличение числа книгопечатных заведений.

Существенное влияние на развитие книгоиздательского дела оказывали и общественные факторы. 80—90-е годы в России были не только годами политической реакции, начавшейся в России после убийства народовольцами Александра II, но и временем созревания революционных идей, разработки революционной теории. Передовые марксистские идеи проникали во многие уголки России. Стала развиваться деятельность первых марксистских кружков и групп, положивших начало пролетарскому периоду освободительного движения. Казни, каторга, ссылки, разгул полицейского сыска и агентурной деятельности, вырывавшие из рядов революционной интеллигенции наиболее последовательных борцов за политическую свободу, не смогли остановить движения русской революцион-



Студенческие годы.
М. В. Сабашников.



С. В. Сабашников.

ной мысли. Именно в эпоху 80—90-х годов, главными признаками которой были бурный рост капитализма и усиление рабочего движения, «всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического миросозерцания» [1],— подчеркивал В. И. Ленин.

Социал-демократия превратилась в активную политическую силу, тесно связанную с классовой борьбой пролетариата.

«*Слияние* передовых рабочих с социал-демократи-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 331.

ческими организациями было вполне естественно и неизбежно,— отмечал В. И. Ленин.— Это было результатом того крупного исторического факта, что в 90-х годах встретились два глубокие общественные движения в России: одно стихийное, народное движение в рабочем классе, другое — движение общественной мысли к теории Маркса и Энгельса, к учению социал-демократии» [1].

Подъем массового рабочего и общедемократического движения свидетельствовал о коренных, принципиальных изменениях, которые произошли в расстановке революционных сил, и означал наступление новой полосы в истории России — периода подготовки революции. В конце XIX — начале XX века в России возникают издательства, созданные демократически настроенной интеллигенцией: О. Н. Поповой, М. И. Водовозовой, А. М. Калмыковой, М. А. Малых. Они продолжили славные традиции издателей-«шестидесятников»: Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичей, Ф. Ф. Павленкова, И. П. Огрызко, Н. Л. Тиблена, для которых издательство и книжная торговля были прежде всего легальными средствами революционно-просветительной работы в массах.

К этим издателям примыкали и либерально настроенные издатели, вроде К. Т. Солдатенкова, Н. Е. Парамонова, Д. Е. Кожанчикова, Л. Ф. Пантелеева, И. Д. Сытина, П. П. Сойкина, М. и С. Сабашниковых.

Рынок сбыта был разделен между крупнейшими производителями книги, и каждый из них имел на нем свои ясно обозначенные «сферы влияния». Русских классиков издавал в основном А. Ф. Маркс в приложении к знаменитой «Ниве», фантастику и приключе-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 247.

ния — П. П. Сойкин в приложении к не менее знаменитому журналу «Природа и люди», сельскохозяйственную литературу — А. Ф. Девриен, медицинскую — К. Л. Риккер. Разумеется, была и конкуренция между ними. Сабашниковы позже других вступили на русское издательское поприще, однако они сумели быстро завоевать достойное место на книжном рынке и обеспечить себе такое положение, при котором можно было выдержать конкуренцию с другими издателями.

В немалой степени этому способствовала единая линия издательства М. и С. Сабашниковых в выпуске книг на всем протяжении его 40-летнего существования, принесшая ему славу одного из самых культурных в России. С самого начала издательство Сабашниковых было задумано в просветительных целях и таким оставалось до конца. Оно никогда не ставило цели извлекать прибыли из книги, а довольствовалось тем, что работало на условиях самоокупаемости выпускаемых изданий.

Известная советская детская писательница А. Я. Бруштейн, собиравшая в 1914 году книги для узников Шлиссельбургской каторжной тюрьмы и встречавшаяся в связи с этим с прогрессивными русскими издателями, пишет об их «фанатической вере в высокую полезность книжного дела, в святость его предназначения»: «Для людей, не заставших уже дореволюционного прошлого, это, быть может, покажется даже странным, маловероятным, но люди моего возраста хорошо помнят, что среди книгоиздателей это встречалось, среди них бытовало такое отношение к своему делу, такая вера в его высокую чистоту».

Просветительное издательство Сабашниковых родилось на пороге 90-х годов, в то время, когда лучшие представители интеллигенции, вышедшие из купеческой среды, содействовали (в значительной степени

под влиянием русской демократической мысли 60-х годов) развитию русской культуры. К. С. Станиславский в книге «Моя жизнь в искусстве» вспоминал о меценатской деятельности П. М. Третьякова, А. А. Бахрушина, С. И. Мамонтова и других: «Вот... К. Т. Солдатенков, посвятивший себя издательству тех книг, которые не могли рассчитывать на большой тираж, но были необходимы для науки или вообще для культурных и образовательных целей...

М. В. Сабашников, подобно Солдатенкову, тоже меценатствовал в области литературы и науки и создал замечательное в культурном отношении издательство».

Станиславский не случайно сравнивает М. В. Сабашникова с К. Т. Солдатенковым. Просветительное направление издательства Солдатенкова нашло свое продолжение и развитие в издательской деятельности Сабашниковых.

С чувством глубокого уважения и признательности говорит К. С. Станиславский в специальной главе еще об одном крупном меценате в области театра — Савве Тимофеевиче Морозове, деятельность которого тесно связана с основанием Художественного театра.

А. М. Горький, сравнивая героя своей пьесы «Егор Булычев и другие» с Морозовым, говорил: «Тут было добавление к той конкуренции, которую они вели с однородными им людьми, в среде которых они чувствовали себя так или иначе, по той или иной причине неудобно. Савва Морозов чувствовал себя неудобно потому, что он — химик, мечтал о профессуре и имел к этому все данные. У него были отличные работы по химии, и вообще ставился вопрос об оставлении его при университете».

Братья Сабашниковы, как и известный московский меценат, были блестяще образованными людьми с

большими способностями к науке. Достаточно указать на тот факт, что кандидатская работа студента Московского университета Михаила Сабашникова, выполненная им в кабинете сравнительной анатомии под руководством профессоров М. А. Мензбира и В. Н. Львова, под названием «Beiträge zur Kenntniss der Chromatinreduction in der Ovogenese von Ascaris megalocephala bivalens» была опубликована (на немецком языке) в журнале «Бюллетень Императорского общества натуралистов Москвы», 1897, № 1, стр. 82—112. Хорошо знавший М. В. Сабашникова крупный советский книговед и искусствовед член-корреспондент АН СССР А. А. Сидоров написал нам: «Личность Михаила Васильевича была весьма интересной. Он был высокообразованным интеллигентом-философом. Его семья была такая же, таким был и круг его знакомых». Отметим также, что Сергей Сабашников, как и Савва Морозов, увлекался в университете химией и имел все данные для серьезного занятия этой наукой.

Крупнейшие русские издатели в основной своей массе были самородками. Оканчивая в лучшем случае гимназию, они уже мальчиками начинали работать в книжных магазинах, затем покупали эти магазины и типографию и становились издателями. Этот типичный для русских издателей путь прошли М. О. Вольф, А. Ф. Маркс, И. Д. Сытин, П. П. Сойкин, К. Л. Риккер, Н. П. Карбасников и многие другие крупнейшие русские деятели книги. По уровню своего образования они могли быть, как правило, только издателями и типографами издаваемых ими книг, хотя всегда чувствовали и понимали, что и кого надо печатать и издавать в данный момент, и умело привлекали нужных авторов. Разумеется, и такой деятельностью они внесли огромный вклад в русскую культуру, в просвещение на-

рода. Сабашниковы же были не просто издателями, но и редакторами выпускаемых ими книг. О каждой естественнонаучной монографии, выходящей в издательстве М. и С. Сабашниковых, его владельцы, выпускники Московского университета, могли составить собственное мнение, к которому обычно прислушивались авторы монографий.

Дочь М. В. Сабашникова, Н. М. Артюхова, вспоминает: «Мы знали, что отцу можно задать любой вопрос — и он ответит. Было глубокое убеждение, что папа знает все... Если возникал спор или в книге было что-нибудь непонятное, не нужно было заглядывать в энциклопедию, нужно было спросить отца. Причем его ответы не были сухими справками. Он мог увлекательно и интересно рассказать и о Пелопонесской войне, и о делении яйца аскариды, о квантовой теории, о французских импрессионистах. Он очень любил и понимал музыку, мог процитировать на память стихи такого сравнительно малоизвестного поэта, как Баратынский, перевести латинскую или греческую фразу, читал английских, французских и немецких авторов в подлинниках. Знания эти приобретались и пополнялись в течение всей жизни».

За 40 лет издательство М. и С. Сабашниковых выпустило свыше 600 названий книг. Это немного по сравнению с книжной продукцией других крупных русских издателей, но зато какие это были книги! Какие названия! С завидным постоянством и настойчивостью на протяжении четырех десятилетий издательство Сабашниковых проводило строгий отбор книг, предназначенных к выпуску.

И внешний облик сабашниковских изданий отражал культурный уровень издателей. Высококачественная бумага и очень хороший типографский шрифт давали возможность сразу отличить эти издания среди

пестрой массы обложек и форматов на витринах русских книжных магазинов. Можно с уверенностью сказать, что своими изданиями братья Сабашниковы не только приучили к серьезному чтению, но и постепенно привили уважение к искусству книги, ее внешнему виду, переплету, к книге, как величайшему «чуду из всех чудес».

Тем самым Сабашниковы выполнили очень важную для России задачу, о которой великий русский писатель Ф. М. Достоевский говорил еще в романе «Бесы» устами Шатова. Жена Шатова поделилась с ним желанием открыть в маленьком губернском городке переплетную мастерскую. Считая эту затею в настоящее время совершенно утопической для провинциального русского городка, Шатов говорит: «Потому что читать книгу и ее переплетать это целых два периода развития, и огромных. Сначала он [здешний житель] помаленьку читать приучается, веками, разумеется, но треплет книгу и валяет ее, считая за несерьезную вещь. Переплет же означает... что он не только читать полюбил, но и за дело признал».

Сабашниковы очень много сделали для того, чтобы русский читатель книгу «не только читать полюбил, но и за дело признал».

* * *

Широкоизвестный в свое время французский писатель Э. Ренан на одной из страниц своей книги «Будущее науки» писал: «Надо было бы, чтобы каждый, кто посвящает себя научной работе, знал, что он всю жизнь останется бедным и будет лишь иметь самое необходимое; в таком случае только избранные натуры, побуждаемые могучим и непреодолимым влечением, посвятили бы себя науке, а всякие проныры направили бы свои притязания по другому пути.— Ренан

прибавляет с грустью: — Первое условие уже выполнено. Почему не обстоит так же дело со вторым?»

Одной из таких «избранных натур, побуждаемых могучим и непреодолимым влечением», был замечательный русский ученый ботаник-систематик и флорист Петр Феликсович Маевский (1851—1892). В Большой советской энциклопедии о нем всего несколько строчек: «Особенно известен исследованиями по флоре Средней России, в результате которых им был создан один из лучших определителей растений. Маевскому принадлежит также ряд научно-популярных определителей, получивших широкое признание».

Но жизнь большого ученого, как правило, не блещет внешними событиями, и не все способны понять и оценить незаметную на первый взгляд работу мысли и духа. 28 апреля 1892 года с речью «Памяти П. Ф. Маевского» на заседании ботанического отделения Общества любителей естествознания выступил великий русский ученый Климент Аркадьевич Тимирязев: «17 апреля проводили мы в могилу дорогого товарища по науке, бывшего секретаря нашего отделения Петра Феликсовича Маевского. Над могилой, окруженной неутешными родственниками и самым тесным кружком искренних друзей, не место было обычным речам, посвященным памяти общественных деятелей слова и пера,— они звучали бы слишком холодно,— но в этом собрании нельзя пройти молчанием эту безвременную смерть, как-то особенно близко отразившуюся в сердцах людей, близко знавших покойного...

Что дал он жизни, науке и что получил взамен от этой науки, от этой жизни? Он отдал себя всего, безраздельно, все свои помыслы, всю свою энергию, изумительную в таком хилом, болезненном теле. А что дала ему жизнь? Ничего в смысле житейских благ и почестей. И грустно и жутко...

Вот почему над этой свежей могилой чувствуется потребность сказать: «Прощай, товарищ по науке! Прощай, идеалист-ученый! Прощай и прости!»

Сразу же после окончания Московского университета П. Ф. Маевский опубликовал две работы — «О строении тыквенного плода» и «О чешуйках на листьях бегонии», а его магистерская диссертация называлась «Строение махровых цветов». Некоторое время Петр Феликсович был лектором педагогических курсов в Москве и профессором Института сельского хозяйства и лесоводства в городе Новая Александрия на Висле. Петр Феликсович не мог долго оставаться преподавателем. Он был горбат, страдал постоянными перебоями сердца, одышкой, быстро утомлялся при движении или волнении. Он не только не мог прочесть перед аудиторией обычную двухчасовую лекцию, но и вообще ему было трудно долго находиться в обществе. Только кабинетная работа в спокойной домашней обстановке была ему по силам. «Мы и предложили Петру Феликсовичу составить большой определитель растений,— вспоминал Михаил Васильевич Сабашников.— Такая работа при авансировании гонорара и при крайней скромности Петра Феликсовича вполне обеспечивала его на время писания, обещая притом кое-что в будущем в случае удачи предприятия.

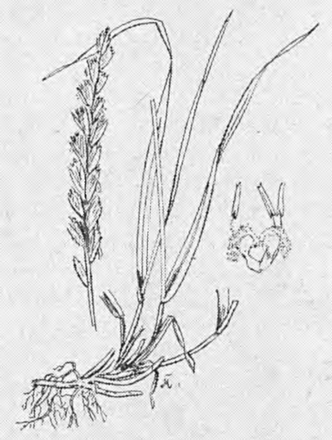
Но Петр Феликсович был щепетилен, горд, самолюбив. В его глазах мы с Сережей все еще были юнцами, не знающими жизни, ни цены деньгам. Здоровье же его было настолько ненадежным, что авансирование гонорара представлялось ему делом большого риска. Убедить его пойти на такое соглашение смог только Николай Васильевич Сперанский. При этом для успокоения совестливого Петра Феликсовича сестра Катя приняла на себя материальную ответственность за сделку, так как Петр Феликсович упорно стеснялся

Первая книга, выпущенная Сабашниковыми.

ЗЛАКИ СРЕДНЕЙ РОССІИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ РУКОВОДСТВО

КЪ ОПРЕДѢЛЕНІЮ СРЕДНЕРУССКИХЪ ЗЛАКОВЪ.



Составилъ П. Маевскій.



МОСКВА.

Типо-лит. Высоч. утвер. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

Пименовская улица, соб. домъ.

1891.



Первая книга, вышедшая с маркой издательства.

ОСЕННЯЯ ФЛОРА
СРЕДНЕЙ РОССІИ.

ТАБЛИЦЫ
для
ОПРЕДѢЛЕНІЯ РАСТЕНІЙ, ЦВѢТУЩИХЪ ОСЕНЬЮ.

СОСТАВИЛЪ
П. Маевскій.

2-е изданіе, исправленное и дополненное
Б. А. Федченко.

МОСКВА.
Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ.
1897

вступать в денежные отношения со своими учениками, каковыми он нас продолжал считать».

После долгих переговоров с П. Ф. Маевским все было улажено, и он отправился в Костино, имение Сабашниковых во Владимирской губернии, для работы над определителем растений. Первая книга, изданная Сабашниковыми,— «Злаки Средней России» П. Ф. Маевского — вышла в свет в 1891 году. Она была набрана у известного московского типографа Ивана Николаевича Кушнерева в его собственном доме на Пименовской улице, 18. В типографии Кушнерева печаталось большинство изданий с маркой «М. и С. Сабашниковы». (Сейчас здесь, на Краснопролетарской улице, 16, располагается крупное полиграфическое предприятие «Красный пролетарий».)

Что же представляла собой первая книга, изданная Михаилом и Сергеем Сабашниковыми, и почему она сразу же завоевала широкую популярность? «Злаки Средней России» П. Ф. Маевского — умело составленный определитель растений, в котором шесть равноценных глав, причем каждая глава имеет не только монографический характер, но и благодаря специальным таблицам может служить источником задач для летних занятий учащихся. Книга П. Ф. Маевского носила серьезный, научный характер в лучшем смысле этого слова. Такой же была и его вторая книга — большой определитель «Флора Средней России», выпущенный Сабашниковыми в 1892 году. Недаром московский журнал «Русская мысль», рецензируя ее, особо выделил «серьезность и полноту содержания». Необходимо отметить, что капитальная работа «Флора Средней России», выдержавшая затем девять изданий [1], была

---

[1] Последнее издание вышло в издательстве «Колос» в 1964 году.

главным трудом П. Ф. Маевского, можно сказать, делом всей его жизни.

Принцип высокой научности лег в основу всех последующих изданий Сабашниковых.

В 90-е годы в результате продолжавшегося промышленного подъема, активизации революционного движения рабочего класса, деятельности первых марксистских групп повысился спрос на общественно-политическую и экономическую литературу. Выпуск книг соответствующей тематики резко увеличился. Одновременно вырос и выпуск книг гуманитарного профиля. Лишь естественнонаучной литературы издавалось попрежнему мало. И на это были объективные причины.

Приветствуя в десятилетний юбилей дореволюционный журнал «Вестник знания», издаваемый В. В. Битнером, Н. А. Рубакин писал: «В деле распространения знаний есть две стороны, определяющиеся двумя вопросами: 1) Какие знания распространять? 2) Как распространять? Ответ на первый вопрос одинаков для всех. Это вопрос науки, одной для всего человечества. Второй вопрос — это вопрос среды. Успех распространения знаний предполагает ответы на эти оба вопроса».

В конце XIX века наука достигла огромного прогресса во всех своих областях, поэтому ответ на первый вопрос: «Какие знания распространять?» — не вызвал ни у кого сомнений. Но «как распространять»? Необходимо было сделать научные знания понятными и доступными самым широким народным массам. Еще революционные демократы считали эту задачу одной из важных для общественного развития России. В статье «Реалисты» Д. И. Писарев указывал: «Можно сказать без малейшего преувеличения, что популяризирование науки составляет самую важную, всемирную задачу нашего века. Хороший популяризатор, особенно у нас

в России, может принести обществу гораздо больше пользы, чем даровитый исследователь. Исследований и открытий в европейской науке набралось уже очень много. В высших сферах умственной аристократии лежит огромная масса идей; надо теперь все эти идеи сдвинуть с места, надо разменять их на мелкую монету и пустить в общее обращение».

Идея популяризации науки, выдвинутая революционными демократами, была подхвачена русской демократической интеллигенцией. Она нашла своеобразное воплощение и в деятельности русских издателей: Н. Л. Тиблена, В. О. Ковалевского, О. Н. Поповой, Ф. Ф. Павленкова, И. Д. Сытина, П. П. Сойкина, М. И. Водовозовой, братьев Сабашниковых. Однако в решении «самой важной, всемирной задачи нашего века» сразу же наметились два различных пути. Первый предполагал издание действительно популярной естественнонаучной литературы, доступной самым широким народным массам. Именно по этому пути пошли Ф. Ф. Павленков, И. Д. Сытин, П. П. Сойкин.

Но был и другой путь в решении этой задачи — издание серьезной, монографической естественнонаучной литературы. Его выбрали В. О. Ковалевский, О. Н. Попова, Михаил и Сергей Сабашниковы. Вот почему известный советский книговед М. Куфаев, говоря об эпохе конца XIX века, отмечает в своей «Истории книги»: «Из московских издателей, развивших издательское дело в это время, следует выделить братьев М. и С. Сабашниковых, издававших серьезные и ценные издания по литературе, естествознанию и общественным наукам». (Разумеется, это деление условное, так как Сабашниковы выпускали и научно-популярные книги, а Сойкин, например, монографическую литературу.) Оба пути были взаимно связаны. Читатели популярной литературы постепенно приучались к чтению серьезной

научной литературы, а она, в свою очередь, влияла на уровень научно-популярной литературы.

Путь, избранный Сабашниковыми, определялся научными склонностями братьев. Он требовал от издателей эрудиции и определенного риска. Однако, избрав этот путь, Сабашниковы с поразительной последовательностью шли по нему все четыре десятилетия своей издательской деятельности — от первой книги Маевского до солидного научного справочника «Железобетон», вышедшего в 1934 году уже с маркой издательства «Север».

Серьезные естественнонаучные издания Сабашниковых, постепенно завоевывая все более широкие массы читателей, со временем и сами становились популярными. И лучшее доказательство издательской прозорливости Сабашниковых — переиздание их первых книг после Великой Октябрьской социалистической революции. Например, работа П. Ф. Маевского «Весенняя флора Средней России», выпущенная Сабашниковыми в 1893 году, вышла 13-м изданием в 1962 году.

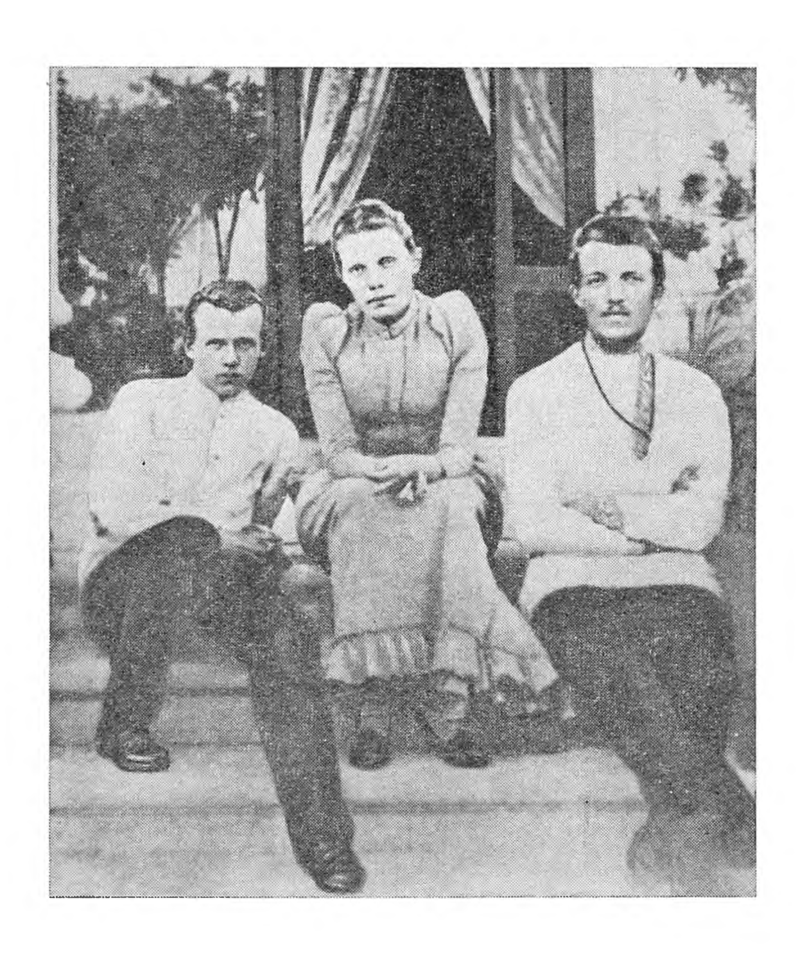
Первые издания Сабашниковых, как уже говорилось, явились своеобразной благодарностью молодых издателей своим учителям, замечательным русским ученым. Идея же некоторых изданий, как, например, книг Маевского, возникла во время совместных занятий учеников и учителей. Через много лет М. В. Сабашников вспоминал: «Мы с П. Ф. Маевским много ботанизировали. Мы пользовались при этом для определения растений Определителем среднегерманской флоры Пестеля. Русский перевод этой книги был едва ли не единственным в то время на русском языке пособием для определения растений. Само собой, при разнице в видовом составе среднегерманской и русской флоры, Пестель не мог удовлетворить элементарным

требованиям, предъявляемым к определителю. Многих встречающихся у нас форм у Пестеля совершенно не было, и наоборот, книга эта изобиловала ненужными для русского натуралиста описаниями форм, в России не встречающихся. Маевский казался человеком как будто предназначенным для составления русского определителя».

Собирая материал для своей будущей книги, Маевский ознакомился с трудом профессора математики Московского университета В. Я. Цингера, который в качестве ботаника-любителя решил «проверить описание растений, ранее найденных в России». Очень часто русские ученые, выражаясь нынешним языком, «совмещали» две профессии, т. е. помимо своего основного занятия имели еще «одну — но пламенную страсть», о которой часто и не подозревали современники. Мало кто знает, что академик В. М. Бехтерев писал стихи, а в архиве П. Ф. Маевского после его смерти нашли рождественскую сказку «Елка дяди Бёрда», и возможно, из знаменитого ботаника мог бы получиться неплохой беллетрист. А для математика В. Я. Цингера такой страстью была ботаника. Он проделал колоссальную работу по изучению многочисленных гербариев в разных учреждениях и у частных лиц.

«Флора Средней России» создавалась П. Ф. Маевским в усадьбе Сабашниковых, в Костине. «В главном доме,— пишет М. В. Сабашников,— поселился на лето художник Н. А. Мартынов с семьей. Так с весны 1889 года двухэтажный флигель с 5 комнатами наверху и 4 внизу, кроме кухни, пошел под ученую братию, до самой революции непрерывно служа как бы «домом отдыха» ученых и учащих, употребляя теперешнюю терминологию. В нем П. Ф. Маевский написал свой определитель, Н. А. Мартынов составил свой учебник рисования, В. Н. Львов подготовил к печати

С. В. Сабашников,
Е. В. Барановская,
М. В. Сабашников.



учебник зоологии и проредактировал не одну книгу из издаваемой нами «Серии учебников по биологии», Н. В. Сперанский закончил свои «Очерки по истории средней школы», подготовленные им за границей, Е. Е. Якушкин перевел книгу немецкого филолога Г. -Р. Гильденбранда «О преподавании родного языка в школе».

Первая книга Сабашниковых не имела еще издательской марки «М. и С. Сабашниковы», так же как и последовавшие за ней определители растений П. Ф. Маевского «Флора Средней России» (1892), «Весенняя флора Средней России» (1893) и некоторые другие издания. Две книги: «Курс рисования» Н. А. Мартынова (1891) и «Флора Средней России» П. Ф. Маевского — были выпущены от имени старшей сестры Сабашниковых, Е. В. Барановской, которая приняла на себя юридическую и материальную ответственность за издания. В автобиографической заметке Михаил Васильевич отметил, что эти книги изданы братьями «от имени Е. В. Барановской в знак благодарности за заботы ее по их воспитанию».

Книги с указанием фирмы «Издание М. и С. Сабашниковых» стали выходить с 1897 года. Это второе издание «Осенней флоры» П. Ф. Маевского (1897), «Учебник неорганической и физической химии» В. Рамсея (1898), «Лекции по элементарной биологии» Т. Паркера в переводе В. Н. Львова (1898).

Издательство М. и С. Сабашниковых сначала помещалось в Трубниковском, а затем в Гагаринском переулках. В 1906 году в связи с тяжелой болезнью брата Михаил Васильевич специально снял две смежные квартиры в доме № 6 по Тверскому бульвару, чтобы иметь возможность постоянно следить за здоровьем Сергея Васильевича. В этом доме и помещалось издательство до 1917 года.

Пропаганда дарвинизма

Вторая половина XIX века — время крупных открытий в биологии. Возникла эволюционная теория, предметом которой стало изучение условий, причин и закономерностей исторического развития живой природы. К. А. Тимирязев посвятил успехам биологии специальную статью «Развитие биологии в XIX столетии». В этой работе замечательный русский ученый отмечал, что «эволюционное учение только потому и восторжествовало, что приняло форму дарвинизма... Только дарвинизм объяснил, почему эволюция имеет характер биологического прогресса, а также почему в результате этого процесса получился современный склад органического мира».

Дата рождения эволюционной теории — 1859 год — выход в свет «Происхождения видов» Чарлза Дарвина, ибо только дарвинизм поставил идею эволюции на научную почву. Более чем 100-летний период развития биологии после создания эволюционной теории Ч. Дарвина полностью подтвердил правильность его учения о естественном отборе как движущей силе эволюционного процесса.

Вскоре после выхода «Происхождения видов» быстро сформировалась группа молодых биологов — пропагандистов дарвинизма. Ведущими среди них были английские ученые Т. Гексли, А. Уоллес, Дж. Гукер, Г. Бейтс, немецкие — Э. Геккель, Ф. Мюллер, К. Гегенбаур, русские — К. А. Тимирязев, И. И. Мечников, А. О. и В. О. Ковалевские, И. М. Сеченов.

Дарвинизм получил широкое распространение в России уже в течение 60-х годов. Выступая на VII

съезде русских естествоиспытателей и врачей в 1883 году, замечательный биолог-дарвинист академик А. О. Ковалевский говорил, что дарвинизм был принят в России так быстро и без особой борьбы потому, что не встретил «твердо установившихся традиций», как это имело место в естествознании Западной Европы, а также из-за того, что его появление совпало с «пробуждением общества» после Крымской войны.

Характеризуя развитие естествознания в России в эпоху 60-х годов, К. А. Тимирязев писал, что такие ученые, как Д. И. Менделеев, А. М. Бутлеров, Л. С. Ценковский, В. О. Ковалевский, И. И. Мечников, И. М. Сеченов, А. Г. Столетов, А. И. Бабухин, в каких-нибудь 10—15 лет выдвинули русскую науку в общеевропейскую семью, вошли в нее «уже не в качестве учеников, а полноправными деятелями, а порою и намечающими путь руководителями». В начале XX века И. И. Мечников подчеркнул, что основой большей части биологических работ, проведенных в России в течение истекшего полустолетия, было учение Дарвина.

Наиболее последовательным пропагандистом дарвинизма в России был Тимирязев. Позднее выдающуюся роль в распространении дарвинизма сыграли такие биологи, как М. А. Мензбир, Н. А. Холодковский, В. М. Шимкевич. С позиции дарвинизма выступали многие биологи России: В. Н. Львов, Н. А. Северцов, С. А. Усов, М. Н. Богданов, В. А. Вагнер, Г. Зейдлиц, Д. Н. Анучин, а также палеонтологи: А. П. Павлов, М. В. Павлова, С. Н. Никитин, В. П. Амалицкий и другие.

В 60-е годы XIX века русские издатели начинают пропагандировать дарвинизм. «Происхождение видов» выпускают издатель М. О. Вольф, фирма Глазуновых, выдающийся русский палеонтолог В. О. Ковалевский,

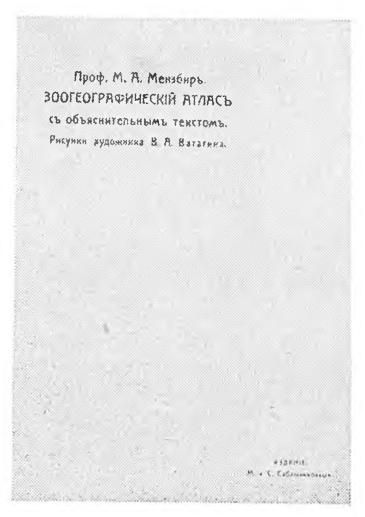
основавший научное издательство. Убежденный сторонник дарвинизма, он активно пропагандировал научное, материалистическое понимание природы, распространял передовые идеи в естествознании. В издательстве В. О. Ковалевского вышли труды Т. Гексли, К. Фохта, Я. Молешотта, А. Келликера.

Сабашниковы продолжили начатую В. О. Ковалевским пропаганду дарвинизма. И это не случайно. Еще в Московском университете братья Сабашниковы с увлечением слушали лекции К. А. Тимирязева, М. А. Мензбира, В. Н. Львова и других крупнейших русских дарвинистов, причем М. В. Сабашников был даже среди наиболее одаренных студентов в специальном биологическом семинаре под руководством профессора М. А. Мензбира.

Молодые издатели начали популяризацию дарвинизма с выпуска трудов своих университетских профессоров. Очень многие сотрудники издательства были связаны с Сабашниковыми не только общей работой, это были единомышленники и друзья. «Среди дарвинистов,— вспоминал Михаил Васильевич,— наблюдается иногда тенденция применять учение Дарвина упрощенно к толкованию явлений эволюции и человеческого общества. Известно, что некоторые при этом доходили до проповедования заядлого эгоизма, культа силы, войны, оправдывания смертной казни, наконец, как фактора отбора. Среди московских дарвинистов, моих товарищей и моих учителей, мне не приходилось встречать ничего подобного. Для нас казалось бесспорным, что гуманное начало и чувство солидарности, возникающее в обществе, требуют от его членов самопожертвования в пользу коллектива, увеличивают жизнеспособность общества, обеспечивают ему победу над обществом, не развившем в себе этих доблестей».

М. А. Мензбир.





Проф. М. А. Мензбиръ.
ЗООГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ
съ объяснительнымъ текстомъ.
Рисунки художника В. А. Ватагина.

Еще в университете М. В. Сабашников встретился с К. А. Тимирязевым. Знакомство профессора и студента постепенно перешло в тесную дружбу и сотрудничество. Три раза, в 1905, 1908 и 1914 годах сабашниковское издательство выпустило широкоизвестную в свое время книгу К. А. Тимирязева «Жизнь растения». При подготовке издания 1914 года М. В. Сабашников обратился с письмом к К. А. Тимирязеву:

«Глубокоуважаемый Климент Аркадьевич!

Оригинальные рисунки Сапожникова к последнему изданию «Жизнь растения» у меня сохранились. Я за-

казал новые клише по этим оригиналам. Ввиду выраженного Вами желания заменить рисунок 6 другим, контурным, прошу меня уведомить, возьмете ли Вы на себя заказать Сапожникову новый рисунок. В противном случае я могу заказать этот рисунок, но буду просить Вас указать, желаете ли Вы иметь повторение того же изображения или дадите какие-либо другие инструкции.

Рисунки 27, 28, 31, 54, 82 были воспроизведены по Вашим фотографиям и по другим рисункам. Сохранились ли у Вас негативы и оригиналы для этих фигур и можно ли будет воспользоваться ими для изготовления новых клише? Наконец, обе фототипии мною уже заказаны Кушнереву. Не пожелаете ли Вы украсить книгу еще одной фототипией? Кроме того, было бы приятно дать цветной спектр. Я поручил набирать книгу и буду присылать Вам листы для утверждения уже прокорректированные. Условия при сем посылаю.

Что касается «Происхождения видов Дарвина», то с большим удовольствием принимаю Ваше предложение.

Прошу принять уверения в глубоком моем уважении.

М. Сабашников».

Именно в труде «Жизнь растения» К. А. Тимирязев подвел итог многолетнему изучению воздушного питания растений — процессу фотосинтеза. Открытие Тимирязевым энергетической закономерности фотосинтеза явилось крупнейшим вкладом в обоснование учения о единстве и связи живой и неживой материи в процессе круговорота веществ и энергии в природе.

Для характеристики взаимоотношений К. А. Тимирязева с издательством М. и С. Сабашниковых приве-

дем неопубликованное письмо замечательного русского ученого к М. В. Сабашникову:

«Глубокоуважаемый Михаил Васильевич!

Примите мою искреннюю благодарность за присланные мне экземпляры «Жизни растения» — даже в числе, значительно превышающем высказанные мною пожелания. Пользуюсь этим случаем, чтобы поблагодарить Вас и за изящную форму нового издания, и, в особенности, за то, что, несмотря на сопряженные с этим расходы, Вы нашли возможным не увеличивать его прежнюю цену — что, конечно, будет значительно способствовать распространению книги — обстоятельство для всякого автора наиболее ценное.

Искренне Вам преданный К. Тимирязев».

Пожалуй, наиболее активным автором из русских дарвинистов в издательстве Сабашниковых был крупный зоолог профессор Московского университета, впоследствии советский академик Михаил Александрович Мензбир (1855—1935). Под редакцией и в переводе М. А. Мензбира М. В. Сабашников выпускает в 1911 году работу ученика и сподвижника Дарвина А. Уоллеса «Дарвинизм». К этому времени дарвинизм получил уже настолько повсеместное распространение в России, что даже «Правительственный вестник» отмечал, рецензируя это издание Сабашниковых: «Для знакомства с основами эволюционного учения можно смело рекомендовать эту книгу, преимущество которой, как образцового первоисточника, перед другими популярными изданиями очевидно. Издана книга хорошо».

В специальной статье «А. Уоллес и его научное значение», вошедшей в издание, М. А. Мензбир подчеркнул, что сочинение Уоллеса можно считать допол-

нением к классическому труду Дарвина о происхождении видов, так как Уоллес особенно подробно рассматривает также и слабые стороны учения самого Дарвина и все возражения, сделанные ему после выхода «Происхождения видов». Поэтому такой солидный журнал, как «Вестник Европы», отмечал, что изданная Сабашниковым книга Уоллеса «является необходимой для всякого, кто хоть сколько-нибудь интересуется трудами Дарвина. Перевод книги безукоризненный, издание не оставляет желать ничего лучшего».

Под редакцией М. А. Мензбира и известного биолога профессора Московского университета В. Н. Львова издательство Сабашниковых с 1898 по 1919 год выпускало ценнейшую «Серию учебников по биологии», в которой и увидели свет важнейшие труды русских и зарубежных дарвинистов.

Одним из наиболее талантливых пропагандистов дарвинизма был английский естествоиспытатель, ближайший соратник и последователь Ч. Дарвина Томас Генри Гексли (1825—1895). Важное значение имела работа Гексли «Основы физиологии», доказывающая морфологическую близость человека к высшим обезьянам. В 1899 году под редакцией В. Н. Львова издательство М. и С. Сабашниковых выпускает эту программную работу Т. Гексли в «Серии учебников по биологии». Издатели учли тот факт, что «Основы физиологии» появились на родине естествоиспытателя еще в 70-х годах XIX века. Поэтому, приняв во внимание быстрые успехи естествознания, Сабашниковы решили сделать русский перевод с последнего немецкого издания книги Т. Гексли, дополненной известным немецким физиологом И. Розенталем.

Другим классическим произведением Гексли, уже давно переведенным на многие европейские языки, яв-

лялась работа «Рак. Введение в изучение зоологии». Лишь на русском языке длительное время не было этой книги. Как бы восполняя этот пробел, Сабашниковы в 1900 году выпускают с предисловием В. Н. Львова в «Серии учебников по биологии» вторую книгу Т. Гексли, и, как отмечала газета «Русские ведомости», «можно только радоваться, что эта книга наконец появляется и на русском языке, и притом в хорошем переводе и в хорошем издании».

Естественнонаучную литературу до братьев Сабашниковых издавали и В. О. Ковалевский, и Н. Л. Тиблен, и Ф. Ф. Павленков, и М. О. Вольф, и А. Ф. Девриен, и И. Д. Сытин, и П. П. Сойкин. Однако Сабашниковы впервые в России с такой последовательностью выпускали труды русских и зарубежных дарвинистов.

Составляя в 1926 году по просьбе Н. А. Рубакина справку об издательстве М. и С. Сабашниковых, Михаил Васильевич особо отметил: «Постепенно расширяя свою деятельность, издатели привлекли в ряды своих сотрудников главнейших в Москве представителей дарвинизма и выпустили ряд сочинений Львова, Маевского, Мензбира, Тимирязева, Борисяка, Флерова, Федченко и др.

При деятельном содействии этих сил в период бывшего у нас движения к самообразованию издательство в течение ряда лет выпускало библиотеку под названием «Серия учебников по биологии», давшую в отдельных руководствах энциклопедию науки о жизни с последовательным проведением в ней основ дарвинизма».

Достаточно посмотреть каталоги издательства М. и С. Сабашниковых, чтобы убедиться в справедливости этих слов Михаила Васильевича.

«Человек, его происхождение и эволюционное развитие» — так называлась монография немецкого дарвиниста Вильгельма Лехе, изданная Сабашниковыми в 1913 году в переводе М. А. Мензбира и С. А. Усова, в «Серии учебников по биологии». Это была удачная попытка обобщить тот громадный материал, который накопился в антропологии за последние 50 лет. Первые три главы книги посвящены историческому анализу эволюционного учения, а две заключительные — времени появления человека на земле и предположениям автора о том, что ожидает человека в будущем. Важно отметить оптимистический вывод Вильгельма Лехе, его веру в торжество лучших, светлых сторон человека.

Русские журналы, реферируя изданные Сабашниковыми «Лекции по элементарной биологии» английского дарвиниста Т. Паркера (1898; изд. 2-е, 1901), особо отметили перевод и иллюстрации. «Книга эта представляет одно из тех английских руководств, в которых практическое изложение нимало не направлено в ущерб теоретическому достоинству,— отмечал журнал «Научное обозрение».— Русский перевод заслуживает полной похвалы, внешность издания безукоризненна. Некоторые рисунки подлинника заменены другими, лучшими».

Как правило, труды зарубежных дарвинистов для издательства М. и С. Сабашниковых переводил профессор Московского университета В. Н. Львов, человек большой культуры и эрудиции, сделавший очень много для пропаганды дарвинизма в России. Именно в его переводе Сабашниковы выпускают три книги известной английской писательницы Арабеллы Беклей: «Победители в жизненной борьбе» (1900), «Жизнь и ее дети» (1901) и «Краткая история естественных наук» (1907).

Книга великого русского ученого, вышедшая в издательстве тремя изданиями.

ЖИЗНЬ РАСТЕНІЯ

ДЕСЯТЬ ОБЩЕДОСТУПНЫХЪ ЧТЕНІЙ

К. А. Тимирязева

ПРОФЕССОРА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, БЫВШАГО ПРОФЕССОРА ПЕТРОВСКОЙ АКАДЕМІИ

6-е изданіе

Съ 83 рисунками въ текстѣ и двумя фототипіями

МОСКВА.
Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ.
1905.

Пропаганда братьями Сабашниковыми дарвинизма проникла в глубь России. Так, сибирский журналист Н. Кащенко, откликаясь на выход первых двух книг А. Беклей «Жизнь и ее дети» и «Победители в жизненной борьбе», отмечал в газете «Сибирская жизнь»: «Эти две книги, представляющие почти полный популярный курс зоологии талантливой английской писательницы А. Беклей, заслуживают особого внимания при изучении естествознания. Описание сделано образно и умело, чему, очевидно, много способствовал и переводчик, опытный специалист и отличный стилист».

В переводе книги А. Беклей «Краткая история естественных наук» принял участие также профессор Московского университета, впоследствии видный советский палеонтолог А. А. Борисяк. В 1905 году Сабашниковы начали выпускать фундаментальный труд А. А. Борисяка «Курс палеонтологии». Ученый продолжал работу над главным трудом своей жизни, и третья часть «Курса палеонтологии» под названием «Палеофаунистика и руководящие ископаемые» вышла в издательстве М. и С. Сабашниковых уже в советское время. После Великой Октябрьской революции М. В. Сабашников выпустил также небольшую монографию А. А. Борисяка «Геологический очерк Сибири» (1923).

Еще один пример, свидетельствующий о широком распространении естественнонаучных изданий Сабашниковых,— рецензия в «Саратовском вестнике» на книгу английского дарвиниста Д. Ньюмана «Бактерии, их роль в экономии природы и в промышленных процессах и их отношение к общественному здоровью». «Среди прекрасных изданий фирмы Сабашниковых,— отмечала газета,— книга Ньюмана принадлежит к задуманной ими серии учебников по биологии,

из коих все положительно делают честь компетентному выбору руководителей изданий, а некоторые должны почесться классическими. Таковы «Рак» Гексли и его «Основы физиологии», «Строение человека» Видерсгейма и др.».

Упоминаемая в «Саратовском вестнике» книга профессора Р. Видерсгейма «Строение человека с сравнительно-анатомической точки зрения» вышла в издательстве М. и С. Сабашниковых в переводе М. А. Мензбира в 1900 году. Эта монография существенно дополняла обычные руководства по анатомии человека известными обобщениями философского характера, и в этом смысле она оказалась полезной для занимающихся изучением биологии и медицины, для всех интересующихся биологией и антропологией.

Русская периодическая печать тепло встретила естественнонаучные издания Сабашниковых. Однако некоторые журналы и газеты, привыкшие к популярной подаче материала в изданиях Ф. Ф. Павленкова, И. Д. Сытина, П. П. Сойкина, не сразу освоились с серьезностью и монографичностью книг с маркой «М. и С. Сабашниковы». Например, журнал «Русская мысль» (1905, № 5), рецензируя книгу А. А. Борисяка «Курс палеонтологии», отметил в качестве недостатка тот факт, что автор не объяснил популярно сложные явления, а в рецензии на книгу И. Розенталя «Общая физиология» (1903) тот же журнал усомнился в том, чтобы «эта книга могла пробудить у начинающих большой интерес к предмету».

«Пробудить у начинающих большой интерес к предмету» могли работы английской писательницы А. Беклей, популярно изложенные на русском языке В. Н. Львовым и изданные Сабашниковыми в специальной серии «Первое знакомство с природой» (1902—1913).

К научно-популярной литературе относится и ряд других изданий Сабашниковых, в основном учебники и учебные пособия. Среди них в первую очередь необходимо отметить «Учебник ботаники для средних учебных заведений» преподавателя Елизаветинской женской гимназии в Москве В. Ф. Капелькина и приват-доцента Московского университета А. Ф. Флерова. О популярности этой книги красноречиво свидетельствует тот факт, что она выдержала девять изданий, причем последнее издание с маркой «М. и С. Сабашниковы» вышло уже после Великой Октябрьской социалистической революции.

Совместно с другим известным ботаником Б. А. Федченко А. Ф. Флеров выпустил в издательстве М. и С. Сабашниковых несколько пособий и руководств к изучению и собиранию растений, заполнив тем самым весьма существенный пробел в русской ботанической литературе. В предисловии к своим работам Б. А. Федченко и А. Ф. Флеров подчеркивали, что они хотят оказать помощь ботаникам-любителям, «пожелавшим глубже заглянуть в жизнь растений».

Появление учебников, вышедших в издательстве М. и С. Сабашниковых, совпало с широкой дискуссией по вопросу о преподавании естественнонаучных дисциплин в средней школе. Многие русские педагоги выступили в печати с заявлениями о ненаучности, схоластичности преподавания естествознания в школе. В качестве примера приводилась программа реальных училищ, в которой отсутствовала какая-либо руководящая идея, не было связи не только, например, между зоологией и ботаникой, но даже между отдельными частями этих наук и т. д.

На почве такой программы появилась целая серия псевдонаучных учебников для средних школ, авторы которых совершенно не заботились об их научном со-

«Серия учебников по биологии» — «энциклопедия науки о жизни».

СЕРІЯ УЧЕБНИКОВЪ ПО БІОЛОГІИ.

А. Вейсманъ.

ЛЕКЦІИ

ПО

ЭВОЛЮЦІОННОЙ ТЕОРІИ.

ЧАСТЬ I.

Съ 95 рис. и 3 цвѣтными таблицами.

Переводъ съ нѣмецкаго

В. Елпатьевскаго и Г. Риттера

подъ редакціей

В. Н. Львова.

МОСКВА

Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ

держании, а главное, в этих учебниках полностью отсутствовала научная историческая перспектива, необходимая для понимания тесной связи различных явлений естествознания. Вот почему русская периодическая печать специально выделила учебные издания Сабашниковых, как приятные исключения среди аналогичных изданий других книгоиздательских фирм, а педагог С. Григорьев назвал в журнале «Вестник воспитания» выпущенный Сабашниковыми «Начальный учебник зоологии» В. Н. Львова (1902—1903) «лучшим из наших учебников зоологии».

Такой же высокой оценки удостоился и ряд научно-популярных изданий Сабашниковых, служащих своеобразным дополнением к школьным учебникам. Особенно много откликов вызвали книги английских ученых М. Маршаля «Развитие человеческого зародыша» (1898), К. Кимминса «Химия жизни и здоровья» (1899) и Г. Карпентера «Насекомые, их строение и жизнь» (1903). «Книжка Маршаля успешно заполняет существенный пробел и является чрезвычайно желательным и ценным вкладом в нашу литературу,— отмечал журнал «Научное обозрение».— Изложение настолько просто и понятно, что книга может быть доступна и при самой элементарной подготовке по анатомии человека».

«Книгу эту можно назвать превосходным руководством для начального ознакомления с энтомологией,— рецензировал журнал «Русская мысль» изданную Сабашниковыми работу Г. Карпентера.— Все основные данные анатомии, эмбриологии, биологии и систематики изложены строго научно, достаточно подробно и понятно... Положительно необходимо каждому русскому любителю энтомологии купить книжку Карпентера... Внешность русского издания лучше английского оригинала, что не часто бывает».

«Химия жизни и здоровья» К. Кимминса вышла третьим изданием с маркой «М. и С. Сабашниковы» в 1921 году. Так часто бывало с изданиями Сабашниковых. Многие из них, являясь единственными на русском языке, даже спустя десятилетия не утрачивали своего научного значения.

Средний тираж естественнонаучных изданий Сабашниковых, кроме учебников и мелких книжек в серии «Первое знакомство с природой»,— 3 тысячи экземпляров.

Сабашниковы, определяя тираж издания, исходили в первую очередь из учета общественных потребностей. Прибыль их мало интересовала. Разумеется, с маркой «М. и С. Сабашниковы» выходили и доходные издания, но иногда издатели весьма своеобразно распоряжались этими доходами. Например, весь доход от посмертного издания «Общедоступных лекций» выдающегося русского физика профессора Московского университета А. Г. Столетова Сабашниковы передали в специальный премиальный фонд Московского университета для поощрения лучших студенческих работ по физике. Весь доход от издания лекций профессора Московского университета крупного русского психиатра В. П. Сербского «Судебная психопатология» (1900) Сабашниковы передали на строительство психиатрических лечебниц в Москве.

На естественнонаучных изданиях братьев Сабашниковых выросло целое поколение выдающихся русских и советских ученых. Многие из них выпустили свои первые книжки в издательстве М. и С. Сабашниковых.

Созвездие имен

Блистательная плеяда русских ученых объединилась вокруг издательства М. и С. Сабашниковых. Это целое созвездие имен замечательных деятелей русской науки, литературы и искусства.

И Сабашниковы были не просто издателями. Они были также единомышленниками своих авторов, а со многими из них Михаила Васильевича и Сергея Васильевича связывала тесная дружба и духовная близость. Дочь М. В. Сабашникова, Н. М. Артюхова, вспоминает: «Отец говорил, что ему всегда везло на друзей. Со многими из них отношения, завязавшиеся в годы учения, прошли через всю жизнь. Помню, девочкой еще, как интересно было, когда они собирались у отца. Какой-то особенный, насыщенный был разговор. Думаю, и они тоже считали, что у них хороший друг. Люди, даже не очень близко знавшие отца, через десятки лет при случайном упоминании его имени светлели и говорили о нем самые теплые, сердечные слова».

О большом чувстве ответственности издателей перед авторами говорит, например, такой факт. Когда загорелся дом на Тверском бульваре, где помещалось издательство М. и С. Сабашниковых, то Михаил Васильевич, хотя почти все его личное имущество сгорело, сделал все, чтобы спасти рукописи. И чтобы ученые — петербургские авторы,— услышав о пожаре, не волновались, М. В. Сабашников тут же поспешил успокоить их.

Н. М. Артюхова пишет: «Есть такое выражение, не всегда справедливое, что глаза это зеркало души.

У отца это было именно так. Огромные, яркие, даже в старости молодые, удивительно чистого темно-голубого цвета, они, казалось, шли навстречу людям. Умная доброта и добрый ум. Щедрость. Щедрость души, готовность помочь каждому, кто в этом нуждается. Помочь не только материально (хотя и материально он многим помогал), но отдать свое время, свои силы — и сделать это так, чтобы не обидно и не трудно было тому, кому отдают».

С большим тактом вели издательские дела братья Сабашниковы. В Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина сохранилось два письма С. В. Сабашникова к академику, двоюродному брату Н. Г. Чернышевского, Александру Николаевичу Пыпину.

В 1898 году Сабашниковы выпустили при участии А. Е. Грузинского, М. Н. Сперанского и В. Е. Якушкина трехтомное собрание литературоведческих работ своего учителя, академика Н. С. Тихонравова. Сабашниковы решили привлечь к изданию А. Н. Пыпина. 17 октября 1897 года Сергей Васильевич пишет к нему:

«...Мы, как издатели, с своей стороны хотели бы получить от Вас подтверждение Вашего согласия на участие в издании и вместе с тем выяснить вопрос о гонораре, обойденный М. Н. Сперанским в его предварительных с Вами переговорах. Не считая себя вправе брать на себя оценку Вашего труда, мы не делаем Вам никаких предложений и покорнейше просим, чтобы Вы потрудились сами указать нам размер этого гонорара. Затем мы хотели бы знать, не желаете ли Вы, в качестве сотрудника издания, получить несколько его экземпляров для раздачи своим милым знакомым, а также не потребуются ли Вам отдельные оттиски Вашей статьи.

В полной надежде, что все дело устроится к обоюдному нашему удовольствию без малейших недоразумений, остаюсь Вашим покорным слугой.

С. Сабашников».

Через пять месяцев подошла корректура статьи А. Н. Пыпина о Н. С. Тихонравове, и С. В. Сабашников 19 марта 1898 г. снова пишет своему автору:

«Милостивый государь Александр Николаевич,

Вячеслав Евгеньевич (Якушкин.— *С. Б.*) известил меня, что высылает Вам последние корректурные листы Вашей статьи о Тихонравове: значит, наступило время кончать с «скучным вопросом» о гонораре.

Вы предоставили определить размер гонорара нам, оставив за собой право «ремарки». Итак, позвольте предложить Вам гонорар в размере 120-ти р. за печатный лист нашего издания, или 615 р. за всю статью. А затем ждем от Вас ремарки и надеемся, что Вы сделаете ее не стесняясь...»

Постепенно, но зато очень уверенно росла слава издательства. Быть напечатанным у Сабашниковых считалось большой честью. Вот как об этом сказал на 35-летнем юбилее издательства критик и переводчик А. Эфрос: «У нас есть какой-то молчаливый, общий уговор относительно литературной табели о рангах. Есть степени и отличия. Среди них одна из самых высоких — издательская марка Сабашниковых. Когда у кого-нибудь на книге она появляется впервые, мы испытываем особое чувство. Мы знаем, что писатель перешел рубеж. Мы говорим, что он получил *академическое кресло,*— в кругу «бессмертных» этой своеобразной Сабашниковской Академии».

Вероятно, невозможно назвать имена всех замечательных русских ученых, поэтов, деятелей культуры,

сотрудничавших в издательстве М. и С. Сабашниковых. Простой их перечень занял бы добрую треть этой книги. Поэтому расскажем лишь о тех, кто был наиболее близок к издательству.

О Петре Феликсовиче Маевском мы уже рассказывали в главе «Издатели-студенты». Добавим лишь несколько штрихов к характеристике личности ученого, его взаимоотношений со своими издателями. Сабашниковы жили рядом с Маевским, и Михаил Васильевич бывал у него чуть ли не каждый день. Конечно, беседы с таким высокообразованным человеком, как Петр Феликсович, были всегда интересны. Однако не только поэтому Михаил Васильевич заходил почти ежедневно к своему бывшему учителю. Здоровье Петра Феликсовича заметно ухудшалось, и он все чаще стал говорить о приближении смерти. Михаил Васильевич решил отвлечь его от мрачных мыслей и предложил Маевскому подготовить к изданию целую серию маленьких книжек «Наблюдатели природы». Петр Феликсович постепенно втянулся в обсуждение проекта нового издания, стал записывать предполагаемые темы отдельных книжек и подбирать авторов, которых необходимо привлечь к работе над серией.

Весьма любопытно для характеристики П. Ф. Маевского его письмо к Н. В. Сперанскому от 19 января 1892 года, написанное тяжелобольным Маевским за несколько месяцев до смерти: «Ведь ужасно хоронить в себе свои знания. Я, по крайней мере, хотел бы о своих трещать сорокою. Ну разве не больно сознавать, что я лишь один в мире знаю, как красиво, умно построен арбуз (говорю не шутя)».

В другом письме к Н. В. Сперанскому П. Ф. Маевский упоминает о своих бывших учениках: «Вчера был у меня Сергей Васильевич. Сильно вырос, возмужал и, кажется мне, окреп, хотя и похудел. С Михаилом

Васильевичем я виделся давно. Строй его ума и характер мыслей чаруют меня. О сердечности его и говорить нечего. Он относится ко мне, точно родной. Только заикнулся о Маколее и уже на другое утро был завален томами».

Почти все свои главнейшие труды выпустил в издательстве М. и С. Сабашниковых Михаил Александрович Мензбир — крупнейший зоолог-дарвинист, академик, автор многочисленных трудов по орнитологии и зоогеографии, составитель первых научных сводок по систематике и биологии птиц в России. М. А. Мензбир получил образование в Московском университете, здесь же защитил магистерскую и докторскую диссертации и читал лекции в качестве доцента, а затем профессора по кафедре сравнительной анатомии. В 1906 году М. А. Мензбир был избран помощником ректора университета. Однако в начале 1911 года в знак протеста против исключения из университета революционно настроенных студентов М. А. Мензбир сам подал прошение об освобождении его от должности помощника ректора.

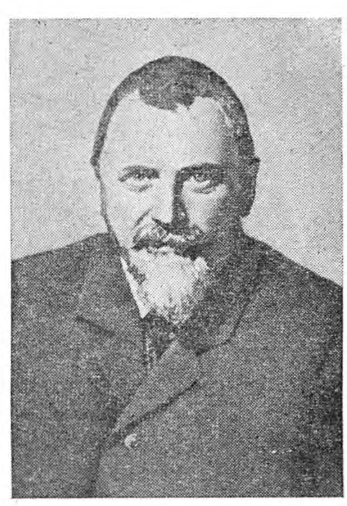
Но такие «вольности» в самодержавном государстве не проходят бесследно. В ответ на прошение М. А. Мензбира немедленно последовало отстранение его и от должности профессора, хотя в 1911 году он уже имел звание заслуженного профессора. Именно в это время Сабашниковы выпускают ценнейшее издание — «Зоогеографический атлас» М. А. Мензбира с рисунками московского художника В. А. Ватагина, специально для изучения животных посетившего лучшие зоологические сады Европы. Появление этого издания отметили крупнейшие русские ученые, в том числе К. Тимирязев, Д. Кайгородов, Д. Анучин.

Как и многие другие ученые, сотрудничавшие с Сабашниковыми, Мензбир плодотворно работал и после

А. И. Чупров.



В. Е. Якушкин.



Великой Октябрьской социалистической революции, заложив основы советской орнитологии и зоогеографии.

В мае 1904 года после многолетнего перерыва вышли «Стихотворения» Н. П. Огарева. Это двухтомное издание выпустили Михаил и Сергей Сабашниковы. И хотя не все из творческого наследия Огарева вошло, по цензурным соображениям, в это издание, но задача — сделать общедоступными произведения запрещенного поэта — была выполнена. Русская периодическая печать тепло встретила это издание: «Огарев принадлежит к числу основательно, но совершен-

но незаслуженно позабытых русских поэтов... Нельзя не приветствовать настоящее издание, которое наконец делает общедоступными стихотворения Огарева» («Русские ведомости», 1904, 12 июля); «Лишь теперь уничтожается наконец печальнейший и бессмысленнейший анахронизм» — «сорок с лишком лет» поэзия Огарева «находилась... под запретом» («Русское богатство», 1904, № 10).

С 1917 по 1922 год М. В. Сабашников выпускал серию «Пушкинская библиотека». В одном из документов, сохранившихся в архиве издателя, указывается, что издание должно состоять «из избранных произведений изящной словесности, русской и иностранной, по преимуществу романистов XIX века, и других писателей, дающих занимательное, легкое и изящное чтение, подходящее для широких кругов русских читателей».

Сохранилось 18 проектов сборников избранных сочинений («изборников»): К. Н. Батюшкова, А. А. Григорьева, Л. А. Мея, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, А. С. Хомякова и других.

С 1915 по 1919 год издательство М. и С. Сабашниковых выпускало совершенно уникальные и в наши дни и единственные в своем роде шесть сборников «Русские Пропилеи» — различные материалы по истории русской общественной мысли и литературы. Нужна была та культура издательского дела, какой обладали Сабашниковы, чтобы выпустить эти бесценные сборники. Здесь были напечатаны письма М. Н. Волконской из Сибири, автобиография русского поэта и мыслителя В. С. Печерина, дневник Н. А. Герцен — жены известного писателя-революционера, забытые стихотворения Я. П. Полонского, воспоминания А. Б. Гольденвейзера, неизданные стихотворения Т. Г. Шевченко и целый ряд других редких материалов. Несомненно,

что такое замечательное современное издание, каким является «Литературное наследство», опирается на традиции своего предшественника — сабашниковской серии «Русские Пропилеи».

С одним из сборников «Русские Пропилеи» связана любопытная цензурная история. 12 марта 1916 года Московская судебная палата утвердила арест, наложенный на 2-й сборник «Русские Пропилеи». Что же вызвало неудовольствие самодержавной цензуры?

Ответ на это дает найденное нами в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда цензурное дело.

2-й сборник «Русские Пропилеи» поступил в Московский комитет по делам печати 15 февраля 1916 года прямо из типографии Кушнерева, где обычно печатались дореволюционные издания Сабашниковых. Уже 22 февраля комитет на основании статей 73, 74, 128 и пункта 2-го статьи 129 Уголовного уложения наложил на книгу арест (пункт 2 статьи 129 гласил: «Виновный в произношении или чтении публично речи или сочинения, или в распространении, или публичном выставлении сочинения или изображения, возбуждающих к учинению бунтовщического или изменческого деяния»). В обсуждении книги участвовали представители духовенства и военного ведомства, протопресвитер Н. А. Любимов и генерал-майор А. М. Добровольский.

Почему же столь высокие чиновники почтили своим присутствием заседание комитета? Оказывается, их напугал опубликованный М. В. Сабашниковым дневник А. Б. Гольденвейзера о встречах и беседах с Л. Н. Толстым. В специальном постановлении по поводу 2-го сборника «Русские Пропилеи» Московский комитет по делам печати отмечал: «В этой книге останавливает на себе внимание лишь последняя, VII глава, содержащая в себе дневник А. Б. Гольденвейзера,

относящийся по времени к 1896—1910 гг., когда автор его имел возможность почти ежедневно видеться и беседовать с Л. Н. Толстым и вести об этих беседах соответствующие записи.

Хотя составитель и издатель названного «Дневника» и оговариваются в подстрочных примечаниях к нему (стр. 267), что «по цензурным соображениям в тексте «Дневника» ими сделаны некоторые сокращения», но эти сокращения не могут быть признаны достаточными для того, чтобы этот «Дневник» был допущен к свободному обращению. Несмотря на упомянутые сокращения, в нем все же имеется достаточное количество отдельных мыслей и выражений, явно преступных по своему содержанию и недопустимых с точки зрения действующего закона о печати.

Так, на стр. 301, 287, 291, 316 имеются мысли и выражения кощунственного содержания. На стр. 292, 300, 312, 327, 336, 337, 344, 347 утверждается, что земля не может быть предметом частной собственности, что помещики грабят и живут за счет мужиков, что патриотизм есть зло, что неповиновение законам и понесенное наказание за это есть «святое мученичество», что анархизм — необходимый вывод из христианства, что судьи, прокуроры и другие лица, несущие государственную службу, явные преступники, что убивать «никого не нужно» и т. п. На стр. 287, 299, 300, 303, 318, 349 высказывается резко отрицательное отношение к правительству и содержится призыв к борьбе с ним. Наконец, на стр. 280 и 334 имеются недостаточно уважительные по своей форме выражения, относящиеся к особе государя императора».

У братьев Сабашниковых были старые счеты с цензурой. Вполне возможно, что цензура никак не могла забыть вышедшую в 1905 году в издательстве М. и С. Сабашниковых книгу В. Розенберга и В. Якушкина

«Русская печать и цензура в прошлом и настоящем», в которой собраны наиболее красноречивые факты цензурного произвола. Правда, возникает естественный вопрос: а как вообще могла появиться такая книга? Только в 1905 году, ни раньше, ни позже, а еще точнее, после 17 октября 1905 года.

Первая русская революция ликвидировала на время цензурный гнет. Октябрьская всеобщая стачка вынудила правительство пойти на уступки и специальным манифестом 17 октября 1905 года допустить некоторые гражданские «свободы» — свободу слова, печати, союзов. Хотя этот манифест не отменил предварительной цензуры, но благодаря революционному натиску пролетариата «цензура,— как писал В. И. Ленин,— была просто устранена. Никакой издатель не осмеливался представлять властям обязательный экземпляр, а власти не осмеливались принимать против этого какие-либо меры» [1].

Именно в этот период цензурной передышки братья Сабашниковы и выпускают книгу В. Розенберга и В. Якушкина «Русская печать и цензура в прошлом и настоящем». Некоторые факты, приведенные в этой книге, звучат сейчас анекдотично. Вот, например, замечания цензора Красовского к стихотворениям поэта пушкинской поры В. Н. Олина:

1. «Улыбку уст твоих *небесную* ловить». «Слишком сильно сказано,— замечает цензор,— женщина недостойна того, чтобы улыбку ее называть «небесной».

2. «И молча *на тебе* свои покоить взоры». «Тут есть какая-то двусмысленность».

3. «И поняла, *чего* душа моя искала». «Надо объяснить, чего именно, ибо здесь дело идет о *душе*».

4. «Что в мненье мне людей? Один твой нежный взгляд дороже для меня *вниманья всей вселенной*».

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 321.

Один из «изборников»
стихотворений русских поэтов.

ПОЭТЫ
ПУШКИНСКОЙ
ПОРЫ



ПУШКИНСКАЯ
БИБЛІОТЕКА



«Сильно сказано; к тому ж во всей вселенной есть и цари, и законные власти, вниманием которых дорожить должно».

5. «О как бы я желал пустынных стран в тиши безвестный *близ тебя к блаженству приучаться*». «Таких мыслей никогда рассеивать не должно: это значит, что автор не хочет продолжать своей службы государю для того только, чтобы быть всегда со своею любовницей; сверх сего к блаженству можно только приучаться близ Евангелия, а не близ женщины».

6. «О как бы я желал *всю* жизнь тебе отдать». «Что ж останется Богу?»

7. «*У ног твоих* порой для песней лиру строить». «Слишком грешно и унизительно для христианина сидеть у ног женщины».

Рецензируя это издание Сабашниковых, журнал «Вестник Европы» сделал вывод: «Сущность всего написанного сводится к мысли... самые совершенные законы не улучшат положение печатного слова, пока не будет фактически устранена возможность административного произвола».

Но не успела выйти книга В. Розенберга и В. Якушкина, как снова началась волна цензурных репрессий. В конце 1905 года Совет министров и Государственный совет предоставили министру внутренних дел право единолично и безнаказанно преследовать оппозиционную печать. 26 апреля 1906 года вышел указ о цензуре, обязывавший судебные органы возбуждать уголовное преследование лиц, признанных виновными в издании «преступных» книг. На основании этого закона сотни книг были конфискованы и изъяты из продажи, среди них и «Русская печать и цензура в прошлом и настоящем».

Один из авторов этой книги — Вячеслав Евгеньевич Якушкин (1856—1912) — ученый, писатель, внук

декабриста И. Д. Якушкина. Для семьи В. Е. Якушкина всегда были святы идеалы его деда: служение родине, верность долгу и любовь к свободе. В 1890 году В. Е. Якушкин получил степень магистра русской истории за диссертацию по истории русской поземельной политики, а вскоре стал заслуженным профессором Московского университета. Но неожиданно он был выслан по распоряжению министра внутренних дел в Ярославль. Что же произошло и почему так всполошились власть имущие? Оказывается, всему виной речь В. Е. Якушкина «Общественные взгляды Пушкина», с которой он выступил 27 мая 1899 года в Москве на праздновании 100-летия со дня рождения великого русского поэта. В этой речи В. Е. Якушкин назвал Пушкина наследником свободолюбивых декабристских традиций.

Сабашниковы предложили Якушкину объединить в одном сборнике разбросанные в периодической печати пять статей о Пушкине. Этот сборник под заглавием «О Пушкине» вышел в издательстве М. и С. Сабашниковых в 1899 году, то есть почти сразу же после высылки В. Е. Якушкина в Ярославль. Высокую оценку книге дал такой видный историк литературы, как Е. А. Ляцкий.

Под редакцией В. Е. Якушкина братья Сабашниковы выпустили также «Семь статей» В. Г. Белинского (1898), собрание сочинений Н. С. Тихонравова и «Сочинения по русской истории» С. В. Ешевского (1900).

* * *

Одно из писем А. П. Чехова к редактору «Русских ведомостей» профессору финансового права В. М. Соболевскому заканчивалось словами: «Поклон нижайший и поздравление А. И. Чупрову, которого я глубоко уважаю».

Александр Иванович Чупров (1842—1908), известный профессор политической экономии Московского университета,— друг дома Сабашниковых, один из любимейших преподавателей Михаила и Сергея во время их учебы в университете. Интересно, что почти одновременно с Сабашниковыми лекции А. И. Чупрова в Московском университете слушал Игнатий Наумович Гранат, впоследствии крупный специалист по политической экономии, основавший вместе с братом научное издательство по выпуску Энциклопедического словаря.

Конечно, в своих работах, например в трудах по аграрному вопросу, А. И. Чупров не поднимался выше либерально-буржуазных взглядов. Именно поэтому В. И. Ленин подверг справедливой критике эти работы Чупрова. Но разнообразные и многочисленные труды А. И. Чупрова содержат богатейший фактический материал, на который неоднократно ссылались классики марксизма-ленинизма. Например, К. Маркс в «Капитале», обосновывая роль транспорта как отрасли народного хозяйства, ссылается на двухтомный сборник статей А. И. Чупрова «Железнодорожное хозяйство» (1875—1878).

Лучшие статьи из этого сборника были переизданы Сабашниковыми в 1909 году под заглавием «Из прошлого русских железных дорог». Несколькими изданиями Сабашниковы выпустили также два очень популярных в свое время учебника А. И. Чупрова «История политической экономии» и «Курс политической экономии».

После смерти Чупрова Сабашниковы решили выпустить в трех томах главнейшие публицистические статьи видного экономиста. Было лишь одно затруднение при реализации этого предложения: как отобрать из всего колоссального публицистического наследия

А. И. Чупрова самое ценное и нестареющее? На помощь пришел А. Ф. Кони. По его советам Сабашниковы и составили трехтомник «Речей и статей» Чупрова, который издали в 1909 году.

«Указатель печатных работ А. И. Чупрова», приложенный к III тому, дает наглядное представление о широте интересов, которыми жил этот публицист, о разнообразии и важности экономических и общественных тем, над разработкой которых он трудился. А в самой разработке их он обнаружил качества большого ученого, труды которого живут десятилетиями.

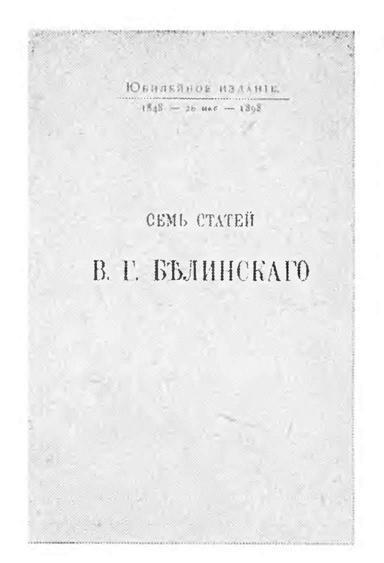
Как уже известно, домашним образованием Михаила и Сергея Сабашниковых руководил педагог Николай Васильевич Сперанский. Он родился 25 января 1861 года в Москве, в семье священника. После окончания историко-филологического факультета Московского университета Сперанский занялся в Москве частной педагогической практикой. Именно тогда он и попал в гостеприимный дом Сабашниковых. С годами стерлась возрастная разница, и учитель и его ученики стали близкими друзьями.

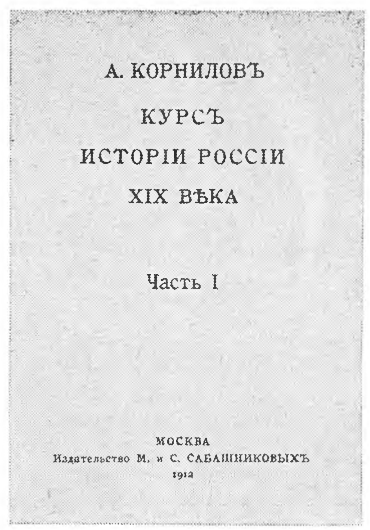
В издательстве М. и С. Сабашниковых вышли три крупные работы Н. В. Сперанского: «Очерки по истории народной школы в Западной Европе» (1896), «Очерки по истории средней школы в Германии» (1898) и «Борьба за школу. Из прошлого и настоящего на Западе и в России» (1910). Почти 15 лет пробыл Николай Васильевич за границей, изучая школы Парижа, Дрездена, Мюнхена. М. В. Сабашников вспоминал о выходе первой книги Сперанского:

«Очерки по истории народной школы в Западной Европе» сразу поставили Николая Васильевича в число наиболее видных специалистов-исследователей по истории просвещения, и была тогда речь о предоставлении ему за них докторского звания. К сожалению,

Книга, изданная под редакцией В. Е. Якушкина.

Одно из первых изданий серии «История».


Юбилейное изданіе
1848 — 26 мая — 1898
Семь статей
В. Г. Бѣлинскаго


А. КОРНИЛОВЪ
КУРСЪ
ИСТОРІИ РОССІИ
XIX ВѢКА
Часть I
МОСКВА
Издательство М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
1912

мы были в то время слишком неопытными издателями и не озаботились тем, чтобы книга была переведена и издана за границей. У нас слишком мало лиц работали в избранной Николаем Васильевичем области, и его книга не возымела того значения, какое она бы получила за границей, будь она доступна по языку тамошним исследователям».

Однако Сабашников ошибался. На самом деле, и в России книга Н. В. Сперанского получила большой резонанс в научных кругах и была тепло встречена русской периодической печатью. Вот лишь одна из ре-

цензий (журнал «Русская мысль», 1896, № 10): «Книга г. Сперанского представляет собою одно из немногих сочинений, которые с серьезностью содержания соединяют изящество формы; поэтому нельзя не пожелать, чтобы с ней познакомился каждый образованный человек; читается она прямо с удовольствием, освещая в то же время некоторые из очень важных явлений в истории европейской культуры, далеко не безынтересные и для всякого гражданина нашего отечества... Книга дает массу поучительных фактов; нельзя не приветствовать ее, как выдающееся явление в области, приковывающей теперь к себе интерес всего общества».

Для характеристики этой книги, а еще больше для характеристики личности самого Н. В. Сперанского и молодых издателей, выпустивших его работу, приведем из нее маленький отрывок. «Если теперь народная школа является окном,— писал Н. В. Сперанский,— через которое подают низшим классам крохи образования, падающие со стола господ, то тогда (в средние века.— *С. Б.*) школка являлась дверью, в которую крестьянский сын уходил из своего сословия и проникал в общество самих господ. Дверь эту церковь держала открытой настежь, но вовсе не в силу демократического принципа, а в силу того, что путь образования был тогда «путь узкий», и без этих крестьянских детей самим господам трудно было бы справиться со своими господскими делами».

* * *

Сблизился М. В. Сабашников с крупным русским поэтом-символистом начала века Константином Дмитриевичем Бальмонтом. Знакомство перешло в тесную творческую дружбу, и в переводе К. Бальмонта вышли в издательстве М. и С. Сабашниковых несколько книг

в серии «Памятники мировой литературы», «Три драмы» Ю. Словацкого, сочинения П. Кальдерона и «Египетские сказки» в серии «Пушкинская библиотека».

Уже после Октябрьской революции М. В. Сабашников издал «изборник» самого Бальмонта «Солнечная пряжа» (1921). В архиве Михаила Васильевича сохранилось несколько писем К. Д. Бальмонта к нему, раскрывающих их творческие и личные связи.

18 августа 1910 года, в период издания М. В. Сабашниковым «Трех драм» Ю. Словацкого, К. Д. Бальмонт пишет:

«Дорогой Миша.

Катя привезла радостную для меня весть, что ты хочешь издать мои переводы Словацкого. Тем более эта весть для меня радостна, что Словацкий, которого я считаю, наравне с большими современниками польских поэтов,— величайшим писателем польским — почти совсем неизвестен в России, и таким образом, напечатание лучших его произведений в русских переводах будет настоящим вкладом в русскую литературу.

Послал тебе вчера, заказной бандеролью, «Три драмы» Словацкого. Буду очень признателен, если увижу скоро корректуру. Размер я просил бы выбрать такой же, как для драм Кальдерона (если у тебя нет каких-нибудь иных соображений). Имена действующих лиц просил бы размещать так, как у меня это сделано в рукописи, а не так, как это сделала «Русская мысль», и, если ты на это согласен, будь добр на оттиске «Лилли Венеды» сделать соответствующую отметку. Гонорар будь добр назначить сам.

По получении корректуры я к каждой вещи составлю изъяснительное примечание, необходимое ввиду малого знакомства русских с польской литературой.

Книга не будет велика, и мне кажется, что для начала не нужно выпускать большой том, ибо это сразу сделает покупку книги затруднительной. Если же Словацкий будет иметь успех, а у тебя будет добрая воля помочь ему и мне явиться в русском лике, я быстро приготовлю для тебя перевод нескольких небольших прозаических вещей: «Ангелли» (видение), «Философские отрывки», «Отрывки из дневника» и т. п.

Итак, буду ждать с нетерпением.

Давно не видались мы. Давно не перекинулись словом. Судьбы иначе колдуют, чем мы о них думаем. Сколько прошло за эти 5 лет моей отлучки из России. Как изменился смысл стольких слов, стольких дел, стольких чувств, стольких внутренних ценностей. И какая тяжелая туча прошла в твоей личной жизни, оставив в ней след потери неизгладимой, которую вознаградить нельзя ничем [1].

Дружески жму твою руку. Мой искренний привет Софии Яковлевне [2].

Твой К. Бальмонт».

Издание «Трех драм» Ю. Словацкого — значительная заслуга К. Д. Бальмонта и М. В. Сабашникова перед русской культурой, так как до этого польский поэт был почти неизвестен в России.

Необходимо отметить, что переводы К. Д. Бальмонта несут на себе слишком сильный отпечаток индивидуального стиля переводчика, а лучшие русские переводы Ю. Словацкого (А. Ахматовой, Л. Мартынова, Б. Пастернака) появились лишь в советские годы.

---

[1] Смерть С. В. Сабашникова.
[2] Жена М. В. Сабашникова.

В архиве издательства М. и С. Сабашниковых сохранились сделанные Бальмонтом переводы комедии Кальдерона «Дама-привидение» и трех драм: «Луис Перес, галисиец», «Волшебный маг» и «Саламейский алькальд». Все это первоначально предназначалось к изданию в серии «Страны, века и народы», однако в дальнейшем ее замысел претерпел изменения.

Один из редакторов этой серии — Е. А. Бальмонт в проспекте, написанном ею, определяла серию «Страны, века и народы», как книги «по географии, истории, культуре, искусству для чтения дома и в путешествии», которые должны «не только заинтересовать и привлечь внимание, но и побудить к углублению в предмет».

М. В. Сабашников выпустил в этой серии переводы книг французского академика Ш. Диля «Византийские портреты» (1914) и «По Греции» (1913), «Археологические прогулки по Риму» французского историка античности Г. Буассье (1915), «Во времена фараонов» (1913) и «Цари и боги Египта» (1913) французского египтолога А. Морэ и др. Для издания этих книг Михаил Васильевич привлек таких талантливых переводчиков, как М. и П. Безобразовы, М. А. Волошин, Е. Ю. Григорович, П. П. Муратов.

О своих принципах перевода иностранных произведений для серии «Страны, века и народы» точнее всего сказал поэт Максимилиан Волошин в одном из писем к М. В. Сабашникову: «Когда я перевожу, то моя задача всегда в том, чтобы настолько усвоить себе стиль и манеру автора, чтобы не переводить, а писать так, как должен был бы писать он сам, если бы писал по-русски. Это уводит меня часто от точности буквальной, но зато дает возможность угадывать его намерение и выражать мысль больше в духе ее языка. Ведь

перевод предназначается не для тех, кто может прочесть эту книгу по-французски, и не для того, чтобы им пользоваться как подстрочником,— а для того, чтобы *заменить* подлинник по-русски... Вообще всегда стараюсь найти *не точное,* а *равносильное:* для меня это первое условие художественного перевода, который я всегда понимаю в смысле «adaptation», а не «traduction».

Недаром старейший советский поэт и переводчик Вс. А. Рождественский назвал изданную М. В. Сабашниковым книгу французского эссеиста Поля Сен-Виктора «Боги и люди» в переводе М. Волошина (об этом переводе и идет речь в письме) одним из лучших переводных изданий.

Сразу же после выхода серия «Страны, века и народы» встретила теплый прием и одобрение читателей и критики. «Московское книгоиздательство М. и С. Сабашниковых,— сообщалось в «Правительственном вестнике» (1914, № 4),— взяло на себя выполнение весьма симпатичной задачи — дать русской публике ряд очерков по гуманитарным и общественным наукам, представляющим собою все лучшее и свежее, что появляется в нашей и иностранной литературе. Изящно изданные и недорогие книжки знакомят читателя с вопросами по разным научным дисциплинам».

Художественным оформлением серии «Страны, века и народы» занимался Дмитрий Исидорович Митрохин, впоследствии заслуженный деятель искусств РСФСР. Выполненные по его рисункам обложки книжек этой серии отличались той изящной скромностью, которая присуща большинству изданий с маркой «М. и С. Сабашниковы». Почти 25 лет проработал Митрохин вместе с М. В. Сабашниковым, участвуя в его главнейших издательских начинаниях, в том числе в оформлении самой знаменитой серии — «Памятники мировой лите-

ратуры» и в выпуске многих изданий в советское время [1].

Серия «Страны, века и народы» получила такое широкое распространение, что М. В. Сабашникова буквально завалили проектами новых книг и переводов. Например, М. Волошин рекомендует перевести для этой серии несколько книг французского искусствоведа Р. Сизеранна, австрийского поэта К. Бека.

К сожалению, многие замыслы М. В. Сабашникову так и не удалось осуществить. Среди них договоры 1915—1916 годов с А. А. Захаровым на переводы книг F. Cumont «Die Mysterien des Mitra», английского историка Е. Рэпсона «Древняя Индия», французского историка Ж. Легрэна «Лугсор без фараонов», договор с П. П. Муратовым на книгу «Образы Италии», проект договора с писателем А. Деренталем на его книгу «Современная Испания» и т. д.

Правда, часть замыслов удалось реализовать в другой популярной в свое время серии «История», которую М. В. Сабашников издавал с 1912 по 1927 год. В эту серию вошли курсы лекций по русской истории А. А. Корнилова и М. К. Любавского, работы академика Д. М. Петрушевского по истории Англии, переводы книг Э. Лависса и А. Рамбо «Эпоха крестовых походов», итальянского историка Г. Ферреро «Величие и падение Рима» и другие ценные монографии.

Остался неосуществленным замысел грандиозной

---

[1] В архиве издательства сохранилось письмо Митрохина к М. В. Сабашникову от 20 марта 1913 года, положившее начало их многолетнему сотрудничеству: «Глубокоуважаемый Михаил Васильевич! Вы предпринимаете ряд изданий классических авторов (Овидий, Лукреций и т. д.),— это дает мне смелость предложить Вам исполненную мною и бывшую в Москве на выставке «Мир искусства» 1911—1912 гг. азбуку на сюжет из «Метаморфоз» Овидия. Сделано было мною 28 рисунков букв, заглавных; в Ваших книгах они могут идти в начале глав».

серии «Историческая библиотека». В сохранившемся проекте изложены задачи и цели задуманной серии: «Книгоиздательство М. и С. Сабашниковых, имевшее до сих пор главной своей специальностью книги по естествознанию, в настоящее время намерено, в случае сочувственного отношения к предприятию со стороны специалистов, приступить к изданию *научных трудов по русской истории в общедоступном изложении*. На первых порах предлагается остановиться главным образом на более близкой к нам эпохе, преимущественно на истории России в XIX веке или же на таких явлениях более раннего времени, которые более тесно связаны с вопросами, привлекающими в данное время общественное внимание».

Вся серия делилась на два раздела: «Монографии по русской истории» и «Русские политические мыслители».

Первый включал 19 тем по истории XIX века от Александра I до Александра III, по истории земства за 50 лет, по истории революционного движения, причем здесь были такие темы, как «Декабристы», «Революционное движение конца 70-х — начала 80-х годов», «Перелом в начале XX века (1905—1907)».

Во второй раздел входило 30 разнообразных тем, среди них: «Иван Грозный и Ивашка Пересветов», «Никон», «Феофан Прокопович», «Радищев», «Сперанский», «Пестель и Муравьев», «Чаадаев», «Славянофилы», «Герцен», «Чернышевский», «Марксисты» и т. д.

Сейчас трудно сказать, почему М. В. Сабашников не сумел осуществить издание серии «Историческая библиотека». Возможно, зная прекрасную серию Ф. Ф. Павленкова «Жизнь замечательных людей», в которую вошло большинство имен из раздела «Русские политические мыслители», М. В. Сабашников решил

не повторяться. Однако скорее всего можно предположить, что он просто не смог выпустить это издание в связи с первой мировой войной.

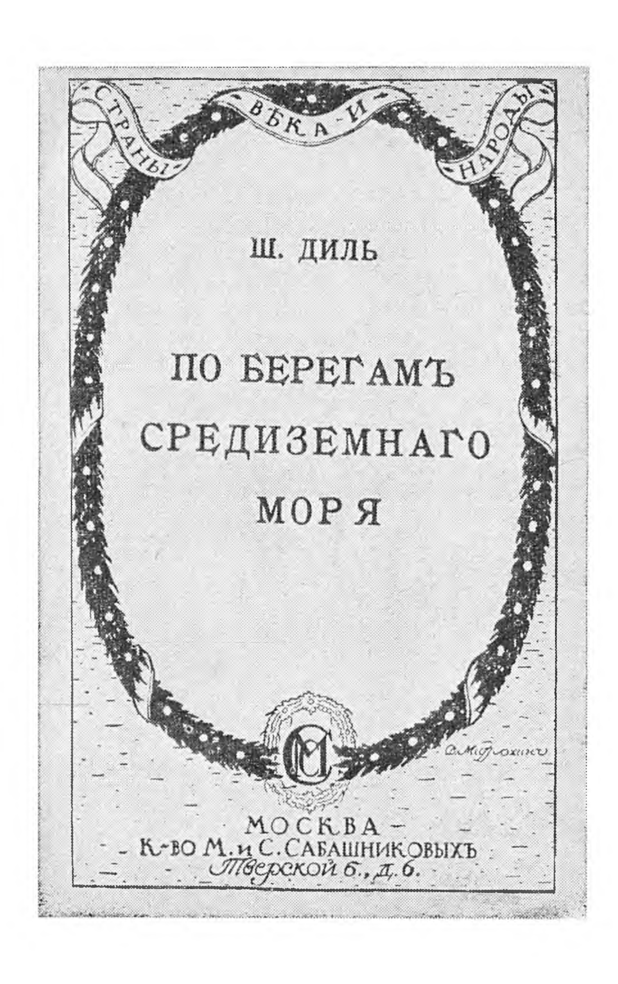
* * *

В каталоге издательства М. и С. Сабашниковых почти нет произведений русской классики. Сабашниковы издавали ее сравнительно мало, хотя у них и были намерения выпускать ее в гораздо большем объеме. Они не могли претворить их в жизнь, так как слишком поздно вступили на книгоиздательское поприще: все права на издание произведений русских классиков уже давно принадлежали М. О. Вольфу, А. Ф. Марксу, И. Д. Сытину и издательству «Просвещение». Однако по просьбе М. В. Сабашникова известный историк литературы С. А. Венгеров вел переговоры с А. Ф. Марксом и И. Д. Сытиным о продаже литературных прав Михаилу Васильевичу для выпуска произведений русских писателей в серии «Пушкинская библиотека».

18 января 1917 года С. А. Венгеров писал М. В. Сабашникову: «Из намеченных мною авторов я вошел в сношения относительно всех почти и на днях получу сведения о Григоровиче, Якубовиче, и надеюсь выяснить, кому принадлежат Успенский и Станюкович. Переговорю также со вдовою Мамина. Кроме авторов, названных мною в разговоре с Вами, я бы еще предложил для Вашей серии вот кого (из умерших): Авдеев, Астырев, Марко Вовчок, Хвощинская, Максимов Сергей, Алексей Потехин, Жадовская, Жемчужников, кн. Вл. Одоевский (через 2 года кончается собственность на него), Щербина, Кохановская».

В этом же письме Венгеров сообщил также о том, что А. Ф. Маркс и И. Д. Сытин отказали ему в уступке своих издательских прав на произведения умерших

Серия «Страны, века и народы» — книги по географии, истории, культуре и искусству.



писателей: «Они сами предполагают издавать серию отдельных произведений... На Салтыкове, Лескове и даже Альбове и Терпигореве придется поставить крест. Вольф в принципе не отказывается вести переговоры относительно Писемского и ждет конкретного разговора об условиях. Всего намеченного, видимо, не даст, но тома на 2, вероятно, согласится...» Но и на два тома Писемского не согласилось «Товарищество М. О. Вольф».

Вот почему в издательстве Сабашниковых вышло так мало произведений русской литературы.

Но Сабашниковы выпускали серию «Памятники мировой литературы» — высшее достижение издательства за всю его историю. В работе над этой серией необычайно ярко засверкало еще одно созвездие имен «бессмертных» «сабашниковской академии».

Вечные книги

Одна из самых легендарных фигур в мировой литературе — индийский поэт Калидаса, крупнейший представитель санскритской классической поэзии. Даты рождения и смерти его неизвестны. Жил он приблизительно в IV—V веках и был придворным поэтом при царях династии Гупта. Калидасе приписывалось много произведений, но несомненно принадлежащими ему считаются три драмы и три поэмы. Стройность композиции, насыщенность образами, изящество и ювелирная отделка каждого стиха и изысканная чистота языка сделали произведения Калидасы образцами индийского художественного творчества.

В 1916 году драмы Калидасы вышли впервые на русском языке в переводе К. Бальмонта. На титульном листе стояла издательская марка «М. и С. Сабашниковы» и серия «Памятники мировой литературы».

В 1926 году, в «Справке об издательстве М. и С. Сабашниковых», составленной по просьбе Н. А. Рубакина, Михаил Васильевич вспоминал об успехе серии «Памятники мировой литературы»: «Овидий, Сафо, Фукидид, опостылевшие немалому числу лиц, окончивших классическую гимназию, и до того совершенно неведомые громадному большинству русской интеллигенции, не получившей классического образования, впервые предстали здесь русскому читателю привлекательными и понятными, и издательство из разных захолустий получало самые восторженные благодарственные письма, ободрявшие сотрудников на дальнейшую работу».

Идея издания серии лучших произведений мировой культуры возникла в издательстве М. и С. Сабашниковых еще в 1898—1899 годах. Тогда эта мысль оживленно обсуждалась в небольшом кружке, составлявшем ядро издательства (М. В. и С. В. Сабашниковы, Н. В. Сперанский и В. Е. Якушкин). В это же время с издательством сблизился К. Бальмонт. Мысль о создании «Памятников» так его захватила, что, независимо от реальных возможностей издания, он приступил к переводу Кальдерона. Этот перевод и был напечатан в трех томах издательством М. и С. Сабашниковых еще до возникновения серии «Памятники мировой литературы» и фактически явился ее «провозвестником», по словам писателя С. Шервинского.

Предшественником же Сабашниковых в деле популяризации лучших произведений мировой литературы был В. О. Ковалевский, первым в России выпустивший в 60-х годах XIX века серию античных классиков.

Знаменитая серия, которую М. В. Сабашников хотел первоначально назвать «Вечные книги», выходила с 1913 по 1925 год. Она возникла в то время, когда большая часть русского общества в ходе оживленной дискуссии высказалась против системы классического образования, преобладавшего до тех пор. И вот то, что мертвая школьная программа наносила ущерб античности, и побудило М. В. Сабашникова встать на защиту этой самой античности. Можно сказать, что, приступая к выпуску серии «Памятники мировой литературы», издательство Сабашниковых решило «оживить» вечно живые источники мировой культуры.

М. В. Сабашников писал в воспоминаниях: «К работе над «Памятниками мировой литературы» надо было привлечь петербургских филологов, в первую очередь такую мировую знаменитость, как Ф. Ф. Зелинский. Для этого я ездил в Петербург. Наши пред-

ложения встречены были там с величайшим сочувствием, хотя и с некоторым недоумением. Питерцы боялись неудачи, даже провала. Рекомендовали величайшую осторожность. Советовали выпускать небольшими, дешевыми книжками. Ссылались на провал выпущенного издательством «Просвещение» тома Еврипида.

Классицизм никогда не пользовался у нас сочувствием публики. Теперь особенно обострилась борьба с ним. Кто же станет покупать классических писателей? Мы опоздали на несколько лет, рассуждали питерцы. Я возражал: «Правда, мы идем как будто против течения. Но это только так кажется. В России, кроме специалистов-филологов, никто классиков в оригинале не читал и не читает. Переводов нет в продаже. Классиков просто не знают. То, что перестанут муштровать гимназистов грамматическими упражнениями по древним языкам, послужит только на пользу нашему делу. Не будет к классикам предвзятого отношения».

Во главе серии «Памятники мировой литературы» встал блистательный филолог-классик Фаддей Францевич Зелинский (1859—1944), профессор Петербургского университета и почетный профессор Московского и ряда западноевропейских университетов, а впоследствии член многих иностранных академий. Его многочисленные исследования, посвященные древнегреческой комедии и трагедии, Цицерону и Горацию, хотя и страдают иногда модернизацией античной культуры, но поражают прежде всего широтой научных интересов и великолепной эрудицией автора.

Под непосредственным руководством Ф. Ф. Зелинского М. В. Сабашников приступает к реализации своего грандиозного плана. Именно грандиозного, так как по первоначальному проекту издания «Вечных

книг» предполагалось выпустить за четыре года 100 томов! Лишь павленковская серия «Жизнь замечательных людей» могла сравниться по объему с этим замыслом. Правда, в связи с первой мировой войной М. В. Сабашникову удалось лишь на одну треть осуществить свой первоначальный замысел. Но и это бессмертный памятник издательству М. и С. Сабашниковых. И если бы даже это издательство выпустило за все 40 лет своего существования только одну-единственную серию «Памятники мировой литературы», оно все равно бы навечно вписало свое имя в историю мировой культуры.

«Памятники мировой литературы»,— излагали свою программу издатели,— в отличие от существующих «Библиотек классиков» будут обнимать произведения, избранные не по эстетико-литературным их достоинствам, а с более современной и более широкой историко-литературной точки зрения, с которой литература рассматривается как отдел общей истории человеческой культуры. В нашем собрании найдет место всякое произведение умственного творчества, какова бы ни была его абсолютная художественная ценность, если только в нем ярко отразилась душа данного века и данного народа. Поэзия, философия, история, политика будут иметь в этом собрании полное право гражданства».

Программа серии состояла из шести разделов: 1) «Античные писатели» (Марк Аврелий, Аристофан, Вергилий, Гомер, Еврипид, Овидий, Платон, Светоний, Сенека, Софокл, Тацит, Фукидид, Эсхил и другие); 2) «Творения Востока» (Низами, Саади и другие); 3) «Писатели Запада» (Гете, Данте, Кальдерон, Мольер, Шиллер и другие); 4) «Народная словесность» (Калевала, Сербский народный эпос, Скандинавский эпос и пр.); 5) «Русская устная словесность»

(былины, сказки, «Слово о полку Игореве» и т. д.); 6) Книги «Библии».

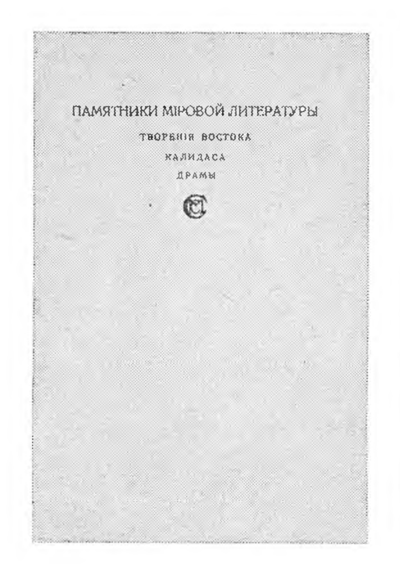
Широта хронологических рамок, научно-исторический подход к публикации произведений, жанровое многообразие, стремление познакомить читателя со многими неизвестными или малоизвестными памятниками литературы — отличительные черты этого серийного книжного издания, снискавшие ему признание всех любителей литературы.

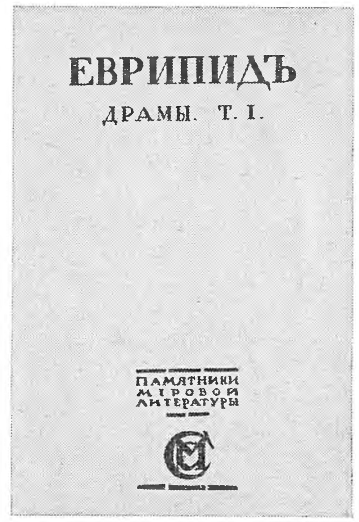
Ф. Ф. Зелинский, поверивший в успех серии, привлек к изданию таких великолепных переводчиков, как В. Я. Брюсов, Вяч. И. Иванов, И. И. Рачинский, С. А. Жебелев. Первыми книгами серии «Памятники мировой литературы» были вышедшие в 1913 году «Баллады-послания» Овидия в переводе Ф. Ф. Зелинского, «Жизнь Будды» Асвагоши в переводе К. Д. Бальмонта, «О природе вещей» Лукреция Кара в переводе И. И. Рачинского и «Собрание песен и лирических отрывков» Алкея и Сафо в переводе Вяч. И. Иванова.

А вот что писал сам Вячеслав Иванов, русский поэт начала века, М. В. Сабашникову сразу же после выхода первого выпуска «Античных писателей»: «Эта превосходная работа издана Вами с чрезвычайным изяществом; на книгу любуются, и сотрудничать в серии книг, так блестяще открытой и так монументально задуманной, представляется лестным».

До сих пор «Жизнь Будды» в переводе К. Д. Бальмонта — единственное издание на русском языке поэмы легендарного индийского поэта Асвагоши. Если раньше в издательстве Сабашниковых были некоторые опасения, что такие разделы, как «Народная словесность», «Творения Востока», покажутся читателям тяжелыми и неинтересными, то после выхода поэмы Асвагоши эти опасения исчезли. Книга имела огром-

Самая знаменитая серия издательства М. и С. Сабашниковых — «Памятники мировой литературы».



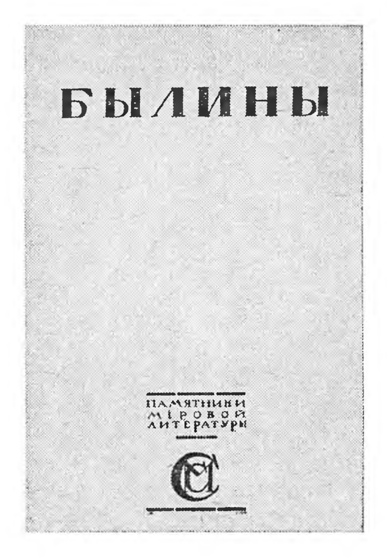


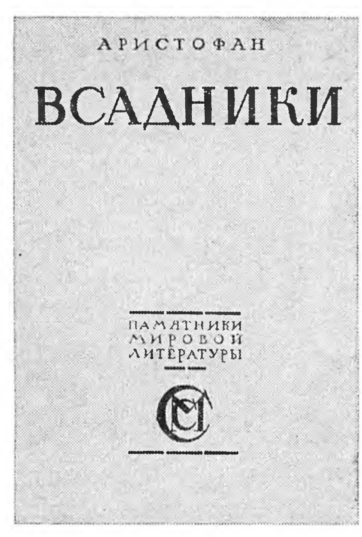
ный успех. Как вспоминал московский историк и филолог И. К. Линдеман в шуточном стихотворении в день 35-летия издательства Сабашниковых в 1926 году:

Когда же Асвагошу
Ввели в свой книжный круг,
Соперников в калошу
Всех посадили вдруг.

А как было тяжело выпускать такие сложные в полиграфическом отношении издания, как «Памятники мировой литературы», в годы первой мировой войны.

«То, что мы сейчас делаем, выпуская Еврипида, Былины, Гайавату и пр.,— писал М. В. Сабашников 26 декабря 1916 года Ф. Ф. Зелинскому,— ведь это не более как фокус в коммерческом отношении, могущий вы-





звать улыбку у издателей-коммерсантов. Мы продолжаем печатание и выпуск новых томов «Памятников» только для того, чтобы не останавливать литературную работу тех ученых и писателей, которые работают над «Памятниками». Новые тома за недостатком бумаги мы выпускаем в ограниченном количестве экземпляров, заведомо недостаточном для удовлетворения рынка, чем и объясняется полная распродажа новых выпусков немедленно по их появлении в свет. Но при этом мы снимаем с набора матрицы, чем обеспечиваем себе возможность по окончании войны немед-

ленно допечатать необходимое количество экземпляров».

Почти 20 лет поэт Иннокентий Федорович Анненский работал над переводом трагедий Еврипида, который закончил лишь к концу жизни. Однако он так и не успел увидеть свой труд полностью напечатанным. С 1911 года М. В. Сабашников вел переговоры с его сыном, В. И. Анненским, о приобретении права на издание всех переводов Еврипида, сделанных его отцом. Но оно уже принадлежало издательству «Просвещение», которое в 1908 году, еще при жизни И. Ф. Анненского, выпустило первый том «Театра Еврипида» и на этом прекратило работу.

М. В. Сабашников сумел очень деликатно убедить В. И. Анненского в благородной и высокой просветительной миссии серии «Памятники мировой литературы», и тот уговорил «Просвещение» уступить право на печатание всех переводов отца издательству М. и С. Сабашниковых. Их редактирование взял на себя Ф. Ф. Зелинский.

В письме от 14 декабря 1914 года Ф. Ф. Зелинский писал М. В. Сабашникову: «В Вашем образе действия относительно важнейшего наследия бедного Анненского я вижу столько идеализма и благородного служения дорогому мне делу, что мне было бы прямо стыдно отказать Вам в своем содействии...»

Драмы Еврипида в переводе И. Ф. Анненского под редакцией Ф. Ф. Зелинского стали выходить в серии «Памятники мировой литературы» с 1916 года. Издание было рассчитано на шесть томов, но осталось незавершенным: два тома вышли до революции, третий — в 1921 году.

Внимательно следил М. В. Сабашников за русскими переводами классиков, сравнивал, отбирал лучшее. «Одно время мне помогал по справочной части моло-

дой филолог В. О. Нилендер,— вспоминал Михаил Васильевич.— Постепенно мы с ним собрали порядочную коллекцию русских переводов классиков. В большинстве своем эти прежние переводы оказались неприемлемыми для переиздания либо по своей устарелости, либо по недостаткам русского языка. Но все же познакомиться с ними мы считали необходимым. В общей сложности прежними переводчиками была проделана большая работа, и игнорировать ее не следовало».

По просьбе педагога Николая Борисовича Гольденвейзера, брата известного пианиста, выразившего желание сделать перевод Саллюстия, М. В. Сабашников выслал ему все известные до сих пор русские издания римского историка. И только тщательно изучив все присланные переводы, Н. Б. Гольденвейзер пришел к выводу, что нужен новый «настоящий литературный перевод».

Трудно выделить какие-либо переводы в серии «Памятники мировой литературы»: все они сделаны на высоком научном и литературном уровне. И все же есть один, который выделяется даже на этом фоне.

В 1916 году в этой серии вышла знаменитая «Песнь о Гайавате» У. Лонгфелло в переводе и с предисловием великого русского писателя И. А. Бунина. Влюбленный в русскую природу, знаток русского языка, поэт, Бунин, по его собственному признанию, с особенной, горячей любовью работал над переводом «Песни о Гайавате». Недаром он писал в начале 1895 года: «Я ведь помешан на Гайавате,— я ведь с самого детства сплю и вижу перевести всю эту дивную песню, и издать ее, и любоваться, и сотни раз самому перечитывать ее». Эта любовь и помогла Бунину донести до русского читателя все обаяние мирового шедевра. За этот перевод И. А. Бунин был удостоен

Российской академией наук премии имени Пушкина.

Сохранилось одно письмо И. А. Бунина к М. В. Сабашникову от 4 января 1916 года:

«Многоуважаемый Михаил Васильевич.

Посылаю Вам 7-е издание «Песни о Гайавате»,— издание «Нивы»,— с которого надо набирать. Корректуру, будьте добры, доставлять мне последнюю, для подписи.

Адрес мой — Измалково, Орловской губ.

Уважающий Вас Ив. Бунин».

Как правило, издания «Памятников» сопровождались ценнейшим научно-справочным аппаратом, подготовленным ведущими в данной области учеными. Так, предисловие к произведениям древнеиндийского поэта и драматурга Калидасы написано крупнейшим специалистом-востоковедом академиком С. Ф. Ольденбургом. Сборник стихов персидских поэтов в переводе академика Ф. Е. Корша вышел с предисловием видного впоследствии украинского советского ученого и писателя А. Е. Крымского (1871—1942), «Жизнь Будды» вышла с предисловием французского историка Сильвена Леви.

Очень внимательно отнесся Михаил Васильевич и к художественному оформлению серии. Обложка книги максимально проста и выразительна, на ней монограмма издательства работы Д. И. Митрохина, постоянного художника издательства. Шрифт, близкий к латинскому, бумага высокого качества и удобного формата, широта полей,— буквально каждая мелочь была тщательно продумана М. В. Сабашниковым. Все это свидетельствовало о высоком вкусе и настоящем издательском таланте.

Так же тщательно и глубоко продуманно был организован Михаилом Васильевичем весь процесс прохождения рукописи «Памятников» — от автора до выхода из печати. Чтобы не быть голословным, приведем письмо М. В. Сабашникова, посланное им в 1913 году из Костина корректору Х. В. Сперанской:

«*Милостивая государыня Христина Венедиктовна.*

Ф. Ф. Зелинский доставит Вам просмотренную им корректуру 8-ми первых листов Овидия. Прошу Вас поручить типографии сделать указанные им исправления. Я приеду в Москву в понедельник и тогда подпишу к печати то, что будет подготовлено к печати, и разрешу те вопросы, какие, быть может, у Вас возникнут.

В этот свой приезд в Москву (я пробуду с 9-го по 14-ое) я хочу сдать в печать еще одну или две книги (стихотворные тексты). Прошу Вас сообщить мне, можете ли Вы принять на себя корректуру еще одной или даже двух книг, одновременно с Овидием и Лукрецием. Желательно установить и для этих книг тот же порядок, какой теперь вводится для Овидия и с самого начала установлен для Лукреция. Именно: типография будет посылать один оттиск техническому корректору, два — переводчику, один — для контроля издательству. Переводчик оставляет у себя один экземпляр, другой — с нанесенными на нем исправлениями и отметкой: «вернуть для нового просмотра» или «для исправления и утверждения к печати» — будет доставлен корректору, т. е. Вам, если Вы примете на себя эту работу. Корректор наносит немедля на полученном им от переводчика экземпляре те исправления, необходимость коих уже должна быть им установлена, пока корректура ходила к переводчику и от него к корректору. Этот экземпляр со сводными поправками пере-

водчика и корректора (желательно, чтобы они делались разными чернилами) передается корректором непосредственно в типографию, если не встречается надобности в устранении предварительно каких-либо недоумений. В последнем случае корректор обращается ко мне или к переводчику за указаниями. Когда текст типографией окончательно выправлен, то оттиск его с отметкой корректора для утверждения к печати и с приложением того экземпляра, который был у автора и носит его пометку, присылать мне для утверждения к печати».

Всего в серии «Памятники мировой литературы» М. В. Сабашников выпустил 30 книг, причем многие из зарубежных памятников до сих пор остаются единственными русскими изданиями. А сколько замыслов, сколько прекрасных изданий не осуществил Михаил Васильевич в этой серии: не вышли антология «Греческие лирики», начатая еще Ф. Е. Коршем, или канцоны, переведенные Вяч. И. Ивановым и включенные философом В. Ф. Эрном в неизданный перевод «Пиршества» Данте, или «Избранные произведения» Эразма Роттердамского в переводе критика А. Ф. Диесперова...

В неизданном портфеле издательства есть и перевод «Книги псалмов», сделанный основоположником русской ассирологии и известным семитологом М. В. Никольским. Труд этот, оставшийся незавершенным из-за смерти ученого, был закончен его сыном, крупнейшим советским историком, членом-корреспондентом АН СССР Н. М. Никольским.

На сохранившейся в архиве рукописи второй книги «Эдды» — «Песнь о героях» — обращает на себя внимание надпись М. В. Сабашникова, подтверждающая принадлежность ему рукописи, и следующее за надписью пояснение Н. М. Артюховой: «Надпись эта сде-

лана в начале войны. Михаил Васильевич особенно берег эту рукопись и осенью 1941 года сдал ее на хранение в библиотеку или в музей».

30 «Памятников», «это подлинное edition de luxe», как писали «Русские ведомости» в 1913 году, останутся вечным памятником издательству М. и С. Сабашниковых, свидетельством его высокой книжной культуры. В 1926 году, на праздновании 35-летнего юбилея издательства, переводчик и писатель С. В. Шервинский, награжденный недавно за заслуги в развитии советской литературы и в связи с 80-летием со дня рождения орденом Трудового Красного Знамени, вспоминал: «Успех серии был громаден. Не только любитель хорошей книги, но и рядовой провинциальный читатель с непредвиденным жаром отнеслись к первым же выпускам «Памятников», и книгоиздательство стали засыпать письмами из разных, самых подчас отдаленных углов России; в этих письмах выражались благодарность, восторг, иногда преподавались советы и высказывались пожелания. Книгоиздательство еще более сблизилось с читателями новой серии, отвечая на каждое такое письмо. Успех, выпавший на долю первых выпусков, не был случайным. Все последующие книги серии были встречены с такой же теплотой и стали необходимым звеном в каждой сколько-нибудь культурной библиотеке».

В 1948 году президент Академии наук СССР С. И. Вавилов и вице-президент В. П. Волгин выступили инициаторами выпуска научной серии книг «Литературные памятники». Эту популярную в наши дни серию можно считать достойным продолжением «Памятников мировой литературы» М. В. Сабашникова.

Шанявцы

9 февраля 1837 года в Седлецкой губернии, в Польше, в имении «Шанявы» родился мальчик. Его назвали в честь деда Альфонс. Этому мальчику суждено было стать основателем первого в России Народного университета.

Ежегодно часть детей мужского пола из польских дворянских семей отправлялась на обучение в Россию. В их число попал и 9-летний Альфонс Шанявский, оказавшийся в 1846 году в Тульском кадетском корпусе для малолетних. Затем он окончил Константиновское училище в Петербурге, а в 1861 году имя Шанявского заносится на мраморную доску лучших выпускников Академии генерального штаба.

Поражение в Крымской войне и революционная ситуация, сложившаяся в стране в конце 50-х — начале 60-х годов, сделали очевидной невозможность сохранения крепостнических порядков. Отмена крепостного права, успехи промышленного производства и утверждение капитализма не могли не повлечь за собой глубоких сдвигов и в области просвещения. На университетских скамьях все чаще появляются молодые люди в офицерских мундирах, а университетские профессора, в свою очередь, читали дополнительные курсы в стенах Военной академии. Лучшие представители образованной военной молодежи участвовали и непосредственно в благородном деле просвещения народных масс, работая с увлечением в воскресных школах.

Всем этим был глубоко захвачен и А. Л. Шанявский. Но пройдет еще много лет, прежде чем культ просвещения станет смыслом его жизни.

Для хрупкого здоровья Шанявского слишком пагубен оказался петербургский климат, и он принял предложение генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева-Амурского приехать к нему на службу, чтобы принять участие в освоении Амурского края. Десять лет пробыл А. Л. Шанявский в далекой Сибири. За это время политическая обстановка в России резко изменилась — началась реакция, связанная с именем нового министра просвещения и обер-прокурора синода Д. А. Толстого.

Надежды на широкое развитие образования народа постепенно исчезали. Да и сам Шанявский в этом убедился, когда попытался на свои средства основать в Чите реальное училище. Но, увы! последовал запрет Толстого, и Чита еще долго оставалась без средней школы.

Но А. Л. Шанявский не сдался. Он поехал в Петербург, пытаясь добиться аудиенции у самого Д. А. Толстого. Но даже в аудиенции ему было отказано.

Решив посвятить себя делу народного образования, Шанявский вышел в отставку. В этот трудный период Альфонса Леоновича поддержала его жена и верный друг Лидия Алексеевна Шанявская, много сделавшая для русского просвещения, одна из поборниц высшего образования для женщин. Унаследовав от отца золотые прииски в Сибири, Лидия Алексеевна пожертвовала 50 тысяч рублей на организацию женских врачебных курсов при Военном ведомстве. Впоследствии на их базе был создан Петербургский медицинский женский институт.

На создание первого в России Народного университета повлияло и поражение в русско-японской войне. А. Л. Шанявский считал, что одна из причин плачевного для России хода войны — та реакционная

политика правящих классов, которая тормозила в России общее культурное развитие народа. Именно тогда Шанявский высказал свои заветные мысли: «Признавая, что одним из скорейших способов обновления и оздоровления нашей общественной жизни должно служить широкое распространение просвещения и привлечение симпатий народа к науке и знаниям — этому источнику добра и силы,— я желал бы, по возможности, оказать содействие скорейшему возникновению учреждения, удовлетворяющего потребностям высшего образования».

Вначале проект будущего университета был сообщен братьям Михаилу и Сергею Сабашниковым, с которыми Шанявских связывали теплые дружеские отношения. Через них велись в дальнейшем переговоры с другими заинтересованными лицами. Как раз в это время крупный русский экономист М. М. Ковалевский основал в Париже Вольную высшую школу. М. В. Сабашников обратился к нему и к своему старому учителю и автору А. И. Чупрову с просьбой возглавить университет.

В августе 1905 года в Москве состоялось совещание, на котором решалась судьба университета. В присутствии профессора Московского университета невропатолога В. К. Рота, профессора Московского университета юриста С. А. Муромцева, М. М. Ковалевского, В. Е. Якушкина, Н. В. Сперанского и М. В. Сабашникова было объявлено, что все свои средства А. Л. Шанявский завещает на организацию первого в России Народного университета.

Однако сам основатель университета не успел дожить до его открытия. А. Л. Шанявский скончался 7 ноября 1905 года, назначив перед смертью одним из своих душеприказчиков и пожизненным членом попечительного совета будущего университета М. В. Са-

башникова. На плечи Михаила Васильевича и вдовы Шанявского, Лидии Алексеевны, и легла основная тяжесть борьбы за открытие Народного университета. Мы не оговорились — именно борьбы, ибо не так-то просто было в царской России открыть что-либо «свободное», «народное» и, главное, малоконтролируемое сверху. Потребовалось три года упорнейшей борьбы, три года «хождения по мукам», прежде чем Л. А. Шанявская и М. В. Сабашников вместе с остальными членами попечительного совета выполнили волю покойного А. Л. Шанявского.

Но, вероятно, сам Альфонс Леонович предвидел все мытарства с открытием университета, так как в завещании он поставил одно непременное условие, дабы ускорить осуществление своей мечты: университет должен быть открыт в течение трех лет, считая со дня заявления 3 октября 1905 года. В противном случае завещание теряло силу, и все средства шли на Петербургский медицинский женский институт.

Эта «затея», как выразился один из депутатов в Государственной думе о создании университета, была далеко не по душе правительству, и оно принимало все меры к тому, чтобы помешать этому, старалось всячески оттянуть время до предельного срока или, по крайней мере, в корне изменить проект Положения об университете в желаемом ему духе. А каким только нападкам черносотенной прессы не подвергался сам университет, еще не будучи открытым!

Но, несмотря ни на какие препятствия, М. В. Сабашников и Л. А. Шанявская упорно добивались разрешения на открытие университета. В состав комиссии по выработке устава будущего учебного заведения они пригласили таких всемирно известных ученых, как К. А. Тимирязев, П. Н. Лебедев, Ф. Ф. Фор-

тунатов. Поддержка идеи А. Л. Шанявского всей прогрессивной русской общественностью и сыграла решающую роль в открытии в 1908 году Народного университета. Правда, после выступления в Государственной думе министра народного просвещения А. Н. Шварца, пытавшегося дискредитировать идею вольной школы, в первоначальный проект устава были внесены изменения — председатель попечительного совета должен был утверждаться в должности самим министром народного просвещения.

Но главное было сделано. Первый в России Народный университет, получивший имя своего основателя А. Л. Шанявского, начал работать. Правда, в первый семестр 1908—1909 года 11 преподавателей и 400 слушателей университета еще не имели собственного помещения и ютились по вечерам в начальных городских училищах, а затем получили здание на Волхонке, 14, в так называемом голицынском доме. Но слава университета росла не по дням, а по часам, и здание на Волхонке уже не могло удовлетворить всех желающих. Достаточно сказать, что уже в 1912 году, то есть через четыре года после открытия, в университете было 130 преподавателей и 3669 слушателей. И в этом году было выстроено специальное здание для университета на Миусской площади. Оно хорошо известно всем москвичам, в нем сейчас помещается Высшая партийная школа при ЦК КПСС. А с 1912 по 1918 год в этом здании находился Московский народный университет имени А. Л. Шанявского.

Не лишне напомнить, что председателем строительной комиссии по сооружению здания на Миусской площади был М. В. Сабашников. Вместе с Л. А. Шанявской и другими членами попечительного совета университета он вложил крупные денежные суммы в строительство нового здания и в обеспечение его учеб-

ными пособиями и книгами. Михаил Васильевич взял на себя также комплектование библиотеки университета всеми выходящими изданиями с маркой «М. и С. Сабашниковы». В архиве издательства сохранилось письмо правления университета имени А. Л. Шанявского к М. В. Сабашникову: «Правление университета имеет честь уведомить о получении от Вас нижепоименованных книг для библиотеки университета и принести Вам глубокую благодарность за Ваш дар и Ваше внимание к библиотеке университета». Благодаря содействию Михаила Васильевича библиотека университета уже в 1911 году насчитывала около 35 тысяч томов.

Осенью 1912 года М. В. Сабашников был выбран председателем правления университета имени А. Л. Шанявского. Что же представлял собою этот первый в России Народный университет, активное участие в организации которого является, пожалуй, самой яркой страницей общественной биографии М. В. Сабашникова?

Основная цель университета — служить широкому распространению высшего научного образования и «привлечению симпатий народа к науке и знаниям», говоря словами А. Л. Шанявского.

Университет имел два отделения: научно-популяризаторское и академическое. Научно-популяризаторское отделение было рассчитано на слабо подготовленные слои населения. Наоборот, академическое отделение было организовано для лиц с подготовкой в пределах среднего учебного заведения.

Академическое отделение имело две группы: естественные и общественно-философские науки. Однако организация учебных занятий позволяла желающим составлять для себя и смешанный план занятий, вводя в него предметы той и другой группы.



А. Л. Шанявский.



М. В. Сабашников. Санитарный отряд. 1915 год.

Важно отметить, что в Народный университет имени А. Л. Шанявского поступали слушатели вне зависимости от пола, национальности и вероисповедания, то есть те, кто по формальным основаниям не допускался в государственные высшие учебные заведения. Занятия проходили в дневное и вечернее время. Плата за слушание лекций — 45 рублей за полный цикл (18 часов в неделю). Впоследствии предполагалось сделать обучение бесплатным.

Кто преподавал в этом университете? Выдающиеся русские ученые, деятели литературы и искусства: В. Я. Брюсов (он читал курс лекций «Падение Рим-

ской империи»), В. И. Вернадский, Н. Д. Зелинский, Н. К. Кольцов, К. А. Тимирязев, А. Е. Ферсман, Д. М. Петрушевский, С. А. Чаплыгин, П. Н. Лебедев. Замечательный русский физик Петр Николаевич Лебедев проводил в университете Шанявского исследования в области ультразвука. После смерти П. Н. Лебедева в 1912 году руководимая им специальная лаборатория была названа его именем. В стенах университета начинали свою преподавательскую деятельность известные впоследствии ученые: историк литературы Н. Л. Бродский, криминалист М. Н. Гернет — автор популярной работы «История царской тюрьмы», педагог С. Т. Шацкий, литературовед П. Н. Сакулин, выпустивший, кстати, в издательстве М. и С. Сабашниковых в 1913 году монографию «Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский», справедливо признанную энциклопедией русской общественной и литературной жизни 20—30-х годов XIX века.

В университете имени А. Л. Шанявского учились Сергей Есенин, Николай Клюев, Сергей Клычков, Петр Орешин, Василий Наседкин... Впрочем, не только известные в будущем поэты. Обратимся к воспоминаниям одного из шанявцев, как называли себя слушатели университета:

«Первой научной ячейкой, где новое, зародившееся на Западе направление биологических исследований оказалось представленным в нашей стране и стало неуклонно, систематически и целеустремленно развиваться, была скромная лаборатория в замечательном по своей идейной, общественной направленности центре научного преподавания и исследования — в Народном университете имени Шанявского. Это была биологическая лаборатория, созданная по инициативе Н. К. Кольцова и им возглавлявшаяся на протяжении многих лет...

Именно в лаборатории университета имени Шанявского и мне лично впервые довелось встретиться с Николаем Константиновичем и, скажу без преувеличения, сразу, всерьез и надолго подпасть под его влияние.

Я был в это время студентом Московского университета и там работал в лаборатории одной из кафедр, но без большого удовлетворения, а репутация университета Шанявского в это время быстро распространялась в студенческой среде, тяготевшей к науке. Я начал слушать там курсы лекций, читавшихся такими выдающимися учеными, как Л. А. Тарасевич — по учению об иммунитете и Н. К. Кольцов — по экспериментальной биологии. Я стал постоянным посетителем этих лекций и стал посещать семинары, регулярно проводившиеся в лаборатории Н. К. Кольцова. Тут к этому времени собрался дружный коллектив научной молодежи, там я встретился с будущим профессором МГУ И. Л. Каном, с будущим гистологом Г. Р. Роскиным и другими».

Эти воспоминания принадлежат одному из крупнейших биологов современности, директору Института молекулярной биологии АН СССР академику Владимиру Александровичу Энгельгардту и были опубликованы им недавно в журнале «Природа». А в письме к автору этой книги В. А. Энгельгардт несколько дополнил свои печатные воспоминания: «В становлении и существовании Народного университета принимали участие Сабашниковы — кто из нашего поколения не знал этого прекрасного издательства! Помнится мне, что жена Н. К. Кольцова, Мария Полиевктовна, была из какой-то крупной купеческой семьи, тоже меценатствовавшей и вложившей значительные средства в создание и оборудование личной лаборатории Н. К. Кольцова в годы, когда он был без пристанища после ухо-

да из Московского университета[1]. Возможно, что эта семья тоже участвовала в поддержании университета Шанявского».

...Шли годы. После свершения Великой Октябрьской социалистической революции Народный университет имени А. Л. Шанявского в 1918 году при непосредственном участии М. В. Сабашникова стал издавать журнал «Вестник шанявцев». Всего вышло пять номеров. Первый номер открывался редакционной статьей «Наши задачи»: «Судьба нашего университета была и будет тесно связана с двумя революциями. Первая — 1905 года — вызвала его к жизни, а революция наших дней дала наконец возможность ему воплотиться в «храм свободной науки». Именно теперь необходимо произвести огромную организационную работу по созданию подлинно демократической *высшей, вольной школы,* достойной великой страны, достойной великой демократии, идущей в авангарде народов в борьбе за освобождение человечества».

[1] Н. К. Кольцов ушел из Московского университета в знак протеста против исключения революционно настроенных студентов.

Страницы биографии

Читатели этой книги обратили, очевидно, внимание на тот факт, что в предыдущей главе чаще упоминается имя одного Михаила Васильевича. Его младший брат Сергей Васильевич, тяжело раненный в 1905 году психически ненормальным человеком, французским доктором Валле, скончался 22 марта 1909 года после долгой болезни и нескольких операций.

Михаил Васильевич вспоминал о зиме 1908/09 года, которая была особенно тяжелой для Сергея Васильевича: «Сережа, однако, продолжал по-прежнему весьма деятельную жизнь, руководил конторскими делами, читал рукописи для издательства, держал корректуры, много и серьезно читал, беседовал с навещавшими его друзьями».

В газете «Русские ведомости» (1909, 24 марта) появился некролог:

«В Москве скончался на 36-м году жизни известный общественный деятель Сергей Васильевич Сабашников. Покойный был воспитанником Московского университета по естественному отделению физико-математического факультета, курс которого он окончил в 1898 году. Он состоял гласным Московской городской думы и Покровского уездного земства, членом попечительного совета университета Шанявского и был одним из руководителей известной книгоиздательской фирмы, обогатившей русскую литературу большим числом хороших изданий, преимущественно естественнонаучного содержания; поддерживая своими средствами многие культурные и просветительные уч-

реждения, он, между прочим, пожертвовал 10 000 рублей на приобретение библиотеки Н. С. Тихонравова для Румянцевского музея... Трагический случай прервал его общественную деятельность: он подвергся нападению французского доктора Валле, нанесшего ему две тяжелых огнестрельных раны и множество ран кинжалом. Благодаря крепкому здоровью С. В. Сабашников мог пережить эти раны и несколько трудных операций, но тем не менее здоровье его было подорвано в корне, и от общественной деятельности ему пришлось совсем отказаться. Теперь смерть прервала эту непродолжительную, но богатую содержанием жизнь».

С. В. Сабашников похоронен в Сетуни, под Москвой, рядом с могилами Василия Никитича и Серафимы Савватьевны Сабашниковых. На могиле установлен памятник скульптора Н. А. Андреева [1]. Потеря любимого брата, соратника и единомышленника была очень тяжелым ударом для Михаила Васильевича. Через много лет он напишет в своих воспоминаниях:

«Сережа был самым значительным членом нашей семьи. И по природным дарованиям и по подготовленности своей к жизненной деятельности. Даром, что он был из нас самым младшим. Быть может, даже именно благодаря этому. Ясное, реалистическое мышление. Исключительная строгость к себе. Чрезвычайная добросовестность. Твердость в решениях. Постоянство в отношениях. Жизнь Сережи оборвалась на 36 году. Прожив на 30 лет больше его, я должен признать, что Сережа сумел больше моего проявить свою личность и отразить ее во внешнем мире. А ведь жизнь в этом и состоит!»

[1] Выдающийся советский скульптор, автор Ленинианы.

В память о брате М. В. Сабашников сохранил его имя в названии фирмы вплоть до 1930 года, то есть до конца существования издательства М. и С. Сабашниковых.

* * *

В 1897 году М. В. Сабашников женился на молодой девушке из небогатой дворянской семьи Софии Яковлевне Лукиной, которая работала фельдшерицей в костинской больнице, построенной на средства братьев Сабашниковых.

София Яковлевна стала верным другом и помощником М. В. Сабашникова. Она принимала участие в Обществе по усилению средств университета Шанявского, была попечительницей 2-го городского училища в Хамовниках, организатором приютов для детей беженцев во время войны. В тяжелые минуты жизни Михаил Васильевич всегда находил в ней опору и утешение. Сохранилась их переписка, относящаяся ко времени первой мировой войны, когда Михаил Васильевич был назначен Московским городским самоуправлением заведующим отделом фронта Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам. Это была организация, фактически выполняющая функции Красного Креста, то есть занимающаяся оказанием врачебно-санитарной помощи больным и раненым воинам русской армии как непосредственно на полях сражений, так и в самой Москве. Во главе Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам стояли такие крупные ученые-медики, как Л. А. Тарасевич и С. А. Бруштейн, впоследствии директор Ленинградского государственного института усовершенствования врачей. Всероссийский союз городов выпускал специальный журнал под редакцией известного историка, литературоведа и театроведа

А. К. Дживелегова, издавшего, кстати сказать, у Сабашниковых в 1915 году книгу «Александр I и Наполеон».

По поручению Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам М. В. Сабашников в качестве уполномоченного санитарного отряда едет в 1915 году вместе со своим 16-летним сыном Сергеем на фронт, в самую гущу военных событий. Часто он шлет Софии Яковлевне подробные письма. Хочется привести одно письмо, непосредственно с театра военных действий,— письмо, важное для понимания и личности Михаила Васильевича, и его отношения к своим обязанностям на фронте, часто выполняемым с риском для жизни, и, наконец, как доказательство определенных литературных способностей Михаила Васильевича.

«...К обеду мы уже дома, а в обед новая телеграмма, уже из полка — просят забрать 60 раненых из К. Обстреливается ли она? Какой дорогой надо ехать, чтобы не попасть под обстрел? По какой дороге можно везти раненых?.. Еду автомобилем объездом с Милановским и Панариным, а Сереже поручаю вместе с Волковым проводить арбы до Слободки и там ждать нашего приезда или нашего посланного.

В К. полковой перевязочный пункт. Врач занят какими-то списками. Хотя мы приехали по зову и ему же на выручку, он встречает нас довольно безучастно. Оставляю его в саду со списками и вхожу в избу, где лежат раненые. Это ужасно — все в непонятном беспорядке, живые и мертвые, отчаявшиеся и уповающие, страдающие и потерявшие сознание. Запах крови. Стоны. Взгляды, старающиеся угадать, можем ли мы принести утешение. И какая покорность судьбе! Никто ни о чем не просит, все ждут помощи молча, со-

средоточенно. Здесь много больше 60-ти, но раненные в руку могут идти пешком, подсаживаясь лишь время от времени, чтобы не истратить силы. Итак, мы сможем на своих арбах увезти всех тяжелых, а легкие пойдут за арбами пешком. Надо теперь выяснить, будет ли поезд и сможет ли наша летучка принять всех раненых. Едем на моторе в Мацково... Все наши стояли в саду под вековой липой, когда мы подошли к ним. Началось совещание тут же на месте встречи... В это время с германской стороны совсем будто бы близко от нас раздался орудийный выстрел. Затем снаряд, издавая какой-то металлический резкий звук, взвился над нами и, перелетев сад, разорвался где-то за липой. Сначала оборвался звук полета и уже потом, через маленький промежуток, разрыв. Я посмотрел на своих собеседников и понял, что надо во что бы то ни стало продолжать прерванный разговор, продолжать начатое дело.

Но еще снаряд! Жутко слушать его полет над головами, затем зловещее молчание, затем взрыв вон там, за акацией, совсем близко. Вздох облегчения у всех, но не у меня. Видимо, обстреливают железнодорожное полотно, сибиряков, высаживающихся из поезда. Сережа с Волковым и арбами должны были ехать вдоль железной дороги и остановиться в ожидании нас. Долетают ли туда снаряды? Что если Сережа с Волковым, не дождавшись нас, вздумают продолжать путь, прямо под обстрел? Мне хочется ехать на автомобиле, и ехать им навстречу вдоль железной дороги. Но не могу же я рисковать Панариным, не могу оставить в Мацкове Милановского. Как быть? Решаю ехать объездом из Мацкова на Рудку, из Рудки в Слободку. Но нельзя торопиться с отъездом, чтобы не показать, что я бегу от обстрела, и чтобы не деморализовать этим публику.

Между тем снаряд за снарядом с громом вылетает из германских окопов и, проносясь со своим резким металлическим звуком над нами, разрывается где-то близко за садом. Страх за Сережу захватил меня. Несемся все же в объезд, ибо направить автомобиль под прямой обстрел навстречу Сереже и Волкову я не имею права. Вот когда я проклинал свое неумение править машиной. Проехали Рудку, свернули по пескам к Слободке и видим: какой-то обоз идет нам навстречу. Сережа впереди, возбужденный, кричит мне, что какие-то офицеры посоветовали им не стоять в Слободке, а свернуть на Рудку, и вот они здесь, целы и невредимы!

При здешней обстановке нельзя отдаваться своим чувствам, я стараюсь быть спокойным, говорю, чтобы обоз шел впереди, а наш мотор пойдет сзади. Обоз пошел, быстро удаляясь все дальше от обстрела, а мотор наш при повороте назад врезался в песок и — ни с места. Пришлось толкать и часть пути идти пешком. Солнце уже было низко, низко. Из рощи тянулась прохлада, а где-то со стороны позиций гармония в чьих-то умелых руках выводила песнь бодрую и полную жизни. «Ведь вот же люди, под обстрелом играют!» — говорю я Милановскому. Мы остановились, послушали и заговорили о странности человеческой души, о природе Литвы, тихих литовцах, Чурлянисе[1] и Балтрушайтисе.

Солнце наполовину скрылось, ноги вязли в сыпучем песке, гармония тянула свою песенку, а на позициях раздавались залпы ружей и рокотание пулеметов. «Смотрите, какие чудные цветы!» На сыпучем песке мелкие, стелющиеся растеньица с ярко-фиолетовыми цветочками, мною никогда ранее невиданными! Мы

---

[1] Современная транскрипция: Чюрлёнис и Чурлионис.

М. В. Сабашников с женой и детьми.



становимся с Милановским на колени и нарываем их целыми гирляндами.

«Ну, какая же разница между нами, собирающими цветы, и играющим на гармонии? — спрашиваю я Милановского.— И при чем тут привычка, разве мы так привыкли к обстрелу?» Смеемся оба над всеми нашими рассуждениями и бежим догонять Панарина, который уже вывел свой мотор на твердую почву... И вот мы в К. укладываем раненых в наши повозки...

Эти безропотные страдальцы, которых мы везли, и наши милые санитары, ловкие и внимательные, с чувством подходящие к раненым и умевшие им действительно помочь,— и среди них Сережа — вот чем полна была душа моя. Я радовался, что он цел и невредим, и радовался, что он такой, каким я его сегодня видел. Ты бы гордилась своим сыном».

* * *

Куда же еще, не считая издательства и университета имени Шанявского, вкладывали средства Михаил и Сергей Сабашниковы, с тех пор как еще юношами в 1891 году приняли деятельное участие в помощи голодающим?

В 1905 году М. В. Сабашников был избран почетным корреспондентом московского Румянцевского музея. Такой высокой чести не удостаивался ни один русский издатель. М. В. Сабашников вспоминает: «После кончины Н. С. Тихонравова осталась большая библиотека печатных и старопечатных книг и рукописей. Единственной наследницей его была вдова, психически больная, над которой учреждена была опека в лице учеников покойного. Для содержания опекаемой они должны были реализовать единственную оставшуюся после покойного ценность — библиотеку. Для учеников Н. С. Тихонравова, знавших, как много по-

ложил покойный забот и труда, чтобы собрать свою книжную и рукописную коллекцию, и ценивших это собрание как незаменимое пособие при изучении истории русской литературы и культуры, возникла забота о том, чтобы не дать разрознить библиотеку и передать ее в какое-нибудь государственное или общественное книгохранилище. Мы с Сережей решили купить библиотеку и передать ее в Румянцевский музей с тем, чтобы она хранилась обособленно в рукописном отделении, как того хотел покойный академик».

Сохранилось письмо директора Румянцевского музея, отца поэтессы Марины Цветаевой, И. В. Цветаева, свидетельствующее о том, что Сабашниковы дали московскому Румянцевскому музею 10 тысяч рублей на приобретение этой ценнейшей коллекции.

Однако это редкий случай в практике М. В. Сабашникова. Чаще всего он комплектовал другие библиотеки книгами своего издательства. Вот лишь краткий перечень учреждений и организаций, библиотеки которых пользовались добрым вниманием Сабашниковых: кяхтинская гимназия, Московские высшие женские курсы, Петербургское общество народных университетов, Бронницкое общество распространения образования, одесское физико-химическое бюро «Urania», Народный университет имени А. Л. Шанявского, сибирская колония ссыльнопоселенцев...

Сохранилось письмо сельской учительницы деревни Азбукино Черниговской губернии А. Терещенковой к М. В. Сабашникову от 2 января 1917 года, в котором она просит Михаила Васильевича выписать для своей деревни экземпляр газеты «Русские ведомости», а также «пожертвовать какие-либо бракованные книги для училищной библиотеки».

Сельская учительница не случайно обратилась с просьбой к М. В. Сабашникову прислать экземпляр

«Русских ведомостей». Она знала, что Михаил Васильевич состоял членом товарищества по изданию этой газеты, и в качестве московского губернского земского деятеля и члена Русского технического общества сам помещал в ней статьи экономического содержания.

Разумеется, в 1917 году деревня Азбукино стала получать газету «Русские ведомости», а вместо «бракованных» книг библиотека сельского училища получила отличные издания с маркой «М. и С. Сабашниковы».

В 1914 году на имя М. В. Сабашникова пришло письмо из сибирской колонии ссыльнопоселенцев Манзурка Иркутской губернии. Автор этого письма Е. Н. Левитов, указывая, что «идейный уровень политической ссылки во многом зависит от присылаемой литературы», пишет: «...оторванная от непосредственной социально-политической жизни наша публика с удовольствием перечитывает присланные Вами книги, пополняя свои пробелы в естественноисторической области. Дети революции — большинство из нас жило «моментом», не углубляя и не расширяя своих взглядов на жизнь вообще. Ваши книги помогли нам отчасти в обосновании нашего миропонимания».

В архиве М. В. Сабашникова сохранилось еще одно любопытное письмо, свидетельствующее о передовых взглядах владельца издательства. 3 ноября 1913 года к нему обратились Наталья Александровна и Николай Александрович Герцен:

«*Милостивый государь Михаил Васильевич!*

В скором времени мы приступаем к печатанию первого полного собрания сочинений и писем нашего отца и деда, А. И. Герцена, под редакцией М. К. Лемке... Категорически уклонившись от делавшихся нам

предложений со стороны профессиональных издателей-коммерсантов, принятие которых неминуемо повлекло бы за собой значительное повышение продажной цены и таким образом умалило бы значение такого издания, которое должно быть доступно возможно более широкому слою русской интеллигенции и небогатым библиотекам, с одной стороны, и будучи уверенными, что среди более или менее обеспеченных почитателей Герцена найдутся люди, вполне сочувствующие нашему начинанию, с другой, мы решились предпринять издание на совершенно особых началах и тем достигнуть максимального понижения продажной цены... С этой целью мы решаемся обратиться к некоторым лицам, известным нам своею расположенностью к поддержке культурных начинаний, с просьбою ссудить нам небольшие суммы, каковые будут возвращаемы им постепенно из сумм, выручаемых от продажи издания...» В конце письма приписка: «разрешаете ли упомянуть Ваше имя в числе лиц, способствовавших появлению издания в свет?»

Михаил Васильевич, естественно, ответил согласием.

Примерно в это же время издательство М. и С. Сабашниковых завязывает деловые отношения с известным рижским марксистом Василием Даниловичем Ульрихом и легендарным народовольцем Николаем Александровичем Морозовым, который осенью 1905 года был освобожден после 21 года заключения в казематах Шлиссельбургской крепости.

Осенью 1905 года М. В. Сабашников близко сошелся с известным московским юристом М. Л. Мандельштамом, который выступал защитником на процессе террориста И. П. Каляева, убившего бомбой генерал-губернатора Москвы великого князя С. А. Романова. «Однажды вечером ко мне зашел М. Л. Мандель-

штам,— вспоминает М. В. Сабашников,— и, думая, что у меня имеется револьвер, просил меня одолжить ему его на один день. «Не для нападения?» — спросил я. Мандельштам поручился, что только для самообороны. Я дал ему тот самый револьвер (единственный мой), который по настоянию брата Сережи я возил с собой по Сибири (во время поездки в 1902 году), из отвращения к этим вещам ни разу не вынув его из чемодана...

Через несколько дней Мандельштам сообщил мне, что револьвер этот был им передан Бауману, отправлявшемуся во главе группы манифестантов освобождать заключенных из Бутырской тюрьмы. Известно, что Бауман был убит тогда на пути к тюрьме человеком, вооруженным ломом. Что сталось с моим револьвером, я так и не знаю».

Разумеется, Михаил Васильевич не предполагал, что револьвер попадет именно к Бауману, но, будучи прекрасно осведомлен о революционных связях М. Л. Мандельштама, он, вероятно, догадывался, как будет использовано его оружие.

Михаил Васильевич не был революционером. Но его симпатии были на стороне народа, а своей деятельностью в области культуры он заслужил право на наше уважение.

Второе рождение

В 1922 году Страна Советов, измученная гражданской войной, голодом, разрухой, получила приглашение участвовать в первой послевоенной книжной выставке во Флоренции. На этой выставке были представлены книги государственных, кооперативных и частных издательств нашей страны, в том числе Госиздата, Ленгиза, «Колоса», братьев Гранат и т. д. Подолгу останавливались посетители перед стендом с надписью: «Московское издательство М. и С. Сабашниковых». «Как, неужели это то самое издательство, которое выпускало до революции «Памятники мировой литературы»? — спрашивали посетители выставки.— Значит, Сабашниковы остались в Советской России?..»

Вся дореволюционная издательская деятельность М. В. Сабашникова, направленная на просвещение родного народа, определила его отношение к революции. Михаил Васильевич любил свою родину и свой народ и слишком много сделал и для родины и для народа, чтобы порвать с ними в трудное время.

Три самых крупных русских издателя предреволюционной эпохи — И. Д. Сытин, П. П. Сойкин и М. В. Сабашников стали активно работать с Советской властью и много сделали для развития советской книги.

Издательство М. и С. Сабашниковых — одно из немногих частных издательств, не национализированных Советской властью. Оно имело большие заслуги перед русской наукой и культурой. А. В. Луначарский вспоминал: «...издательство имело высококультурное значение, что признавалось, между прочим, и

самим Владимиром Ильичем. При обсуждении вопроса о частных издательствах он сказал мне: «Наиболее культурным из них, вроде Сабашниковых, надо помогать, пока не будем в силах их заменить полностью».

В 1917 году сгорел дом [1], где помещались контора и склад издательства, и это значительно усложнило на первых порах работу М. В. Сабашникова. Какой-то период после этого трагического случая издательство существовало лишь за счет распродажи книг, хранившихся на других складах и находившихся в типографиях, а само оно временно разместилось на складе в Калашном переулке. Осенью 1918 года, через год после пожара, Михаил Васильевич подыскал для издательства квартиру в доме № 8 по Никитскому бульвару (ныне Суворовский бульвар, 8). Здесь и помещалось издательство М. и С. Сабашниковых с 1918 по 1930 год.

Ни на минуту фирма «М. и С. Сабашниковы» не прекращает свою культурную миссию. И это несмотря на топливный кризис, отсутствие квалифицированных рабочих, износившееся типографское оборудование.

«Было нечто поразительное,— отмечал критик и переводчик А. М. Эфрос на праздновании 35-летнего юбилея издательства М. и С. Сабашниковых,— когда в 1919—1921 гг. из полуразрушенных типографий, голодающих по шрифту, краске, бумаге,— сабашниковские тома выходили с обычной выдержанностью и тщательностью, не желавшими уступать и действительно не уступавшими прежним выпускам тех же серий».

Несколько книг Михаил Васильевич издает фотолитографическим способом: «Слово о полку Игореве» (снимок с первого издания 1800 года графа А. И. Му-

[1] Впоследствии этот дом отстроили.

сина-Пушкина), «Граф Нулин» Пушкина (снимок с прижизненного издания, редактированного самим поэтом), «Курс истории России XIX века» А. А. Корнилова, который М. В. Сабашников выпустил впервые еще до революции, «Лекции по древней русской истории» М. К. Любавского и т. п.

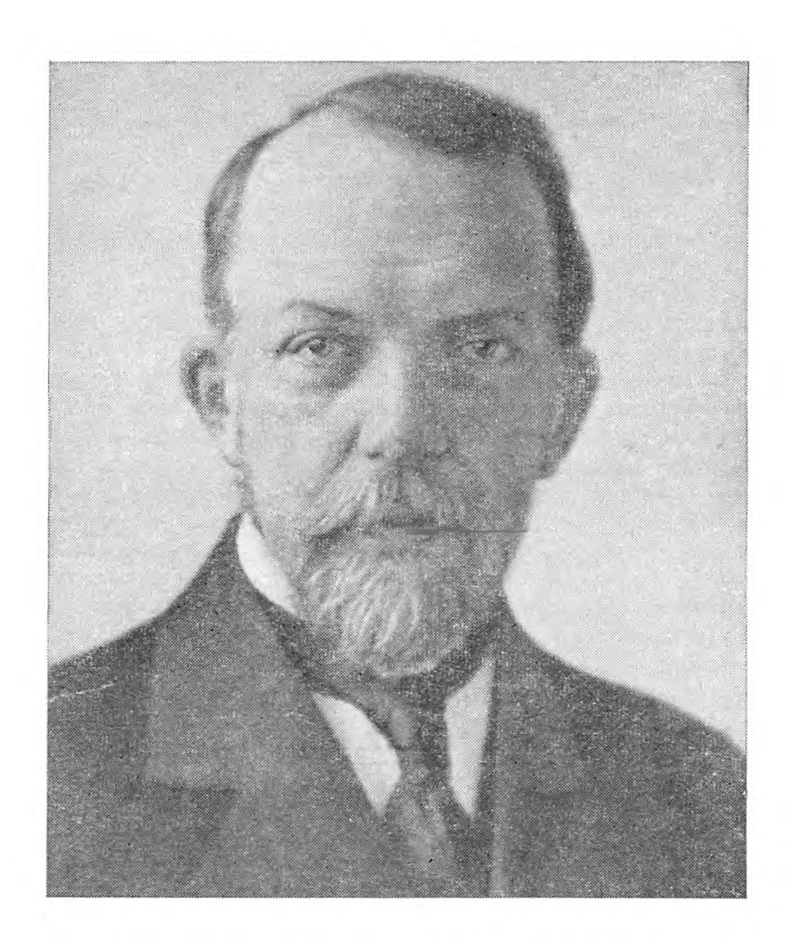
Естественно, что издательство не могло долго существовать за счет такого своеобразного способа «издания» книг. М. В. Сабашников обратился к народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому с ходатайством о денежной ссуде. Советское правительство удовлетворило эту просьбу, и в феврале 1919 года издательство М. и С. Сабашниковых получило ссуду в 1 миллион рублей сроком на год (ссуда погашалась за счет продажи готовых изданий). В марте и августе 1920 года издательству было предоставлено еще 3 миллиона рублей. Опираясь на материальную помощь государства, в трудных условиях гражданской войны и военного коммунизма М. В. Сабашников успешно продолжал свою работу.

По свидетельству М. В. Сабашникова, А. В. Луначарский, подписывая документы на получение издательством ссуды, пожелал ему «бодро работать в прежнем духе».

Следует заметить, что издательство М. и С. Сабашниковых очень часто поддерживало своих авторов материально в трудные голодные годы, особенно с начала первой мировой войны.

Вот почему в архиве издательства можно найти многочисленные письма с просьбами о денежной помощи и выражением благодарности за ее оказание. Так, например, автор популярной до революции книги «Образы Италии» П. П. Муратов писал Михаилу Васильевичу в 1914 году: «Желал бы я знать, как обстоит мой счет у Вас в книгоиздательстве? Знаю, что

М. В. Сабашников. 1918 год.



брал у Вас авансом за Гоцци (ныне отложенного) и один раз даже «так вообще» — в счет будущих работ. Сколько всего я Вам задолжал таким образом?» Недаром И. К. Линдеман шутил на 35-летнем юбилее издательства М. и С. Сабашниковых:

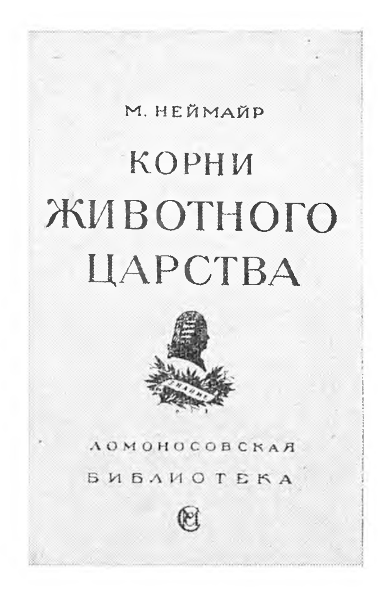
Приемов Ваших чище
Возможно ль ожидать?
У Вас попросят «тыщу»,
А Вы даете пять!

А ведь сам Михаил Васильевич часто нуждался не меньше своих авторов. Владелец издательства стал получать зарплату наравне с другими сотрудниками, а все доходы от издания книг шли на погашение ссуды, на содержание штатных работников и на бескорыстную и безвозмездную помощь своим авторам. Отказывая себе буквально во всем, Михаил Васильевич считал своим долгом в эти нелегкие годы помочь прежде всего русским писателям, поэтам и ученым. По свидетельству старейшего советского писателя В. Г. Лидина, весь доход от издания нескольких книг в 1921 году М. В. Сабашников передал Всероссийскому союзу поэтов, а еще раньше он специально выпустил книги в фонд помощи беспризорным детям. Принял участие Михаил Васильевич и в помощи голодающим Поволжья... Вспоминается старое изречение: «Из всех храмов человеческих наивысший — это сердце человека».

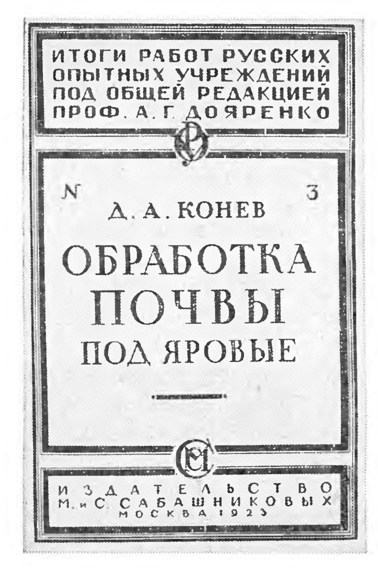
* * *

В первые послереволюционные годы деятельность издательства М. и С. Сабашниковых протекала под контролем Литературно-издательского отдела Наркомпроса и издательского отдела Моссовета. Программа деятельности издательства, сохранившаяся в архиве, показывает, что М. В. Сабашников поставил себе

«Ломоносовская библиотека» — «собрание общедоступных книг для чтения по всем отраслям знания».



Серия «Итоги работ русских опытных учреждений» — книги по сельскому хозяйству.



целью «безостановочно продолжать издание новых, ранее намеченных книг» и восстановить, то есть переиздать, многие дореволюционные книги своего каталога, особенно те из них, тираж которых был в значительной части уничтожен пожаром в октябре 1917 года.

С 1917 по 1923 год с маркой «М. и С. Сабашниковы» издано 102 книги общим тиражом 740 тысяч экземпляров. Получая ссуду от государства, М. В. Сабашников, несмотря на тяжелые условия гражданской войны и хозяйственной разрухи, не только про-

должал выпуск своих знаменитых серий («Памятники мировой литературы», «Русские Пропилеи» и др.), но и печатал новые издания, отвечавшие потребностям новой, революционной эпохи. С них мы и начнем рассказ о советских изданиях М. В. Сабашникова...

«В годы гражданской войны,— вспоминал Михаил Васильевич,— мы были отрезаны от Европы. Не получая из-за границы ни книг, ни журналов, широкие круги читающей публики не были осведомлены о движении научной мысли на Западе. И вот, как из рога изобилия, перед ней разом предстали: Эйнштейн с принципом относительности, Планк с теорией квант, Воронов с пересаживанием желез для омоложения, Кречмер с психопатическими конституциями и проч. и проч. Заманчиво было предпринять серию научных обозрений. Я решил не давать обозрений по всем дисциплинам, а выбрать две науки — физику и биологию, дать по ним более обширные и углубленные монографии. Для новой физики нужен был редактор. Намечали А. Ф. Иоффе».

Выдающийся советский физик академик Абрам Федорович Иоффе, возглавлявший после революции Российскую ассоциацию физиков, и стал редактором первой советской серии М. В. Сабашникова «Руководства по физике, издаваемые под общей редакцией Российской ассоциации физиков» (1919—1924).

16 сентября 1918 года А. Ф. Иоффе писал М. В. Сабашникову:

«Глубокоуважаемый Михаил Васильевич!

К сожалению, мне не удалось проездом через Москву заглянуть к Вам и условиться относительно издания моего курса физики. Не будете ли Вы добры сообщить мне письменно в Петроград, Политехнический институт, квартира 47, можно ли приступить к печата-

нию немедленно; куда передать чертежи и текст? Мне бы очень хотелось поскорее напечатать книгу, так как она нужна для целого ряда учебных заведений.

Искренно Вам преданный и готовый к услугам
А. Иоффе».

М. В. Сабашников немедленно приступил к печатанию книги, и в начале 1919 года «Лекции по молекулярной физике» А. Ф. Иоффе увидели свет, а наиболее важная глава из этих лекций под названием «Строение вещества» была издана Михаилом Васильевичем также отдельно, в виде небольшой брошюры. В «Лекциях по молекулярной физике» замечательный советский физик говорит о своих работах по экспериментальному обоснованию квантовой теории света, физике твердого тела, диэлектрикам и полупроводникам. Именно за эти работы А. Ф. Иоффе была впоследствии присуждена Государственная премия.

А. Ф. Иоффе порекомендовал М. В. Сабашникову выпустить труды двух крупнейших советских физиков: Якова Ильича Френкеля, в недалеком будущем члена-корреспондента Академии наук СССР, лауреата Государственной премии, и Ореста Даниловича Хвольсона, почетного члена Академии наук СССР. В серии «Руководства по физике» М. В. Сабашников издал монографию Я. И. Френкеля «Электрическая теория твердых тел», брошюру О. Д. Хвольсона «Эволюция учения о теплоемкости» и его очень популярную в свое время работу «Теория относительности А. Эйнштейна и новое миропонимание», пропагандирующую идеи гениального немецкого физика.

О значении серии «Руководства по физике» для современников лучше всего говорит тот факт, что книги А. Ф. Иоффе и О. Д. Хвольсона выдержали в 1919—1923 годах по два-три издания, а монография

Я. И. Френкеля была включена в список лучших книг на русском языке, составленный Институтом библиопсихологии под руководством Н. А. Рубакина.

Редактором второй советской серии М. В. Сабашникова «Ломоносовская библиотека» стал старейший сотрудник издательства профессор М. А. Мензбир. 25 лет длилось творческое содружество М. А. Мензбира с издательством М. и С. Сабашниковых.

Сам М. В. Сабашников на всю жизнь сохранил интерес к биологии, внимательно следил за ее достижениями и открытиями и почувствовал необходимость издания новейших биологических монографий. «Мне казалось желательным выдвинуть биологию человека,— вспоминал Михаил Васильевич,— в частности, применение биологических методов и воззрений к изучению человека и человечества. Я хотел выступить в противовес укоренившимся клеветническим злоупотреблениям дарвинизмом и его борьбой за существование, оправдывающим будто бы насилие, право сильного, претензии сверхчеловека и проч., что уже слишком долго без отпора развивалось и пропагандировалось некоторыми немецкими писателями и политиками. Казалось... критика... была бы ко времени».

Поражает грандиозность первоначального проекта «Ломоносовской библиотеки». В письме к М. А. Мензбиру от 22 октября 1918 года М. В. Сабашников сообщает о этом новом серийном издании, представляющем «собрание общедоступных книг для чтения по всем отраслям знания, рассчитанных на читателей с подготовкой приблизительно средних учебных заведений». В трех основных разделах серии, посвященных биологии, географии и путешествиям, предполагалось выпустить классические популярные книги русских и иностранных авторов наряду с сочинениями, отражавшими современный уровень состояния науки.

**«Руководства по физике» —
первая советская серия
издательства
М. и С. Сабашниковых.**

Книги по физике под общей редакцией Российской Ассоциации Физиков.

Академик А. Ф. ИОФФЕ

ЛЕКЦИИ
по
МОЛЕКУЛЯРНОЙ
ФИЗИКЕ

ВТОРОЕ СОВЕРШЕННО
ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНИЕ



ИЗДАНИЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХ. ПЕТРОГРАД 1923

В программе, составленной М. А. Мензбиром, 35 названий книг, распределенных по следующим разделам: «Классики естествознания» (Ч. Дарвин, А. Уоллес, Г. Спенсер и другие), «Серия биологическая» (К. Абель, М. А. Мензбир и другие), «Гармония в природе», «Эволюционная естественная история», «Библиотека натуралиста», «Путешествия русских натуралистов».

В том же письме к Мензбиру от 22 октября 1918 года М. В. Сабашников особо подчеркнул, что «издательство считает долгом отметить, что хотя печатание в настоящее время представляет почти непреодолимые трудности, но все же издательство придает намечаемой в этом письме работе некоторую срочность».

Однако из 75 выпусков, намеченных в «Ломоносовской библиотеке», Михаилу Васильевичу удалось выпустить лишь семь книг. Правда, блестящих книг! Пожалуй, наиболее примечательной в этом маленьком списке была монография известного английского дарвиниста Р. Грегори «Открытия, цели и значение науки» (1923). Перевод этой книги вышел под редакцией замечательного советского биолога Николая Ивановича Вавилова.

Н. И. Вавилов отредактировал для издательства М. и С. Сабашниковых перевод еще одной книги — монографии Г. Молиша «Физиология растений, как теория садоводства и огородничества». 21 июня 1923 года Н. И. Вавилов обратился с письмом к постоянному представителю издательства М. и С. Сабашниковых в Петрограде К. В. Аркадакскому:

«Многоуважаемый Константин Васильевич.

Перевод книги Молиша закончен и переписан на машинке, остается мне его просмотреть и проредактировать. Некоторые части перевода мы передали про-

Одни из первых произведений советской художественной литературы.





фессору Максимову[1] на редакцию с просьбой дополнить его собственными исследованиями. Это значительно улучшит соответствующие главы книги Молиша...

С изданием перевода надо поторопиться. Книга вызывает общий интерес, появились прекрасные рецензии на эту книгу, например проф. Л. А. Иванова в журнале «Опытная агрономия», с указанием, между прочим, на необходимость срочного издания перевода. Вообще, не сомневаюсь, что книга чрезвычайно хоро-

---

[1] Максимов Николай Александрович (1880—1952) — крупный советский ботаник, академик.

шая и во всех отношениях требует немедленного издания. Надо поскорее приготовить клише...»

В 1923 году в «Ломоносовской библиотеке» были изданы монографии советских биологов В. Н. Любименко «Индивидуум в растительном мире», Ю. А. Филипченко «Эволюционная идея в биологии. Исторический обзор эволюционных учений» и книга немецкого ботаника Г. Миэ «Жизнь и ее проявления». Обращаясь с предложением об издании своей книги к М. В. Сабашникову, профессор Петроградского университета Ю. А. Филипченко писал: «Ваше имя и фирма слишком привлекли меня, особенно по сравнению со многими из современных издателей». Впрочем, таких писем в архиве издательства хранится очень много. Например, посылая в конце 20-х годов свою рукопись к М. В. Сабашникову, писательница и переводчица Т. Л. Щепкина-Куперник подчеркнула: «Лишне говорить, какая для меня была бы радость, если б моя книжка вышла в Вашем издании». Марка фирмы «М. и С. Сабашниковы» котировалась весьма высоко.

20-е годы — период второго рождения издательства М. и С. Сабашниковых. За 1921—1928 годы это издательство выпустило почти столько же книг, сколько за все предшествующие годы. Кроме традиционных сабашниковских изданий в каталоге фирмы можно найти новые рубрики, созвучные новой, революционной эпохе. Позднее сам Михаил Васильевич писал: «Со времени революции всему образованию был придан у нас практический уклон, соответственно духу времени издательство усилило выпуск книг прикладного характера, в том числе сельскохозяйственных и медицинских».

В 1923 году издательство М. и С. Сабашниковых предприняло под редакцией заведующего опытными полями при Петровской сельскохозяйственной академии профессора А. Г. Дояренко выпуск специальной

серии «Итоги работ русских опытных учреждений». М. В. Сабашников вспоминал: «Еще в начале 900-х годов я думал об издании сводки их достижений. Когда поэтому нам было предложено приступить к изданию «Результатов работ русских опытных учреждений» отдельными выпусками по отдельным темам, я отнесся к этому предложению в высшей степени сочувственно, несмотря на очевидную бездоходность или даже вероятную убыточность такого предприятия...

В прежнее время мы неоднократно проводили общеполезные, но нерентабельные издания, и я по опыту знал, что свести на них концы с концами при правильном определении тиража и правильной калькуляции — вещь не совсем безнадежная. Я решил рискнуть и на этот раз и предпринял издание «Итогов работ русских опытных учреждений», как по моему предложению было названо это издание.

Принимая это решение, я отлично знал, что помимо материального риска я взвалил на издательство и на плечи наших сотрудников ответственную и притом неблагодарную работу, так как сводки эти изобилуют таблицами, диаграммами и проч. На деле эта работа оказалась и более трудной, и более ответственной. З. П. Измайловой пришлось отдать изданию очень и очень много сил. Без ее содействия сводки эти едва ли увидели бы свет».

Зинаида Павловна Измайлова, работавшая с 1918 по 1930 год секретарем издательства М. и С. Сабашниковых, в настоящее время живет в Москве. Она охотно поделилась своими воспоминаниями о работниках издательства в советское время: «Руководителем и главным редактором издательства был Михаил Васильевич Сабашников. Близкие друзья издательства — Н. В. Сперанский, М. Н. Сперанский, М. А. Мензбир, Е. Е. Якушкин — составляли как бы редакционный со-

Из серии «Руководства по физике».

О. Д. ХВОЛЬСОН.

Профессор Петроградского Университета,
Почетный член Российской Академии Наук.

ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ
А. ЭЙНШТЕЙНА
И НОВОЕ МИРОПОНИМАНИЕ.



ПЕТРОГРАД.
Издание М. и С. САБАШНИКОВЫХ.
1922

вет. Впоследствии к ним примкнули П. Б. Ганнушкин, С. В. Бахрушин, М. А. Цявловский.

В 20-е годы в качестве заведующего распространением изданий работал сын М. В. Сабашникова — Сергей Михайлович. Наблюдение за производственным процессом осуществлял Мстислав Яковлевич Лукин — большой книголюб, прекрасно знавший издательское дело. Штатным художником в издательстве в 20-е годы был Михаил Сергеевич Баев. В связи с увеличением плана издательства часть книг печаталась в ленинградских типографиях. Для наблюдения за подготовкой и выпуском изданий был приглашен Константин Васильевич Аркадакский. Он вел дела издательства в Ленинграде, получая указания и санкции от М. В. Сабашникова. Надо сказать, что вел их с энтузиазмом и неизменной искренней преданностью издательству и лично М. В. Сабашникову».

«Риск» М. В. Сабашникова — издать «Итоги работ русских опытных учреждений» — вполне оправдал себя. Все пять выпусков этой серии были тепло встречены ведущими специалистами советской сельскохозяйственной науки. Например, профессор Петровской сельскохозяйственной академии А. Чаянов отмечал в рецензии на книгу П. А. Некрасова «Водный режим почвы» (1924): «Книга является значительным документом в истории русской науки, дающим в сведенном виде итоги многолетней работы наших опытных станций и полей в области, где их исследования доподлинно могут считаться классическими». «Книга В. В. Квасникова «Обработка пара»,— писал профессор Воронежского сельскохозяйственного института И. Якушкин,— представляет первый камень крупного здания. Под редакцией Дояренко в издательстве Сабашниковых творится библиотека, посвященная итогам работ русских опытных учреждений. Мы должны начать с

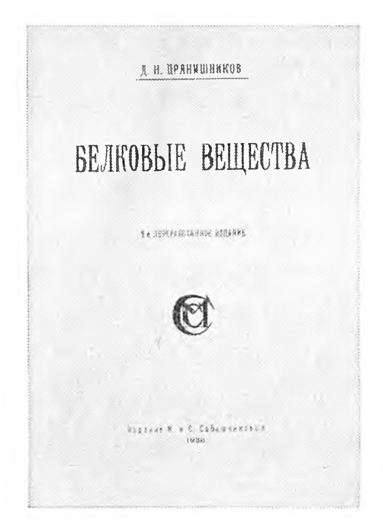
горячего пожелания, чтобы первые выпуски выросли в кратчайший срок в подлинную библиотеку,— в ту энциклопедию русского опытного дела, которой так сильно недостает русскому земледелию».

Своеобразной энциклопедией явилась также и другая замечательная сабашниковская серия «Богатства России», издаваемая по договору с Комиссией по изучению производительных сил России при Российской академии наук. Эта комиссия работала с 1915 года под председательством академика В. И. Вернадского и при участии академиков М. А. Рыкачева, Н. И. Андрусова, И. П. Бородина. Ее секретарем был А. Е. Ферсман. С 1920 по 1923 год Сабашников под редакцией А. Е. Ферсмана выпустил 11 из 17 задуманных научно-популярных брошюр о природных богатствах нашей страны. Среди авторов этих брошюр — академик Ф. Ю. Левинсон-Лессинг («Платина», 1922) и профессор Н. А. Кулагин («Русский пушной промысел», 1922). Впрочем, и остальные авторы были не менее компетентны каждый в своей области, и недаром рецензент журнала «Хочу все знать» (1924, № 2) отмечал, что «при самом беглом ознакомлении с настоящей серией бросается в глаза ее большая научная ценность, заключающаяся в исчерпывающем использовании всех последних материалов и научных данных по затрагиваемым ими (брошюрами серии.— *С. Б.*) вопросам».

В наши дни Академия наук СССР выпускает специальные брошюры о производительных силах каждого экономического района страны. В далекие 20-е годы такие брошюры заменяла сабашниковская серия «Богатства России».

«Homo sapiens» — так назывался ряд монографий по изучению физиологии человека, выпущенных М. В. Сабашниковым с 1925 по 1928 год. Эта серия выходила под редакцией крупного московского психиатра

Книга выдающегося советского агрохимика, уроженца города Кяхта.



Серия «Богатства России» — очерки о природных богатствах нашей страны.



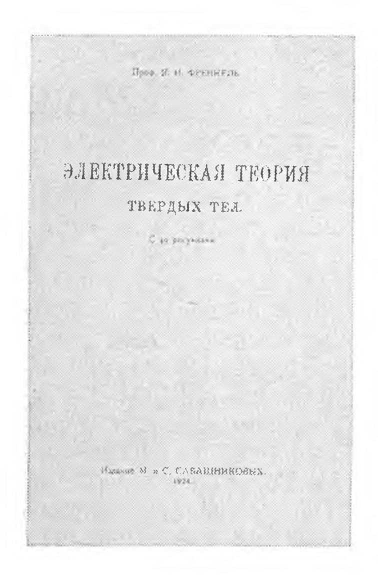
П. Б. Ганнушкина. А так как Михаил Васильевич сам был биологом по образованию, то вопросы наследственности, антропологии, евгеники, психиатрии и особенно проблемы, находящиеся на стыке этих наук, его всегда интересовали. Из книг, вышедших в серии «Homo sapiens», необходимо отметить монографию профессора Мюнхенского университета О. Бумке «Культура и вырождение» и работу советского генетика Т. Юдина «Евгеника», которая, как указывала «Правда» (1925, 12 июля), «является ценным приобретением, особенно на фоне господствующего у нас направления в евгенике».

Для издательства М. и С. Сабашниковых была характерна серийность и плановость в выпуске книг. Удачно сказал А. Эфрос на праздновании 35-летия издательства М. и С. Сабашниковых: «Существует, так сказать, «сабашниковская система элементов». В этой системе мы чувствуем какую-то прекрасную ясность объективизма. На закономерности этой системы элементов и воздвигается многолетняя работа издательства... М. В. Сабашников развертывал свое издательство, как музеевед развертывает коллекции. Его интересуют меньше раритеты, нежели уровень, сохранность и полнота всей группы. За отдельной вещью он никогда не теряет общего облика собрания. Его больше радует ясность сопоставления и последовательность развития, нежели любование тем ли, этим ли приглянувшимся экземпляром. Сабашниковские серии составлены именно так, по-музейному. В их систематичности, в их строгости и в их качественности живет та же душа».

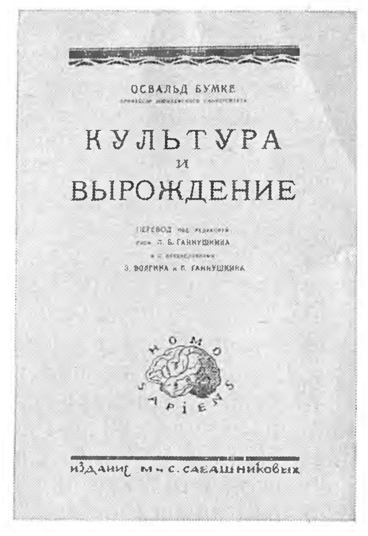
Хотя много книг в 20-е годы М. В. Сабашников выпустил и вне перечисленных выше серий, но все они, так или иначе, тяготели к этим сериям. Например, к «Homo sapiens» можно вполне отнести книги Н. П. Бруханского «Судебная психиатрия», М. О. Гуревича «Психопатология детского возраста», А. Е. Петровой «Психологическая классификация личностей», академика А. Н. Северцова «Эволюция и психика», С. А. Воронова «О продлении жизни»; к «Итогам работ русских опытных учреждений» — книгу К. И. Пангало «Введение в сортоводство»; к «Ломоносовской библиотеке» — «Сто физиологических опытов над жизнью фасоли» М. Вагнера, «Белковые вещества» замечательного советского ученого, уроженца Кяхты Д. Н. Прянишникова.

Выпуск в советское время отдельных, внесерийных

Из серии «Руководства по физике».



Серия «Homo sapiens» посвящена проблемам, находящимся на стыке нескольких наук.



книг, как, впрочем, и серийных, диктовался, естественно, объективными потребностями действительности. Об этом говорилось в некоторых рецензиях на отдельные издания фирмы «М. и С. Сабашниковы». Вот, например, маленькая книжечка для детских врачей — «Рахит» профессора А. Б. Марфана. Журнал «Научные курсы для усовершенствования врачей» специально подчеркнул, что эта книжечка «явится толчком для дальнейшего продвижения мысли о необходимости проведения целого ряда широких мер в общегосударственном масштабе для профилактики рахитизма».

«Труд Н. Бруханского «Судебная психиатрия» рассчитан, очевидно, в первую очередь на вузовцев — медика и юриста,— отмечал в рецензии помощник прокурора Верховного Суда СССР И. Кондратьев.— Но мы считаем вполне возможным и необходимым рекомендовать его также практическим судебным работникам, особенно криминалистам».

«Каждый агроном и работник сельскохозяйственной кооперации, работник по семснабжению должен быть в курсе современного положения сортоводства, и книжка К. Пангало «Введение в сортоводство» будет для них отличным пособием. Ясно, сжато и исчерпывающе дает она представление о главнейших работах и теориях наследственности, из которых многие получили права гражданства только в последнее десятилетие. В книге удачно подчеркивается ценность практических выводов из работ проф. Н. И. Вавилова» («Сельскохозяйственная кооперация», 1927, № 5—6).

Многие естественнонаучные издания М. В. Сабашникова начала 20-х годов имелись в библиотеке В. И. Ленина в Кремле, а А. М. Горький в письме из Сорренто в Москву к Е. П. Пешковой от 6 апреля 1925 года просил непременно прислать ему вышедшие в издательстве М. и С. Сабашниковых книги Р. А. Грегори, С. А. Воронова, О. Д. Хвольсона, Я. И. Френкеля, А. Ф. Иоффе.

Успешная работа М. В. Сабашникова в советское время получила одобрение на Международной книжной выставке во Флоренции в 1922 году. В 1924 году заведующий Центральной книжной палатой Н. Ф. Яницкий вторично пригласил М. В. Сабашникова участвовать в Международной книжной выставке, на этот раз в Праге. «Необходимо развернуть перед западноевропейским обществом картину умственной жизни Советской России,— отмечал Н. Ф. Яницкий в письме

издателю.— Необходимо разрушить стену недоверия к Союзу Республик и положить прочное основание к сближению отдельных стран и народов с Советской Федерацией. Книга — лучшее доказательство и лучшая связь». М. В. Сабашников принял участие в Пражской выставке.

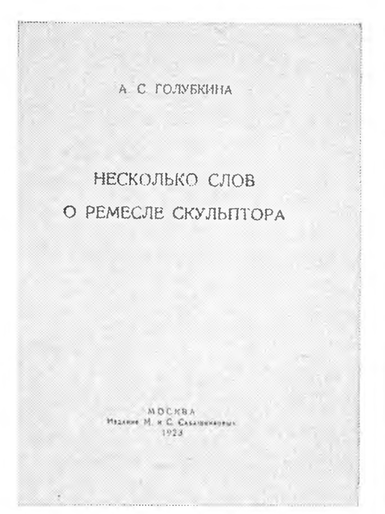
Естественнонаучные издания с маркой «М. и С. Сабашниковы» рецензируются и реферируются крупнейшими зарубежными научными журналами: американским ежемесячником «Ботанический реферативный журнал», издаваемым Филадельфийским университетом, немецким «Журналом криминальной психологии и реформы уголовного права». Например, рецензируя книгу А. Е. Петровой «Психологическая классификация личностей», этот журнал отмечал: «Госпожа д-р Петрова высказывается очень скромно о своих методических исследованиях, которые должны найти свое продолжение в больших работах. Она хочет изложить там обширный и итоговый материал. Мы считаем, что она недооценивает уже сделанное, и радуемся тому, что нам даст еще ее исследование».

Н. А. Рубакин каждый год включает советские издания М. В. Сабашникова в список лучших книг на русском языке. 24 марта 1927 года знаменитый библиограф и книговед пишет М. В. Сабашникову из Лозанны:

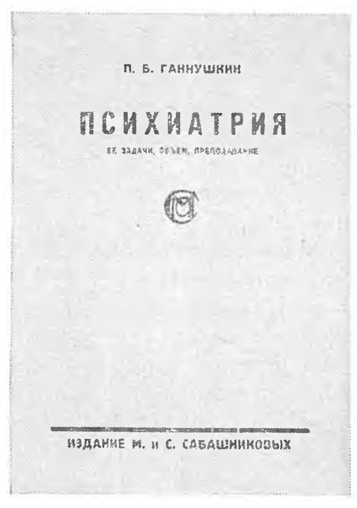
«*Глубокоуважаемый Михаил Васильевич.*

По примеру предыдущих двух лет снова тревожу Вас все тою же просьбой: дайте нам список из 40 книг на русском языке из числа появившихся в 1926 году, по Вашему мнению наиболее выдающихся. Вот уже третий год Международный институт интеллектуального сотрудничества (в Париже), заменивший собою Комиссию при Лиге Наций, возлагает на нашу секцию

Книга видного русского скульптора.



Книга крупного советского психиатра.



составление такого списка. Список за 1924 год уже появился и разошелся по всем странам в течение месяца. Ныне печатается второе издание его. Лишь только я получу его экземпляры, немедленно пришлю Вам. Список за 1925 год печатается. Список за 1926 год нами составляется и должен быть представлен в институт во второй половине апреля. Я уже писал Вам в моем поздравительном письме[1], какие Ваши издания

[1] По поводу 35-летия издательства М. и С. Сабашниковых в 1926 году.

введены нами в списки 1924 и 1925 гг. Не откажитесь прислать нам, по примеру прежних лет, и Ваши издания, вышедшие в 1926 году. Заранее благодарю Вас за помощь, которую высоко ценю.

Здесь на книжном рынке великое затишье, особенно на русском.

Искренне уважающий Вас
Н.Рубакин».

Так издательство Сабашниковых достойно представляло советскую книгу за рубежом.

* * *

Первые произведения выдающегося советского писателя академика Л. М. Леонова — рассказы «Деревянная королева», «Бубновый валет», «Валина кукла», «Петушихинский пролом», «Туатамур» и повесть «Конец мелкого человека» — были выпущены издательством М. и С. Сабашниковых после Октябрьской революции.

Сразу же после их выхода А. М. Горький писал из Сорренто в Москву Е. П. Пешковой: «Мне совершенно и спешно необходимо три книжки **Леонова:** Петушихинский пролом, Туатамур, Деревянная королева. Издание Сабашникова».

Л. М. Леонов, близко знавший все последующие годы М. В. Сабашникова [1], вспоминает: «Это был глубоко интеллигентный русский человек, бескорыстно преданный книжному делу, сохранивший на всю жизнь чистоту души и веру в свои идеалы».

В издательстве М. и С. Сабашниковых в 20-е годы вышли также романы советских писателей — Л. Е. Ост-

[1] С 1923 г. Л. М. Леонов женат на младшей дочери М. В. Сабашникова — Татьяне Михайловне.

Книга известного советского ученого, агронома-растениевода.

Проф. А. Г. ДОЯРЕНКО

КРЕСТЬЯНСКИЕ БЕСЕДЫ

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО
НА ОПЫТНОМ ПОЛЕ

Организация и программа бесед

МОСКВА
Издание М. и С. Сабашниковых
1925

роумова «День жатвы» и П. С. Романова «Русь». По отзыву А. В. Луначарского, отдельные главы книги П. С. Романова «Русь» поднимаются до «чрезвычайно высокой художественности».

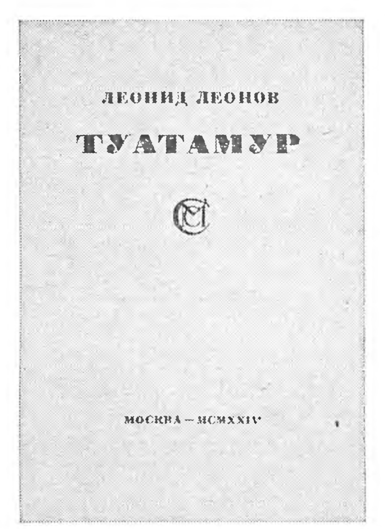
В советское время М. В. Сабашников продолжает выпуск блестящей дореволюционной серии «Памятники мировой литературы». Можно только поражаться энергии и настойчивости Михаила Васильевича, когда, несмотря на очень трудные условия жизни в 1917—1921 годах, издательство М. и С. Сабашниковых не прекращало выпуска «вечных книг». В серии «Памятники мировой литературы» после революции вышли один том Еврипида в переводе И. Ф. Анненского, второй том Лукиана, скандинавский эпос «Эдда», два тома «Былин» под редакцией крупного советского фольклориста академика М. Н. Сперанского, второе издание «Песни о Гайавате» в переводе И. А. Бунина.

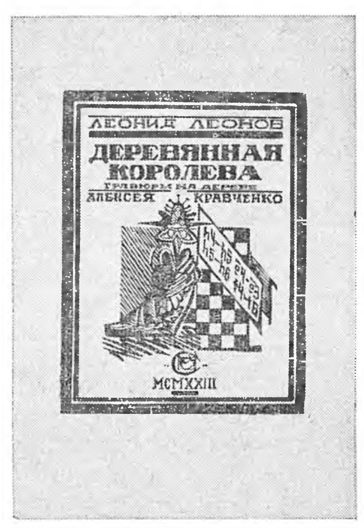
Профессор-египтолог Б. А. Тураев выпустил в «Памятниках» в 1920 году прекрасный том «Египетская литература». С гравюрами на дереве замечательного советского художника В. Фаворского вышла «Книга Руфь». В переводе известного советского литературоведа и театроведа А. И. Пиотровского в 1923 году были изданы «Всадники» и «Лисистрата» Аристофана.

Социолог и книговед П. Витязев, называя в книге «Частные издательства в Советской России» (Пг., 1921) сабашниковские «Памятники» «замечательным явлением в истории книжного дела в России», подчеркивал, что одной только серией «Памятники мировой литературы» братья Сабашниковы «вполне оправдали свое существование перед всей книжной русской литературой за все время ее существования».

А ведь были еще «Русские Пропилеи», «История», «Пушкинская библиотека» и, наконец, знаменитые «Записи Прошлого».

Первые произведения выдающегося советского писателя Л. М. Леонова.





Последний, шестой том из серии «Русские Пропилеи» вышел в 1919 году. Он был посвящен А. С. Пушкину и А. Н. Скрябину.

В мае 1919 года в издательстве М. и С. Сабашниковых с докладом «Русские путешественники-исследователи» выступил профессор Московского университета этнограф А. Н. Максимов. Михаил Васильевич планировал вместе с М. А. Мензбиром издать в «Ломоносовской библиотеке» труды и дневники русских путешественников. А. Н. Максимов посоветовал выпустить сводный труд по истории освоения Сибири и пореко-

мендовал для этой работы привлечь историка С. В. Бахрушина.

В 1927 году издательство М. и С. Сабашниковых выпустило книгу С. В. Бахрушина «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII веках». Правда, эта книга вышла не в «Ломоносовской библиотеке», а в серии «История». В этой же серии М. В. Сабашников выпустил и два последних тома уже упоминавшейся работы Г. Ферреро «Величие и падение Рима».

Своеобразным дополнением к серии «История» явились пять маленьких «Исторических портретов» в переводе Н. В. Сперанского, выпущенных Сабашниковым в 1921 году. Среди них особенно выделяются очерки знаменитого французского философа-позитивиста Эрнеста Ренана: «Кальвин», «Три Габсбурга», «Франциск Ассизский». Русские читатели, которые до сих пор знали Э. Ренана как автора популярной книги «Жизнь Христа», теперь познакомились с ним как историком.

Весной 1918 года М. В. Сабашников решил осуществить свою старую идею — выпустить ряд небольших сборников стихотворений современных русских поэтов в серии «Пушкинская библиотека». Он обратился к В. Брюсову, А. Блоку, И. Бунину, Ф. Сологубу, Н. Клюеву, К. Бальмонту с просьбой составить для его издательства такие «изборники».

Сохранились договоры и переписка, свидетельствующие о работе по подготовке «изборников», с А. А. Блоком [1], В. Я. Брюсовым [2], К. Д. Бальмонтом, Вяч. И. Ивановым, Ф. К. Сологубом, И. А. Буниным.

[1] См. статью А. П. Толстякова «Изборник» Александра Блока». «Вопросы литературы», 1968, № 2.

[2] См. переписку В. Брюсова с М. Сабашниковым в «Записках отдела рукописей ГБЛ СССР», вып. 29. М., 1967.

Однако в связи с типографскими трудностями лишь «изборник» К. Д. Бальмонта под названием «Солнечная пряжа» с портретом поэта работы М. Волошиной-Сабашниковой увидел свет в издательстве М. и С. Сабашниковых в серии «Пушкинская библиотека». В этой же серии в советское время М. В. Сабашников выпустил «изборник» интересного русского поэта начала XIX века И. М. Долгорукого и «изборник» стихотворений «Поэты пушкинской поры» под редакцией известного советского поэта, критика и переводчика Ю. Н. Верховского.

В 1921 году М. В. Сабашников задумал выпустить уникальную серию альбомов под общим заглавием «Художественное достояние России» («Памятники художественной старины»). В архиве издательства сохранились фотографии некоторых памятников архитектуры Новгорода и Ярославля. Прошло полвека, и многие советские издательства воплотили в жизнь идею Сабашникова, выпуская альбомы русских городов.

В портфеле издательства М. и С. Сабашниковых есть рукописи поэта В. Ф. Ходасевича, подготовившего перевод «Воспоминаний итальянского дворянина» Стендаля, историка П. М. Майкова, который в 1918 году в возрасте 85 лет сделал для издательства Сабашниковых перевод одного из популярных в свое время произведений французской литературы — «Десять лет изгнания» Жермены де Сталь...

Не смог М. В. Сабашников осуществить издание мемуарных книг профессора Народного университета имени А. Л. Шанявского П. И. Бахметьева «Из моей жизни», крупнейшего русского кристаллографа академика Е. С. Федорова «Семь лет в мире камней».

Вероятно, эти мемуарные книги предназначались для самой популярной советской серии М. В. Сабашникова «Записи Прошлого».

О прошлом — для будущего

При внимательном прочтении романа Достоевского «Игрок» можно увидеть, что необычайная личная взволнованность пронизывает повествование всюду, где на сцену появляется Полина. По словам А. Г. Достоевской, Федор Михайлович говорил ей во время работы над «Игроком», что «много из его (игрока.— *С. Б.)* чувств и впечатлений испытал сам на себе». Относилось ли это признание только к его страсти к игре, или сюда входила и страсть к женщине? Образ Полины исключительно ли продукт творческого воображения или проекция и личного опыта? Этот вопрос приобретает тем большее значение, что черты Полины и позже повторяются в женских образах Достоевского (Настасья Филипповна, Грушенька).

И если образ Полины первый в ряду «инфернальных» женщин Достоевского, то не следует ли внимательнее заглянуть в тот период жизни великого писателя, когда слагался замысел «Игрока», и поискать в нем объяснение тому изумительному проникновению Достоевского в женскую душу, которым отличаются пять больших романов: «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы»?

Анализ «Игрока» и изучение биографических фактов, связанных с его созданием, должны были рано или поздно поставить вопрос о невыясненной тайне в жизни Достоевского. Счастливый случай привел ученого хранителя рукописного отделения библиотеки Академии наук Альфреда Людвиговича Бема к раскрытию этой тайны. Ему посчастливилось в 1918 году найти среди рукописей Академии наук дневник Аполлинарии

Сусловой, который проливает совершенно новый свет и на биографию Достоевского, и на роман «Игрок».

Однако в 1919 году А. Л. Бем уехал в Чехословакию, так и не успев обнародовать свою находку. Десять лет дневник Аполлинарии Сусловой оставался ненапечатанным, пока, наконец, за его публикацию не взялся известный советский исследователь творчества Достоевского Аркадий Семенович Долинин.

В 1928 году в издательстве М. и С. Сабашниковых с вступительной статьей и примечаниями А. С. Долинина вышел дневник А. П. Сусловой под названием «Годы близости с Достоевским». Эта книга появилась в специальной серии «Записи Прошлого», которая выпускалась М. В. Сабашниковым с 1925 по 1934 год под редакцией историка С. В. Бахрушина и литературоведа М. А. Цявловского. 28 томов в серии «Записи Прошлого» явились наивысшим издательским достижением фирмы «М. и С. Сабашниковы» в советское время.

Цель издания, изложенная С. В. Бахрушиным и М. А. Цявловским в одном из редакционных послесловий, состояла в том, чтобы «дать изображение развития русской культуры и картину жизни и быта разных слоев русского народа в показаниях свидетелей и деятелей нашего прошлого». Издательство М. и С. Сабашниковых блестяще справилось с поставленной целью.

Известный советский критик Ю. В. Соболев писал в журнале «Прожектор» (1928, № 9): «Дневник Сусловой, рассказывающий о годах ее близости с Достоевским,— большой человеческий документ. Он ценен не только тем, что рисует нам прообраз героинь Достоевского, что уже одно дает право на появление его в печати, но и восстанавливает любопытные черты того типа русской женщины, который начал слагаться в одну из замечательных эпох русской жизни».

Юрий Васильевич Соболев был первым, кто отметил в 1925 году появление серии «Записи Прошлого», и, как писали впоследствии М. В. Сабашников и М. А. Цявловский в приветствии критику по случаю 25-летия его литературной деятельности, он неоднократно поощрял их своими рецензиями к продолжению этого издания. Ответное письмо Ю. В. Соболева на имя М. В. Сабашникова и М. А. Цявловского заканчивалось словами: «Буду рад и впредь писать о Ваших изданиях, вносящих такой ценный вклад в нашу культуру».

Тепло встретил Ю. В. Соболев и перевод в серии «Записи Прошлого» книги Л. Ауэра «Среди музыкантов» (1927). Леопольд Семенович Ауэр (1845—1930) — выдающийся скрипач и педагог, почти полвека, с 1868 по 1917 год, проработавший профессором Петербургской консерватории и воспитавший десятки знаменитых скрипачей, в том числе Я. Хейфеца.

После 1917 года Л. С. Ауэр уехал в США и выпустил там в 1924 году на английском языке книгу под названием «My long Life in Music» «(Моя долгая жизнь в музыке»). Изданная М. В. Сабашниковым в серии «Записи Прошлого» книга Ауэра «Среди музыкантов» — сокращенный вариант английского оригинала. Это автобиография Л. Ауэра, охватывающая его жизнь до приезда в Россию из Венгрии и особенно подробно описывающая пребывание музыканта в России. Книга представляет большой интерес, хотя и не отличается глубиной характеристик и наблюдений. Она чуть-чуть легковесна, но многочисленные факты делают эти мемуары ценным документом своей эпохи.

В предисловии к русскому изданию книги Л. Ауэра С. Бахрушин отмечал: «В легкой автобиографической форме Ауэр дает обзор главнейших явлений музыкальной жизни, преимущественно четырех последних деся-

тилетий XIX века... Особенно полно освещена музыкальная жизнь России, с которой автор, начиная с 1868 года, был тесно связан... Ауэр изображает с необычайной выпуклостью социальный тон и общественное положение артиста его времени, и в этом отношении его записки тем более заслуживают внимания, что зарисованный им придворный артист, с его замкнутым кругом интересов и страстей, еще задолго до войны (1914 года.— *С. Б.)* стал отходить в область преданий».

Тщательный выбор материалов для публикации, всегда свежих и интересных, сопровождавшие их обстоятельные статьи, обильные примечания к текстам, наконец, высокий научный авторитет С. Бахрушина и М. Цявловского обеспечили «Записям Прошлого» теплый прием среди читателей и прекрасные отзывы советской и зарубежной печати.

«Один из всемирно известных скрипачей, а сегодня еще и отличный педагог Л. Ауэр,— писала газета «Пражская пресса»,— недавно опубликовал свои воспоминания на русском языке», а немецкий журнал «Литература» назвал «Записи Прошлого» «отличной мемуарной серией».

Среди изданий серии значительное место занимает трехтомник воспоминаний Т. А. Кузминской «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне». Рецензируя его, журнал «Печать и революция» отмечал: «Мемуары Кузминской являются одной из замечательнейших книг во всей обширной литературе о Толстом. Издана книга с большим изяществом». А газета «Известия» добавляла: «Ценность этих трех томиков далеко не ограничивается историко-литературной областью».

Татьяна Андреевна Кузминская (1846—1925) — свояченица и близкий друг Л. Н. Толстого — большую часть юности провела в семье Толстых. По признанию самого Льва Николаевича, Т. А. Кузминская вместе с

сестрой Софьей Андреевной послужила прототипом Наташи Ростовой в романе «Война и мир». В 1919 году она переехала в Ясную Поляну, где и жила до самой смерти. Последние годы жизни Кузминская работала над книгой «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне». Это наиболее полный мемуарный источник, рисующий творческую и домашнюю жизнь великого русского писателя в 60-е годы. Впоследствии воспоминания Т. А. Кузминской неоднократно переиздавались, став одной из самых популярных мемуарных книг.

В «Записях Прошлого» Михаил Васильевич выпустил также «Дневники» Софьи Андреевны Толстой. «На днях, читая биографию Пушкина, мне пришло в голову,— пишет С. А. Толстая,— что я могла бы быть полезна для потомства, которое будет интересоваться биографией Левочки, и записывать не вседневную его жизнь, а жизнь умственную, насколько я способна следить за ней».

Софья Андреевна — не профессиональный литератор, и было бы явным преувеличением говорить о ее большом писательском даровании. Но годы жизни с Толстым, участие в его трудах, сама атмосфера высокого искусства оказали влияние на формирование своеобразной писательской манеры С. А. Толстой, и «Дневники» ее стоят в одном ряду с лучшими образцами русской мемуаристики: книгами Н. А. Тучковой-Огаревой, Т. П. Пассек, А. Я. Панаевой, А. Г. Достоевской. Кстати, «Воспоминания» Н. А. Тучковой-Огаревой вышли в издательстве М. и С. Сабашниковых еще в 1903 году.

«Дневники» С. А. Толстой, пожалуй, самое уникальное издание в серии «Записи Прошлого», мимо которого трудно пройти не только исследователю творчества Л. Н. Толстого, но и просто любому культурному человеку.

Серия «Записи Прошлого» — самая популярная советская серия издательства Сабашниковых.





Они вышли под редакцией и с примечаниями Сергея Львовича Толстого.

В архиве издательства сохранилось письмо С. Л. Толстого к М. В. Сабашникову от 25 сентября 1928 года:

«Глубокоуважаемый Михаил Васильевич!

Прошу Вас и сотрудников издательства М. и С. Сабашниковых, почтивших меня приветствием в день столетия со дня рождения моего отца, принять мою сердечную благодарность. Мне особенно дорого

приветствие от работников... издательства, которое никогда не отступало от вечных идеалов человечества.

Сергей Львович Толстой».





Так же высоко оценивал деятельность М. В. Сабашникова и рядовой читатель. В письме в издательство от 28 июля 1928 года, написанном под впечатлением от чтения мемуаров серии «Записи Прошлого», ленинградский библиотекарь Я. П. Гребенщиков восхищается умением Михаила Васильевича «продумать и подобрать материал, умением выдержать серию и внутри и вне, умением создать название, умением сделать книгу со стороны типографской техники» и т. д.

И вполне закономерно, что в «наиболее культурном из современных русских издательств» сотрудни-

чал «самый культурный писатель на Руси», как называл В. Я. Брюсова в письмах к нему М. Горький. В серии «Записи Прошлого» вышли в 1927 году две книги В. Я. Брюсова: «Дневники. 1891—1910» и «Из моей жизни. Моя юность. Памяти».

Сразу же после выхода «Дневников» В. Я. Брюсова А. М. Горький писал из Сорренто Е. П. Пешковой: «Пожалуйста — пришлите мне «Дневники» **В. Я. Брюсова,** изданные Сабашниковыми. Умоляю Вас!»

Как отмечали «Известия» (1927, 3 апреля) в рецензии на эти издания, «Брюсов беспощаден к самому себе в изображении своего детства и юности. Записки являются ценным материалом к пониманию эпохи и самого Брюсова, как человека».

Не менее ценным материалом к пониманию эпохи являются четырехтомные «Воспоминания» русского историка, философа, общественного деятеля профессора Московского университета Бориса Николаевича Чичерина. Мемуары либерального профессора, охватывающие почти полувековой период из жизни московской интеллигенции, бесспорно, ценнейший исторический документ, весьма важный также и для характеристики самого Б. Н. Чичерина, который, как ученый, не может быть понят вне его биографии. Автор воспоминаний — дядя выдающегося советского дипломата ленинской школы Георгия Васильевича Чичерина. Поэтому изданные М. В. Сабашниковым «Воспоминания» — незаменимый документ также для характеристики того дворянского уклада, с которым впоследствии порвал Г. В. Чичерин.

Значительное место в серии занимают материалы по истории революционного движения в России. Через всю жизнь пронес М. В. Сабашников свободолюбивые идеи юношеских лет. В 1914 году в издательстве М. и С. Сабашниковых вышла книга «Декабрист

Кривцов и его братья». Много лет близким другом и сотрудником М. В. Сабашникова был В. Е. Якушкин — внук декабриста И. Д. Якушкина. Поэтому вполне закономерно, что в 1926 году в «Записях Прошлого» вышла книга «Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных». В это издание вошли письма Е. И. Якушкина (сын декабриста), И. И. Пущина, С. Г. Волконского и многих других замечательных деятелей русского освободительного движения. Неопубликованными остались три тетради записей другого внука декабриста — историка Е. Е. Якушкина «Из прошедшего царствования (слышанные рассказы)», находящиеся в портфеле издательства.

Среди неопубликованных рукописей есть также мемуары о террористической деятельности социалистов-революционеров в начале 1900-х годов и о полицейских преследованиях, которым они подвергались.

На одной такой рукописи есть необычная подпись: «Товарищ». Это псевдоним Александры Измайлович. В целях конспирации она подписала этим псевдонимом воспоминания о сестре Екатерине Измайлович, которая стреляла 27 января 1906 года в адмирала Чухнина, подавившего Севастопольское восстание, легко его ранила и тут же была расстреляна по его приказу матросами.

К сожалению, много ценных рукописей, предназначавшихся к изданию в «Записях Прошлого», М. В. Сабашников не успел выпустить. Воспоминания вице-директора департамента полиции Н. П. Харламова «Записки бюрократа» содержат весьма любопытный очерк «Кончина и погребение Льва Толстого». Это рассказ о секретной миссии, с которой автор был послан министром внутренних дел П. А. Столыпиным на станцию Астапово, чтобы «по соглашению с

обоими губернаторами, т. е. рязанским и тульским... принять все зависящие меры к возможному обеспечению порядка и спокойствия как в Астапове, так и в месте погребения Толстого в случае его смерти».

Замечательный русский гравер и живописец Лев Михайлович Жемчужников (1828—1912), известный произведениями на темы украинского народного быта, развивал в изобразительном искусстве традиции Т. Г. Шевченко. В 1927 году в серии «Записи Прошлого» вышли мемуары Л. М. Жемчужникова «Мои воспоминания из прошлого». В портфеле издательства сохранилась также неопубликованная часть его воспоминаний. Здесь можно найти материал о Т. Г. Шевченко, с которым Жемчужников был хорошо знаком, а также описание путешествия автора в Швейцарию, Францию, Сирию и Палестину.

Неопубликованные мемуары воспитанника Морского кадетского корпуса Семена Яковлевича Унковского «Записки моряка (1803—1819)» рассказывают о его кругосветном плавании на корабле «Суворов» в составе экспедиции М. П. Лазарева, товарища С. Я. Унковского по Морскому кадетскому корпусу. По заданию правления Российско-американской компании экспедиция совершила кругосветное плавание к берегам Аляски для обследования русских колоний.

Ни одна советская серия М. В. Сабашникова не получала такого международного резонанса, как «Записи Прошлого». 12 августа 1929 года Н. А. Рубакин обратился к М. В. Сабашникову от имени Международного института интеллектуального сотрудничества:

«Глубокоуважаемый Михаил Васильевич!

По поручению нашего института премного благодарю Вас за присылку всех недостающих у нас томиков Вашей превосходной серии «Записи Прошлого».

Мы их получили и изучили. Вся серия внесена нами в Международный список наиболее замечательных книг, вышедших в 1928 году...

Мы устроили постоянную выставку Вашей серии и демонстрируем, сопровождая нашими объяснениями, Ваши издания довольно многочисленным посетителям нашего института и читателям нашей библиотеки...»

«Записи Прошлого» М. В. Сабашникова явились прообразом популярной ныне серии «Литературные мемуары».

* * *

Необычной была программа 262-го заседания Русского общества друзей книги 14 мая 1926 года в Московском Доме ученых. Заседание целиком посвящалось 35-летию одного из старейших русских издательств М. и С. Сабашниковых. Поступили приветствия от Всероссийского союза писателей, от Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, от Государственного Исторического музея. Впрочем, не будем перечислять все организации, приславшие приветствия, а лучше приведем два из них.

«Члены и сотрудники Государственной академии художественных наук приветствуют в лице Вашем, глубокоуважаемый Михаил Васильевич, исключительного работника, мастера и друга книги, в течение 35 лет оказывавшего несравненные услуги русской науке и литературе. Высокоценное содержание публикаций Вашего издательства — здесь достаточно указать хотя бы на «Памятники мировой литературы» — Вами облечено было в очень достойную форму, заслужившую Вам признательность со стороны всех многочисленных читателей и изучателей изданных Вами трудов...»

«Михаил Васильевич! В день 35-летия яркой просветительной деятельности издательства М. и С. Са-

башниковых в области печатного слова мы, работники книжного прилавка магазина Центросоюза на Кузнецком мосту, приветствуем и искренне благодарим Вас. Мы приветствуем не только потому, что Ваше издательство прожило редкий срок для русских издательств... Ваше долголетие дорого нам еще и потому, что оно сопровождалось непрерывным культурным ростом и исключительным уважением к книге как со стороны ее внутреннего содержания, так и внешнего ее оформления...

Предлагая и рекомендуя Ваши издания, мы не молчим, у нас есть что сказать покупателю книги и вместе с ним чувствуем, что работа Вашего издательства помогает изживать ту вековую досаду, которую еще в прошлом столетии испытывал при посещении книжных лавок великий любитель хорошей книги — Пушкин.

И очень часто Ваши издания не нуждаются в предложении: их спрашивают — митрохинская марка Вашего издательства является лучшей рекомендацией для всякого любящего и желающего приобрести хорошую, культурную книгу.

Ваш юбилей — радостный праздник книги, но еще задолго до него творческие будни Вашей многолетней работы сделали Ваше имя — два слова: «Издательство Сабашниковых» — славным историческим именем в возглавляемом Н. И. Новиковым синодике русских издателей».

Выдающийся советский книговед и искусствовед член-корреспондент Академии наук СССР А. А. Сидоров, приветствовавший М. В. Сабашникова в качестве ученого секретаря Государственной академии художественных наук, написал автору этой книги, что он надолго запомнил день 14 мая 1926 года.

Надолго запомнил его и сам Михаил Васильевич.

В памяти потомства

В конце 20-х годов, когда частный капитал вытеснялся из всех областей народного хозяйства, деятельность частного издательства не соответствовала духу времени. Да и название издательства, свидетельствующее о его принадлежности М. В. Сабашникову, не отражало больше истинного положения вещей. Поэтому в октябре 1930 года издательство М. и С. Сабашниковых было преобразовано в кооперативное издательство «Север». Таким образом, московское издательство М. и С. Сабашниковых было одним из последних частных книгоиздательств в СССР (ленинградское издательство «П. П. Сойкин» влилось в Лениздат в ноябре 1930 года).

О ликвидации издательства было разослано специальное извещение. Начатую производством продукцию, запасы бумаги и сумму наличных денег Михаил Васильевич передал издательству «Север», которое помещалось в доме № 36 на Арбате.

«Север» учреждался как «кооперативная промысловая производственная артель» с правлением, возглавляемым академиком Д. М. Петрушевским. В состав правления вошли М. А. Цявловский и Н. П. Губский. В издательстве работали также С. В. Бахрушин, А. А. Захаров, С. В. Сперанский, З. П. Измайлова, М. А. Чупрова и сын М. В. Сабашникова — Сергей Михайлович. Сам же Михаил Васильевич был назначен ответственным редактором и заведующим редакционно-издательской частью.

Его служебные функции разъясняет удостоверение

за подписью Д. М. Петрушевского, выданное в январе 1932 года: «Дано настоящее удостоверение гражданину М. В. Сабашникову в том, что он состоит заведующим редакционной частью кооперативного издательства «Север» и уполномочен принимать от авторов рукописи, сдавать их в типографию для набора и печати, представлять издательство «Север» в Комитете по делам печати и получать бумагу от органов снабжения».

В регистрационной анкете издательства программа деятельности «Севера» определялась следующим образом:

«1) антропология и естествознание (включая генетику и учение о поведении);

2) история культуры (включая историю материальной культуры и быта, издание памятников и источников, мемуаров, биографий, археологию, краеведение и историю искусств);

3) история литературы (включая памятники мировой литературы);

4) продолжение начатых изданий М. и С. Сабашниковых и не законченных ими книг и переиздание книг их каталога».

Однако в связи с недолгим существованием издательства эта программа осталась невыполненной, и основным направлением деятельности «Севера» было продолжение выпуска книг серии «Записи Прошлого»: «Хроника рода Достоевского» видного советского генетика М. В. Волоцкого (1933), 3-й том «Дневников» С. А. Толстой (1932), 3-й и 4-й выпуски «Воспоминаний» Б. Н. Чичерина (1932—1934), «Петербургские очерки» публициста 60-х годов XIX века П. В. Долгорукова (1934).

Выпущены были две естественнонаучные книги: посмертная монография П. Б. Ганнушкина «Клиника

психопатий, их статика, динамика, систематика» (1933) и 11-е издание работы П. Ф. Маевского «Весенняя флора Средней России» (1934).

Первая книга, которую издал в своей жизни М. В. Сабашников,— «Злаки Средней России» П. Ф. Маевского (1891). И последняя книга, которую он выпустил через 45 лет после начала издательской деятельности,— «Весенняя флора Средней России» (1934) — тоже принадлежит перу его учителя П. Ф. Маевского.

Осенью 1934 года право издания мемуаров перешло в издательство «Советский писатель». «Север» перестал существовать. Но М. В. Сабашников не порвал с издательским делом и редактировал книги вплоть до Великой Отечественной войны.

Ему по-прежнему были свойственны удивительная работоспособность, какая-то особенная молодость души и добрый юмор. Вот характерная запись, сделанная им на отдельном листе бумаги: «7/III-37. Сегодня я ходил в одно учреждение. У входа надо было предъявить паспорт. Старичок, проверявший пропуск, взглянул на меня и с недоумением воскликнул:

— Вы на три года старше меня, а взбегаете на пятый этаж, как молодой человек. Никогда не пили?»

Михаил Васильевич ответил в тон ему:

«Ну, этого нельзя сказать. Пивал, но, конечно, в меру.

— Ну, стало быть, у вас жена очень хорошая?

— Вот что верно, то верно! — сказал я, пожелав старичку доброго здоровья».

5 ноября 1941 года в дом, где жил Сабашников, попала бомба. Четыре человека были убиты, а сам он ранен обломками обрушившейся стены.

12 февраля 1943 года Михаил Васильевич Сабашников скончался в Москве после тяжелой и длитель-

ной болезни. Он похоронен на Новодевичьем кладбище. В 1967 году на могиле был установлен памятник. Наверху надпись:

«Михаил Васильевич
САБАШНИКОВ
издатель
1871—1943»

* * *

«Издательство М. и С. Сабашниковых существует уже более 30 лет и за этот срок выполнило исключительную по ценности культурную работу. Едва ли можно найти в России человека, интересующегося естествознанием и незнакомого с книгами, изданными М. и С. Сабашниковыми; едва ли кто из образованных людей вообще не держал в руках выпущенных тем же издательством многотомных «Памятников мировой литературы». Издательство никогда не преследовало целей наживы. Оно было задумано как начинание просветительного характера и никогда не сходило с пути, намеченного при его основании. В силу этого ему удалось объединить вокруг себя многочисленных деятелей русской науки и русской литературы... Своей деятельностью издательство М. и С. Сабашниковых заслужило, бесспорно, одно из самых почетных мест в истории русского издательского дела». Эти слова принадлежат замечательному советскому историку академику В. П. Волгину.

Сабашниковы подарили читателям целый ряд выдающихся произведений литературы и искусства.

14 книжных серий имеют издательскую марку «М. и С. Сабашниковы».

«Памятники мировой литературы», «Русские Пропилеи», «Страны, века и народы», «Пушкинская библиотека», «Записи Прошлого» — один лишь перечень этих историко-художественных серий составил бы честь любому другому русскому издательству. Многие издательские начинания братьев Сабашниковых предвосхитили популярные в наши дни литературные серии и сборники.

50 лет проработал на издательском поприще М. В. Сабашников. 40 лет подряд существовало в Москве издательство М. и С. Сабашниковых. За это время оно выпустило свыше 600 названий книг общим тиражом 1,5 миллиона экземпляров.

Среди ученых, чьи труды издавали Сабашниковы, 22 академика с мировым именем (русских и советских), свыше 100 крупных профессоров (русских и советских) и свыше 100 видных европейских ученых.

Среди писателей, художников и поэтов, сотрудничавших с Сабашниковыми: И. А. Бунин, В. Я. Брюсов, Л. М. Леонов, Вяч. И. Иванов, И. Ф. Анненский, М. А. Волошин, В. А. Фаворский, Д. И. Митрохин, А. С. Голубкина, П. С. Романов и много других известных деятелей русской и советской культуры.

Но, пожалуй, хватит статистики. Хватит имен. Достаточно фактов. Ими наполнены очерки.

С именем одного из героев этой книги связано и зарождение советского издательского дела. Уже в преклонном возрасте М. В. Сабашников все свои силы и весь свой богатейший опыт отдал молодой Советской стране, выпуская нужные народу книги и работая до последних дней в советских издательских учреждениях.

«Михаила Васильевича Сабашникова, корректнейшего, сдержанного, молчаливого, я знал многие го-

ды,— вспоминает В. Г. Лидин,— всегда восхищался его издательской деятельностью и уважал ее».

«Книга, быть может, наиболее сложное и великое чудо из всех чудес, сотворенных человечеством на пути его к счастью и могуществу будущего»,— писал А. М. Горький. Всю свою жизнь братья Сабашниковы посвятили тому, чтобы приблизить человечество «к счастью и могуществу будущего».

В полуграмотной России они решили приучить читателей к серьезной книге. И русский читатель полюбил серьезную книгу, русский читатель сумел по достоинству оценить издания с маркой «М. и С. Сабашниковы».

«Еще в юности я научился особенно ценить и любить Ваши издания,— писал М. В. Сабашникову Н. А. Рубакин,— всегда близкие мне по истинно научному духу, каким они проникнуты: никогда не обмолвившиеся ни единым словом в защиту какой-либо формы насилия, гнета, всегда глубоко честные, светлые и гуманные. «Если такие-то книги изданы Сабашниковым, значит, они хорошие и подлежат распространению» — так я и мои сотрудники судили о Ваших изданиях многие десятки лет».

Прочтя эту книгу, любопытный читатель захочет приобрести издание с маркой «М. и С. Сабашниковы». Но купить их почти невозможно. Их нет даже в букинистических магазинах. С ними не расстаются. Их берегут, как самое дорогое в жизни.

И все же, если когда-нибудь, читатель, ты увидишь на книге издательскую марку «М. и С. Сабашниковы», то вспомни о людях, подчинивших жизнь «великому чуду» — КНИГЕ.

Литература

А д м и р а л ь с к и й А. М. и Б е л о в С. В. Рыцарь книги. Очерки жизни и деятельности П. П. Сойкина. Л., Лениздат, 1970.

Б а р е н б а у м И. Е. и Д а в ы д о в а Т. Е. История книги. М., «Книга», 1971.

Б р ю с о в В. Я. Письма к М. В. Сабашникову. «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина», вып. 29. М., 1967.

«Вестник шанявцев». М., 1918, № 1—5.

В и т я з е в П. Частные издательства в Советской России. Пг., 1921.

«Воспоминания Бестужевых». Под ред. М. К. Азадовского. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1951.

«Известия Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам». М., 1914—1918.

«Издательству М. и С. Сабашниковых. К 35-летию издательской деятельности. 1891—1926». М., Русское общество друзей книги, 1926.

К а ц п р ж а к Е. История книги. М., «Книга», 1964.

К е н н а н Д. Сибирь, т. 1—2. СПб, 1906.

«Книжная торговля». Под ред. М. В. Муратова и Н. Н. Накорякова. М.— Л., 1925.

К у б а л о в Б. Г. А. И. Герцен и общественность Сибири. Иркутск, 1958.

К у ф а е в М. Н. История русской книги в XIX веке. Л., «Начатки знаний», 1927.

Л и д и н В. Г. Друзья мои — книги. М., «Искусство», 1962.

М а л ы х и н Н. Г. и П а н и н а А. Л. Издательство М. и С. Сабашниковых. «Книга. Исследования и материалы», сб. 23. М., «Книга», 1972.

П а н и н а А. Л. Архив издательства М. и С. Сабашниковых. «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина», вып. 33. М., 1972.

П е т р я е в Е. Д. Люди и судьбы. Очерк из истории культуры Забайкалья. Чита, 1957.

Пирумова Н. Бакунин. М., «Молодая гвардия», 1970.

Попов И. И. Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. Л., «Колос», 1924.

Прянишников Д. Н. Мои воспоминания. М., Сельхозгиз, 1957.

Разгон Л. Э. Один год и вся жизнь. М., «Детская литература», 1973.

Розенберг В. А. Из истории русской печати. Организация общественного мнения в России. Прага, «Пламя», 1924.

«Русские ведомости». 1863—1913. Сборник статей». М., 1913.

Сабашников М. В. Из воспоминаний. Публикация Н. М. Артюховой. Послесловие В. Г. Уткова. В кн.: «Альманах библиофила». М., «Книга», 1973.

«Сабашников С. В. (Некролог)». «Русские ведомости», 1909, 24 марта.

Сидоров А. А. История оформления русской книги. М.—Л., Гизлегпром, 1946.

Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. М., «Искусство», 1962.

Стражева И. Леонардо да Винчи и механика полета. «Наука и жизнь», 1970, № 2.

Сытин И. Д. Жизнь для книги. М., Госполитиздат, 1960.

Тимирязев К. А. Сочинения, т. 8. М., Сельхозгиз, 1939.

Толстяков А. П. «Изборник» Александра Блока. «Вопросы литературы», 1968, № 2.

«400 лет русского книгопечатания», т. 1—2. М., «Наука», 1964.

Энгельгардт В. А. У истоков отечественной молекулярной биологии. «Природа», 1972, № 6.

Белов С. В. Братья Сабашниковы. «В мире книг», 1966, № 5.

Белов С. В. На пользу народа. «Книжное обозрение», 1968, 10 февраля.

Белов С. В. Последняя подробность. «В мире книг», 1973, № 6.

Белов С. В. «Шанявцы». «Москва», 1973, № 11.

Белов С. В. и Адмиральский А. М. Последний из могикан. «Неделя», 1967, № 19.

* * *

Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина, ф. 261. *Архив издательства «М. и С. Сабашниковы,* ф. 374, карт. 2, ед. хр. 6. Бальмонт Е. А. Воспоминания о семье Андреевых.

Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 621, ед. хр. 742. Письма С. В. Сабашникова к А. Н. Пыпину.

Центральный государственный архив литературы и искусства, ф. 44, 126, 232, 1696. Письма М. В. Сабашникова к В. Я. Богучарскому, И. А. Бунину, А. Е. Грузинскому, М. А. Кузмину.

Центральный государственный исторический архив Ленинграда, ф. 776, оп. 17, д. 76. О наложении ареста на кн. «Русские Пропилеи», т. 2. М., М. и С. Сабашниковы, 1916.

Личный архив Н. М. Артюховой. Воспоминания М. В. Сабашникова. Воспоминания Н. М. Артюховой.

Содержание

КНИГОИЗДАТЕЛИ САБАШНИКОВЫ

Сергей Владимирович Белов

Заведующий редакцией
Ю. Александров

Редактор *Л. Карабанова*

Художник *А. Бобров*

Художественный редактор
А. Титова

Технический редактор *Г. Смирнова*

Корректор *Т. Даукаева*

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», Москва, ул. Куйбышева, 21.

Л51095. Сдано в набор 7/XII—1973 г. Подписано к печати 22/III—1974 г. Формат бумаги 70 × 108 1/32. Усл. печ. л. 7,7. Уч.-изд. л. 7,14. Тираж 35 000. Тем. план 1973 г. № 187. Цена 30 коп. Заказ 3022.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», Москва, Краснопролетарская, 16.

Цена 30 коп.

С. Белов

Книгоиздатели Сабашниковы

